Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2018 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетнамоведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и другие. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИКСА РАН. URL: https://www.iccaras.ru

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-73494.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science — Emerging Sources Citation Index (ESCI).
Входит в Белый список научных журналов Российского центра научной информации (РЦНИ).

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н., профессор МГУ.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл.- корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: Бабаев К.В., д.филол.н., председатель; Маслов А.А., д.и.н., профессор; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Цветов П.Ю. (зав. редакцией), Дерюженко И.В., Мальцева О.И., Британкова А.Э.

Научные специальности:

- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.5.4. Международные отношения
- 5.6.3. Археология
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.3. Виды искусства
- 5.11.3. Практическая теология

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН.
E-mail: vietnamjournal@yandex.ru
Тел.: (499) 124 08 33.

Информация для авторов: https://vietnamjournal.ru/2618-9453/about/submissions

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

ISSN 2618-9453 электронная версия
ISSN 3034-6517 печатная версия
DOI: 10.54631/VS.2026.103-170

© Коллектив авторов
© ИКСА РАН

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внешняя и внутренняя политика

До Тхи Тхюи. Перспективы нишевой дипломатии Вьетнама в эпоху национального развития 6

Экономика и социальные процессы

Кузнецова Ю.А. Организационное обновление научно-технологической сферы СРВ и инновационный запрос 19

Нгуен Ван Тиеу. Устойчивое развитие в условиях современного старения населения: опыт Российской Федерации и уроки для Вьетнама 38

Хоанг Чунг Хок, Нгуен Тхи Тхюи Зунг, Мурафа С.В. Влияние социальной поддержки на академическую успеваемость студентов университетов Вьетнама 49

История, культура, религия

Василенко В.В., Као Тхи Ван Зием. У истоков зарождения вьетнамского балета. Вклад Я.Е. Брунак в становление вьетнамской хореографической школы 65

Минина Ю.Д. Национальный костюм вьетнамцев как инструмент культурной репрезентации: общественная дискуссия и практика в конце XX — начале XXI вв. 80

Ле Ван Туен, Краус Ф. Возникновение и рост протестантских домашних церквей во Вьетнаме после реформ Доймой 1986 года 97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О защите диссертаций 109

Письмо в редакцию 112

Нгуен Тхи Хай Ань. Адекватно оценивать уровень цифровизации Вьетнама 112

СОБЫТИЯ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

События

59-я встреча министров иностранных дел АСЕАН 118
День АСЕАН 119
18-е консультации Старших должностных лиц по экономике Россия — АСЕАН 120
Правовой форум АСЕАН 2026 121
Бизнес-диалог на полях Восточного экономического форума 121
58-я встреча министров экономики АСЕАН 122

Официальные документы

Совместное заявление об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства между Вьетнамом и Австралией 124
Совместное заявление о дальнейшем укреплении российско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства на новом этапе 129

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Канаев Е.А. Опыт, которым нельзя пренебречь (рецензия на сборник научных трудов В.М. Мазырина «На пути прогресса: Вьетнам в XXI веке») 140
Федорин А.Л. Вьетнамская духовная культура и литература как предмет многолетних плодотворных исследований 149

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Творческий и жизненный путь Нгуен Куок Диня: к 110-летию со дня рождения выдающегося вьетнамского ученого-правоведа 154

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH

Foreign and domestic policy

Do Thi Thuy. The Prospects of Vietnam's Niche Diplomacy in the Era of National Advancement 6

Economics and social processes

Kuznetsova Ju.A. Organizational Renewal of the Scientific and Technological Sphere of the Socialist Republic of Vietnam and Innovation Demand 19

Nguyen Van Chieu. Sustainable Development in the Context of Population Ageing: the Practice of the Russian Federation and Lessons for Vietnam 38

Hoang Trung Hoc, Nguyen Thi Thuy Dung, Murafa S.V. The Impact of Social Support on the Academic Performance of Vietnamese University Students 49

History, culture, religion

Vasilenko V.V., Cao Thi Van Diem. At the Origins of the Birth of Vietnamese Ballet. Ya. Brunak's Contribution to the Formation of the Vietnamese Choreographic School 65

Minina Yu.D. National Vietnamese Costume as a Tool of Cultural Representation: Public Debate and Practice in the Late 20th — Early 21st Centuries 80

Le Van Tuyen, Kraus F. The Emergence and Growth of Protestant House Churches in Vietnam since the Reforms of 1986 97

SCIENTIFIC EVENTS

Dissertations Defense 109

Letter to the Editorial Board 112

Nguyen Thi Hai Anh. Adequately Assess the Level of Digitalization in Vietnam . . . 112

EVENTS AND OFFICIAL DOCUMENTS

Events

59th ASEAN Foreign Ministers' Meeting 118
ASEAN Day 119
18th ASEAN-Russia Senior Economic Officials Meeting 120
ASEAN Law Forum 2026 121
Business Dialogues at the Eastern Economic Forum 121
58th ASEAN Economic Ministers Meeting 122

Official documents

Joint Statement on Deepening the Comprehensive Strategic Partnership between Viet Nam and Australia 124
Joint Statement on Further Strengthening the Russia-Vietnam Comprehensive Strategic Partnership in the New Era 129

BOOKSHELF

Kanaev E.A. The Experience That Cannot Be Neglected (a review on the article collection "Towards Progress: Vietnam in XXI Century" written by V.M. Mazyrin) 140
Fedorin A.L. Vietnamese Spiritual Culture and Literature as the Subject of Many Years of Fruitful Research 149

SCHOLAR'S JUBILEE

The Life and Scholarly Work of Nguyễn Quốc Định: On the 110th Anniversary of the Birth of an Outstanding Vietnamese Legal Scholar 154

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.54631/VS.2026.103-678856

Do Thi Thuy

The Prospects of Vietnam's Niche Diplomacy in the Era of National Advancement

Abstract. Niche diplomacy is a notable characteristic of the foreign policy of middle powers — states that have the capacity to play a prominent role on the international stage, but are not powerful enough to impose their will on others. Therefore, middle powers need to rely on their ability to identify and fill in "niche spaces" through diplomatic methods and skills, that is, choosing a few specific issues, institutions or areas to specialize in and orient them as important foundations in its foreign policy. Niche diplomacy also contributes to building national brand in international relations. As an emerging middle power with enhanced position and status, Vietnam in recent years has been quite proactive in promoting international cooperation and shaping initiatives in some aspects of niche diplomacy. This article analyzes and evaluates the reality and prospects for promoting Vietnam's middle power diplomacy in some niches such as international mediation and peacemaking, humanitarian diplomacy, environmental diplomacy and sustainable development, and science diplomacy. The study posits that for Vietnam, developing niche diplomacy will be an important factor contributing to the country's prosperity and development goals by 2030 and 2045 — the targets that Hanoi has set for the new era — the era of Vietnam's advancement.

Keywords: niche diplomacy, middle power, Vietnam's foreign policy, the era of national advancement

Author: Do Thi Thuy, Ph.D. (Politics), Associate Professor, Diplomatic Academy of Vietnam, Department of International Politics and Diplomacy, Hanoi.
ORCID: 0000-0002-3548-7678. E-mail: dothuy@dav.edu.vn

Acknowledgements: This research is partly supported by the National Foundation for Science and Technology Development (Vietnam).

For citation: Do Thi Thuy (2026). The Prospects of Vietnam's Niche Diplomacy in the Era of National Advancement. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 6—18.

До Тхи Тхюи

Перспективы нишевой дипломатии Вьетнама в эпоху национального развития

Аннотация. Нишевая дипломатия является характерной чертой внешней политики «средних держав» — государств, способных играть заметную роль на международной арене, но не обладающих достаточной мощью, чтобы навязывать свою волю другим. В связи с этим средним державам необходимо опираться на умение выявлять и занимать определенные «ниши» посредством дипломатических методов и навыков, то есть выбирать конкретные вопросы, институты или сферы для специализации и делать их важными опорами своей внешней политики. Нишевая дипломатия также способствует формированию национального бренда в системе международных отношений. Вьетнам, выступающий ныне в качестве развивающейся средней державы с укрепившимися позициями и статусом, в последние годы проявляет высокую активность в продвижении международного сотрудничества и выдвижении инициатив в рамках нишевой дипломатии. В статье анализируются и оцениваются текущее состояние и перспективы развития вьетнамской дипломатии средней державы в таких нишах, как международное посредничество и миротворчество, гуманитарная дипломатия, экологическая дипломатия и устойчивое развитие, а также научная дипломатия. В работе обосновывается тезис о том, что развитие нишевой дипломатии станет для Вьетнама важным фактором, способствующим процветанию страны и достижению целей развития, намеченных на 2030 и 2045 годы — рубежи, определенные Ханоем для новой эпохи, эпохи национального подъема.

Ключевые слова: нишевая дипломатия, средняя держава, внешняя политика Вьетнама, эпоха национального подъема

Автор: До Тхи Тхюи, канд. полит. наук, доцент, Дипломатическая академия Вьетнама, кафедра международной политики и дипломатии, г. Ханой.
ORCID: 0000-0002-3548-7678. E-mail: dothuy@dav.edu.vn

Благодарности: Исследование частично поддержано Национальным фондом развития науки и технологий (Вьетнам).

Для цитирования: *До Тхи Тхюи*. Перспективы нишевой дипломатии Вьетнама в эпоху национального развития // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 6—18.

Introduction

Currently, in the context of the widespread power shift taking place in the international arena, the agency of middle powers in international relations is further strengthened. Vietnam, an emerging middle power in the region, has recently been quite proactive in niche diplomacy, understood as "concentrating resources in specific issue areas best able to generate returns worth having, rather than trying to cover the field" [Evans, Grant 1995: 323]. This study posits that for Vietnam, developing niche diplomacy in such fields as humanitarian assistance, mediation, peacemaking, scientific diplomacy, etc. would contribute to the country's prosperity and development goals by

2030 and 2045 — the targets that Hanoi has set for the new era — the era of advancement of the Vietnamese nation.

The research proceeds as follows. First, a literature review on the concept and connotation of niche diplomacy of middle powers is provided. Second, the article analyzes and evaluates the reality and prospects for promoting Vietnam's middle power diplomacy in some niches such as international mediation and peacemaking, humanitarian diplomacy, environmental diplomacy and sustainable development, and science diplomacy. Finally, the study concludes by providing some insights as to how Vietnam could address the obstacles facing the conduct of its niche diplomacy and bring into play its potentials, thus contributing to realizing the country's development goals in the new era.

Niche diplomacy as a foreign policy tool for middle powers: potentials and limitations

Niche diplomacy is a notable trait of middlepowermanship. It involves a particular model of governance based on conceptual skills, technical leadership, and coalition-building to generate political momentum around a specific set of issues. Middle powers engage in niche diplomacy because they lack the necessary resources to conduct foreign policy in a global context or grand strategy. Therefore, to maximize their leverage and impact, middle powers need to make a choice among various policy priorities and/or geographic areas. Therefore, they have to invest resources in specific areas that can generate the greatest returns for themselves, thus allowing these states to "punch above weight" [Cooper 1997].

Middle powers exercise niche diplomacy by mobilizing intangible resources such as technical knowledge, diplomatic expertise, and professional skills. The success of middle powers in achieving these goals in the international arena depends on the deployment of soft power resources as well as the effectiveness of focusing these resources on a small number of specialized issues [Cox 1989: 828].

A key pillar of middlepowermanship is the engagement with global governance in specialized areas, where they can shape international agendas and contribute to the development of global governance capabilities, most clearly through multilateral platforms. Cooper [1997: 21] argues that middle powers have a unique role in providing intellectual and technical leadership in specialized areas, where they demonstrate a distinctive statecraft that emphasizes alliance building and cooperation. They also adopt, on a selective basis, catalyst and coordinating roles.

Middle powers increasingly loom large in major powers' strategic thinking. For example, Russian scholars have studied the role of middle powers in world affairs, e.g. Turkey [Guzaerov 2019], Hungary [Teremeckij 2023], and the "good citizens of the world majority" [Silaev 2024] (or the engagement with middle powers in conducting Russian foreign policy [Tsygankov 2018]. However, the literature on niche diplomacy remains modest.

Niche diplomacy also reveals inherent shortcomings. While niche diplomacy may enable middle powers to exert influence in specific policy areas, it rarely allows them to fundamentally alter the broader balance of power. Due to structural constraints, middle

powers lack the power necessary to ensure the implementation of their initiatives and brokered agreements or to sustain long-term institutional frameworks [Vu, Do 2019]. Often, the effectiveness of niche diplomacy depends on the favourable geopolitical environment and the support of major powers [Đỗ Thị Thủy 2021]. As such, the impact of niche diplomacy is volatile, subject to a middle power's material power and political commitments.

Vietnam's discourse on middle power status in the era of national advancement

For Vietnam, after nearly 40 years of Doi Moi, its national power and international standing have undergone profound developments. Some foreign and local scholars have increasingly seen Vietnam as an emerging middle power, judging from its increased national power, foreign policy behaviors, international standing, development aspiration, and self-identity (e.g. [Do 2022; Phan 2022; Le 2019; Vu 2022; Karim 2022]).

The Vietnamese leadership is also aware of Vietnam's rising status in the global system. As the Document of the 13th Congress of Vietnam's Communist Party affirms, "Our country has never had such fortune, potential, position and international prestige as it does today" [Văn kiện Đại hội... 2021]. The Party leadership holds the view that this is a period of important strategic opportunity, the final stage of the Vietnamese revolution to achieve the 100-year strategic goal under the leadership of the Party (in 2030), creating a solid premise to achieve the goal of 100 years of national founding (in 2045). Since August 2024, discourse on "the new era — the era of national advancement of the Vietnamese nation" has been promoted widely on Vietnamese politics.

Vietnam's enhanced power and its dynamic diplomatic practices have provided it with sufficient resources, leverage and experience to implement niche diplomacy. However, the world is in a period of epochal change, marked by rapid and fundamental transformations, presenting both unprecedented challenges and opportunities for Vietnam. On the one hand, evolving trends in the world e.g. globalization and the Fourth Industrial Revolution created great opportunities for Vietnam to combine its strength with the driving forces of the times to increase its power, position and influence in the international arena. On the other hand, Vietnam has been pulled back by the negative impacts of some current trends and movements such as heightened great power competition, deeper division and polarization of world order, evolving geopolitical conflicts, anti-/de-globalization movements and the trend of withdrawal from multilateralism, ongoing trade disputes etc. However, with the country's newfound status and its proactive international integration, Vietnam has a great potential to resolve challenges and turn challenges into opportunities. Along such line, niche diplomacy would serve as a new direction of Vietnam's foreign policy in the new era.

Vietnam's niche diplomacy: reality and prospects

Due to Vietnam's limited financial and human resources (currently at a lower-middle level), Vietnam has identified a number of areas to invest so as to build the brand of its "niche diplomacy". The niche areas prioritized by Hanoi are those in which

Vietnam: (i) has close and intimate interests, needs to be prioritized for promotion, (ii) has strengths and experience thereby enhancing Vietnam's role and position, and (iii) align with the country's priorities and available resources [Đỗ Thị Thủy 2021]. Accordingly, these might include maritime security (promoting the international order based on rules, UNCLOS, COC, ocean waste issues, sustainable exploitation, etc.); human security (humanitarian diplomacy, resolving the consequences of bombs and mines in Southeast Asia, women and children in conflict), the impact of climate change and water security (Mekong); inclusive development model, sustainable growth towards innovation, science and technology development (combating plastic waste, digital transformation, taking advantage of the 4.0 industrial revolution, narrowing the development gap), gender equality and women's empowerment, humanitarian diplomacy, mediation and reconciliation, etc. to propose initiatives to gather forces at multilateral forums. In addition, Vietnam has strengthened its stance on many important issues such as supporting denuclearization, new-generation free trade agreements, and promoting the building of a rules-based regional and international order [Do 2023].

The following section analyzes some potential areas that Vietnam has recently focused on so as to promote its niche diplomacy, namely international mediation and peacemaking diplomacy, humanitarian diplomacy, environmental diplomacy and sustainable development, and science diplomacy.

International mediation and peacemaking diplomacy

Vietnam has identified mediation-conciliation as a priority goal in its multilateral diplomacy and is believed to have the advantages and conditions to assume this role, contributing to enhancing the country's international position and national image in the new era [Vu, Do 2019].

The role of mediation and conciliation was first mentioned in the Directive 25 of the Secretariat of the Central Party Committee, issued on August 8, 2018, on promoting and elevating multilateral diplomacy to 2030. Accordingly, Vietnam strives to gradually play a *core, leading, conciliatory role* in multilateral forums and organizations of strategic importance to the country, in accordance with its capabilities and specific conditions.

Promoting common interests and widely accepted values such as peace, stability, and development, Vietnam has been increasingly confident in playing the role of a mediator, hosting a number of cooperation processes such as the US — North Korea Summit in February 2019 in Hanoi. Deputy Prime Minister and Foreign Minister Pham Binh Minh's visit to North Korea on the eve of the Trump — Kim Summit can be seen as an effort to help create the most favourable environment for dialogue and peace between the United States and North Korea [Khánh Lynh 2019].

At the multilateral level, Vietnam has proactively participated in the United Nations peacekeeping force since 2014, conflict resolution, post-conflict reconstruction as well as development and climate change issues. In 2020, as a non-permanent member of the United Nations Security Council, Vietnam demonstrated its capacity to chair international conferences, propose numerous initiatives at the Security Council, focusing on compliance with the United Nations Charter, cooperation between the United Nations and ASEAN, promoting ASEAN's centrality in the regional

architecture as well as peacemaking efforts for evolving conflicts in the Middle East, Africa, Latin America, etc. As the ASEAN Chair in 2020, and the only ASEAN member presented at the United Nations Security Council at that time, Vietnam managed to skillfully handle sensitive issues to maintain ASEAN's unity and solidarity such as playing "a bridging role between international and regional efforts" in the Myanmar issue [Việt Đức 2021]. In 2020, in its dual capacity as Chair of ASEAN and a non-permanent member of the United Nations Security Council, Vietnam has played a bridging role connecting a number of similar agendas of the Security Council and ASEAN.

In addition, Vietnam has tried to connect ASEAN's partners into multilateral cooperation frameworks centered on ASEAN. During Vietnam's 2020 ASEAN Chairmanship, Vietnam successfully worked with other Asian countries to finalize the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), as well as promote regional cooperation in the Mekong sub-region and stability in the South China Sea. It has also tried to forge negotiations on a Code of Conduct between ASEAN and China in the South China Sea [Do 2022].

More recently, during a meeting with world leaders on the sidelines of the UN General Assembly in September 2024, General Secretary To Lam expressed concern about the Russia — Ukraine conflict, called for an end to the conflict, restoration of peace, protection of security and safety of people and essential infrastructure, and emphasized that Vietnam welcomes and supports international mediation efforts to seek a lasting peaceful solution to the conflict, with the participation of all relevant parties, in accordance with international law and the United Nations Charter. The General Secretary also emphasized that when the conflict ends, Vietnam is ready to join the international community in supporting the reconstruction effort in Ukraine [Hoài Nam 2024]. In early 2026, Vietnam became a founding member of the US-led Board of Peace with the aim to promote a sustainable peaceful solution to the Israel — Palestine conflict in the Gaza Strip.

In short, Vietnam's diplomatic imprints of international mediation and peacemaking are characterized by perseverance, consistency, and respect for normative values in behavior such as peace, dialogue, and equality, together with determination when necessary as well as a willingness to fight to protect legitimate interests.

Humanitarian diplomacy

Deploying humanitarian diplomacy is a testament to the fact that Vietnam has increasingly positioned itself as "a responsible member of the international community". In fact, in recent times, Vietnam has made meaningful contributions, acting as a catalyst to promote cooperation and dialogue between countries and groups of countries to promote a balanced and progressive approach to the protection and promotion of human rights around the world, especially in protecting vulnerable groups and ensuring human rights in response to emerging global issues such as migration, refugees, and climate change.

Vietnam has actively participated in international humanitarian relief efforts. It is a frequent provider of food and other assistance to Cuba and North Korea and a recent proactive supporter of people affected by humanitarian crises around the world such as

those in the Gaza Strip, Ukraine, and Myanmar. Specifically, Vietnam has provided humanitarian aid to help ease the situation in Rakhine State since the political upheaval in Myanmar in February 2021. Hanoi provided aid to the Myanmar Government with 100,000 USD for humanitarian activities, reconstruction and development of Rakhine State. Vietnam also sent 76 military personnel to Turkey to support the recovery from the earthquake in February 2023 and 80 officers and professional soldiers to Myanmar to support the recovery from the earthquake in March 2025. In addition, Vietnam, through the Central Emergency Response Fund (CERF), the United Nations Children's Fund (UNICEF) and the Vietnam Red Cross, provided humanitarian assistance valued US$ 500,000 to the people of Ukraine. Vietnam supports humanitarian activities of the United Nations, countries and international partners for people affected by the conflicts in Ukraine. In that spirit and in response to the United Nations' call, Vietnam decided to contribute 500,000 USD, including 100,000 USD for the Emergency Response Fund (CERF); 100,000 USD for the World Health Organization (WHO); 100,000 USD for UNICEF and 200,000 USD through the Vietnam Red Cross to the Ukrainian Red Cross, to address humanitarian issues and support for the Ukrainian people [Nhã Chi 2022]. Amidst the unfolding humanitarian crisis in the Gaza Strip in 2023, Vietnam pledged to contribute US$500,000 to support Palestinian people via the United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East (UNRWA) [Việt Nam đóng góp... 2023]. In July 2025, Hanoi announced an additional US$350,000 assistance for Palestine at the Fourth Conference on Cooperation among East Asian Countries for Palestinian Development (CEAPAD) as part of the joint regional effort to share the difficulties with the Palestinian people and facilitate the Palestinian reconstruction process [Việt Nam hỗ trợ... 2025].

Environmental diplomacy and sustainable development

Environmental diplomacy and sustainable development have emerged as another important "niche" for Vietnam's diplomatic activities in recent years. As a country forecasted to be greatly affected by the impacts of climate change, green growth and sustainable development are among Vietnam's current priorities. Despite being a developing country that only entered the industrialization process three decades ago, Vietnam has played an active role in the global fight against climate change.

At the United Nations COP-26 Summit in November 2021, Vietnamese Prime Minister Pham Minh Chinh called for fairness and justice in climate change adaptation and securing financial resources and technology transfer to a green economy. In addition, at this Summit, Vietnam committed to achieve net zero emissions by 2050 (while China only aims to do so by 2060 and India is 2070). To achieve this goal, Vietnam will participate in global initiatives on forest protection, promote the transition to renewable energy, as well as support local communities to adapt to climate change and methane reduction.

Vietnam also raised concerns about plastic pollution and other issues such as climate change, biodiversity, water security, etc. At the United Nations Human Rights Council, Vietnam along with Bangladesh and the Philippines formed a core group to highlight the importance of climate change in human rights issues. In addition, Vietnam, together with Ecuador, Germany, Ghana co-hosted the Ministerial

Conference on Plastic Pollution and Ocean waste at the WTO headquarters in early September 2021. In December 2022, Vietnam was the third country, after South Africa and Indonesia, to announce the Just Energy Transition Partnership (JETP) Statement with the International Partnership Group (IPG). Accordingly, the partners committed to supporting Vietnam with 15.5 billion USD for energy transition, helping to ensure a prosperous future for the people, economic growth, self-reliance and energy security of Vietnam, and concurrently contributing to the global fight against climate change.

On April 16—17, 2025, Vietnam for the first time hosted the Partnership for Green Growth and the Global Goals (P4G) Summit of which Vietnam is one of the seven founding members and an official partner. The P4G Summit in Hanoi with the theme "Sustainable green transformation, people-centered" attracted the participation of about 1,000 delegates from more than 40 countries, international organizations, investment funds, research institutes and enterprises. Vietnam's hosting of the P4G Summit is in line with the country's internal development needs in the coming time, which is rapid, green and sustainable growth and joining hands with other countries and partners to build a peaceful, safe, equal, prosperous and climate-resilient world [Gia Thành 2025].

On environmental and climate change issues, Vietnam has built a consistent image of a country that respects common rules and normative values. For example, on the Mekong issue, as a downstream country, Vietnam has expressed its stance on upholding the principles of ensuring water security and fair, reasonable and sustainable development goals based on good practices and international law, while respecting the legitimate development interests of other countries in the basin. Vietnam has also actively included development issues in the Mekong sub-region in ASEAN's agenda by convening the ASEAN Forum on Convergence of Mekong sub-regional cooperation with ASEAN goals in July 2020, urging ASEAN to strengthen its role and centrality in the Mekong sub-region, and to align with ASEAN's goals of community building and sustainable development [Hoang 2020: 7].

Regarding the South China Sea issue, Vietnam persistently and resolutely defends sovereignty and principles, but is willing to demonstrate goodwill to cooperate to handle common challenges, in the spirit of respecting international law, including UNCLOS 1982, actively participating in the implementation and development of a code of conduct, supporting the protection of "common interests" such as environment, fish resources, security, safety and freedom of navigation. In line with the country's Strategy for sustainable development of the marine economy until 2030, vision 2045 and its commitments under the UN Convention on Biological diversity, Vietnam announced its plan to expand and establish new marine protected areas, fisheries resource protection areas, and restore marine ecosystems by 2030, to ensure that the area of marine and coastal protected areas reaches 6 % of the natural area of Vietnam's sea [Phấn đấu đến 2030... 2024]. At the third United Nations Ocean Conference (UNOC-3) in France in June 2025, Vietnam became one of the first countries to approve the Agreement on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity of Areas Beyond National Jurisdiction (widely known as the High Seas Treaty). During the event, Prime Minister Pham Minh Chinh further declared Vietnam's registration of 15 voluntary commitments related to ocean and marine governance [Khanh An 2025].

Science and technology diplomacy

The Fourth Industrial Revolution opens up a new opportunity for developing countries in narrowing the development gap with developed ones. Vietnam is considered having relatively good adaptability to the Fourth Industrial Revolution thanks to its proactive creation of a technology development environment with high-quality human resources in the technology industry. Many sectors such as e-commerce, tourism, information technology, finance-banking, education, healthcare, e-government will benefit from this revolution if Vietnam has the right development strategy. Especially, Vietnam's extensive integration into the world economy, with its participation in many new-generation free trade agreements, such as the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP), the European Union — Vietnam Free Trade Agreement (EVFTA), among others, facilitates technology transfer and robust participation in the global value chain, thereby accelerating Vietnam's domestic innovation and transformation of its economic growth model as well as increasing labor productivity and business competitiveness. It is forecasted that by 2030, the Fourth Industrial Revolution could boost Vietnam's economic growth by USD 28.5 to 62.1 billion, equivalent to 7 % — 16 % of its GDP [Nguyễn Tuấn Anh 2022].

The Fourth Industrial Revolution is not without challenges, particularly the evolving polarization in terms of technology among major powers and the threat of being further left behind. Resolution No. 57-NQ/TW dated December 22, 2024 of the Politburo has directed drastic institutional improvements so that Vietnam can make breakthroughs in science and technology development and innovation and leapfrog into the new wave of knowledge economy, artificial intelligence, and frontier technology in order to realize development goals in the era of national development. The goal is that Vietnam by 2030 will be among the top 50 countries in the world and ranked third in ASEAN in terms of e-government, digital government, and digital economy [Thống nhất nhận thức... 2025].

According to the e-Conomy SEA 2023 Report by Google and Temasek, Vietnam's digital economy is expected to reach 45 billion USD by 2025, with AI technology playing a major role in this growth [Đức Thiện 2025]. In addition, Vietnam needs to build a "brand" in the field of science and technology in general, data and AI in particular, to be able to compete fairly in the market, especially the international market. In this direction, Vietnam's hosting of the International Conference on "Artificial Intelligence and Semiconductors 2025" (AISC 2025, March 12—16, 2025) with the theme "Building the future: Connecting AI and global semiconductor technology" with the participation of more than 1,000 delegates including leaders and leading technology experts from the world from Google, NVIDIA, Meta, TSMC, Samsung, MediaTek, Tokyo Electron, Panasonic, Qorvo, Marvell... and technology corporations from Silicon Valley (USA) to promote international cooperation and scientific research combining AI and semiconductors has affirmed Vietnam's new role and position in the value chain of the global semiconductor and artificial intelligence industry. AISC 2025 is also the venue for the announcement of Vietnamese organizations officially joining the AI Alliance — a global alliance founded by IBM, Aitomatic Meta, AMD, Intel and leading academies, currently gathering more than 140

members from 25 countries, with the mission of promoting open innovation in AI development. Speaking at AISC 2025, Dr. Christopher Nguyen, founder of Aitomatic, commented, "The efforts of the Vietnamese Government in promoting AI and semiconductor development are showing the right direction, in line with the shifting trend of the global technology value chain... The AISC 2025 conference highlights the strong interest of the international community, affirming the appeal of Vietnam as a strategic destination in the high-tech field" [Tô Hà 2025].

With great momentum, science diplomacy can be a bright spot in Vietnam's niche diplomacy in the coming time. In 2024, the World Intellectual Property Organization Report ranked Vietnam 44th in the Global Innovation Index (GII), 4th in Southeast Asia. According to WIPO's assessment, Vietnam and India are lower-middle-income countries with impressive innovation results, ranking much higher than their per capita income [Hoàng Giang 2024].

At the multilateral level, one of the successful examples of Vietnam's science diplomacy is that in May 2023, the International Center for Interdisciplinary Science and Education (ICISE) in Quy Nhon, Viet Nam signed a strategic cooperation agreement with the Inter-Parliamentary Union (IPU) to promote science diplomacy. Accordingly, the two sides will coordinate to organize conferences and conduct scientific research with the goal of building a bridge between science and policy, bringing scientific knowledge into policy consultation. The first joint cooperation project was launched in September 2023, attracting more than 60 scientists and young parliamentarians from 18 countries [Hồng Hà 2023].

More recently, the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Science and Technology have signed an agreement to foster coordination in promoting Vietnam's science diplomacy. Accordingly, Vietnam will effectively coordinate the implementation of signed cooperation agreements with strategic partners such as the United States, China, Japan, South Korea, Singapore and some EU countries... focusing on cooperation activities on research and development, technology transfer, training and human resource development. In addition, Vietnam will promote the establishment of new partnership frameworks on science, technology and innovation, making science and technology the focus of partnership frameworks with science hubs, focusing on biotechnology, energy, environment, artificial intelligence, advanced materials, semiconductors, quantum technology, robotics and automation.... Other pathways include mobilization of international resources, green financial resources, enhancing the participation of Vietnamese enterprises in the value chain of large global corporations as well as proactively fostering cooperation initiatives and shaping new legal frameworks on science, technology and innovation at multilateral mechanisms such as the United Nations, ASEAN, APEC, UNESCO, Mekong cooperation... [Nguyễn Minh Hằng 2025].

In short, with its focus and interests, science and technology would be a key pillar of Vietnam's niche diplomacy in the coming time. In so doing, Vietnam needs to promote scientific and technological cooperation with key partners, strengthen networking and coalition building, participate in shaping new regulations and laws at multilateral forums, lead a number of initiatives on science and technology, ethical issues in developing new technologies such as AI, quantum, etc.

Conclusion

Pursuing niche diplomacy requires many conditions such as resources, both material and ideational, choosing the right specialized issues, being supported by major countries, and forging domestic consensus. In particular, building capacity and resources is a necessary condition. Often middle powers need to have enough material capabilities to make other countries consider them important. Fully aware of this key problem, Vietnam has set the goals for national development by 2030 and 2045.

For Vietnam, developing niche diplomacy in a sustainable direction will be an important factor contributing to the country's prosperity and development in the future. However, compared to well-established middle powers, Vietnam's resources are still modest, while the complex geopolitical context has been exerting great impacts on the country. Therefore, to be able to implement niche diplomacy, Vietnam needs to continue to consolidate its sources of hard and soft power, actively monitor and quickly respond to the rapid and complex development trends of the world situation as well as learn from good practices of middle powers in global governance and promoting niche diplomacy, in order to limit negative impacts, while ensuring national interests and promoting the Vietnamese diplomatic brand in the world in the new era — the era of national advancement.

References

Cooper A.F. (Ed.). (1997). *Niche diplomacy: Middle powers after the Cold War*. Springer. 221 pages.

Cox R.W. (1989). Middlepowermanship, Japan, and future world order. *International Journal*, 44(4): 823—862. DOI: 10.1177/002070208904400405.

Do T.T. (2023). Vietnam's prudent pivot to the rules-based international order. *International Affairs*, 99(4): 1557—1573. DOI: 10.1093/ia/iiad144.

Do T.T. (2022). Vietnam's emergence as a middle power in Asia: Unfolding the power-knowledge nexus. *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, 41(2): 279—302. DOI: 10.1177/18681034221081146.

Đỗ Thị Thủy (ed.) (2021). *Ngoại giao cường quốc tầm trung: Lý thuyết, thực tiễn quốc tế và hàm ý cho Việt Nam* [*Middle power diplomacy: theory, international practice and implications for Vietnam*]. Hanoi: National Political Publishing House. 368 pages. (In Vietnamese)

Đức Thiện (2025). Việt Nam đang chuyển dịch sang AI [Vietnam is shifting to AI]. *Tuổi trẻ* [*The Youth*], April 07. URL: https://tuoitre.vn/viet-nam-dang-chuyen-dich-sang-ai-20250307081510146.htm (accessed: 23.07.2025). (In Vietnamese)

Evans G.J., Grant B. (1995). Australia's foreign relations: in the world of the 1990s. Carlton, Vic.: Melbourne University Press. 417 pages.

Gia Thành (2025). Hội nghị thượng đỉnh P4G lần thứ tư — Dấu ấn Việt Nam trong hành trình cùng thế giới kiến tạo tương lai xanh [The Fourth P4G Summit: Vietnam's mark in the journey to build a green future with the world]. *Báo Thế giới và Việt Nam* [*The World and Vietnam Report*], April 22. URL: https://baoquocte.vn/hoi-nghi-thuong-dinh-p4g-lan-thu-tu-dau-an-viet-nam-trong-hanh-trinh-cung-the-gioi-kien-tao-tuong-lai-xanh-311864.html. (accessed: 23.07.2025). (In Vietnamese)

Guzaerov R.I. (2023). Turciya kak srednyaya derzhava v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij. [Turkey as a Middle Power in the System of International Relations]. *Blizhnij i Postsovetskij Vostok* [*Near and Post-Soviet East*], 3(3): 97—112. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.03.06. (In Russ.)

Hoài Nam (2024). Tổng Bí thư, Chủ tịch nước Tô Lâm gặp Chủ tịch EC và Tổng thống Ukraine [General Secretary and President To Lam meets with EC Chairman and President of Ukraine]. *VietnamPlus*, September 25. URL: https://www.vietnamplus.vn/tong-bi-thu-chu-tich-nuoc-to-lam-gap-chu-tich-ec-va-tong-thong-ukraine-post979120.vnp (accessed: 23.07.2025). (In Vietnamese)

Hoàng Giang (2024). Việt Nam tiếp tục thăng hạng chỉ số Đổi mới sáng tạo toàn cầu [Vietnam continues to rise in the Global Innovation Index]. *Báo Điện tử Chính phủ* [*Government News*], September 26. URL: https://baochinhphu.vn/viet-nam-tiep-tuc-thang-hang-chi-so-doi-moi-sang-tao-toan-cau-102240926195157563.htm (accessed: 22.04.2025). (In Vietnamese)

Hoang T.H. (2020). Flying the ASEAN Flag in a Pandemic Year: Vietnam's 2020 Chairmanship. *ISEAS Perspective*, December 03. URL: https://sealionplus.iseas.edu.sg/nodes/view/25154 (accessed: 15.09.2026).

Hồng Hà (2023). Thúc đẩy khoa học công nghệ qua ngoại giao [Promoting science and technology through diplomacy]. *VnExpress*, December 08. URL: https://vnexpress.net/thuc-day-khoa-hoc-cong-nghe-qua-ngoai-giao-4685200.html. (accessed: 23.07.2025). (In Vietnamese)

Karim M.F., Nabila R. (2022). Role conception of the Asia-Pacific middle powers: comparative analysis of Indonesia, South Korea, Australia and Vietnam. *Journal of Asian Security and International Affairs*, 9(2): 231—254. DOI: 10.1177/23477970221098469.

Khanh An (2025). Vietnam firmly commits to protecting the sea and oceans. *Ministry of Agriculture and Environment*, June 11. URL: https://en.mae.gov.vn/vietnam-firmly-commits-to-protecting-the-sea-and-oceans-8919.htm (accessed: 15.03.2026).

Khánh Lynh (2019). Phó thủ tướng Phạm Bình Minh sắp thăm Triều Tiên [Deputy Prime Minister Pham Binh Minh to visit North Korea]. *VnExpress*, February 11. URL: https://vnexpress.net/pho-thu-tuong-pham-binh-minh-sap-tham-trieu-tien-3879786.html (accessed: 23.07.2025). (In Vietnamese)

Le D.T. (2019). Vietnam as an Emerging Middle Power towards 2030 and beyond. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3(3): 7—17. DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10023.

Nguyễn Minh Hằng (2025). Thúc đẩy mạnh mẽ ngoại giao khoa học và công nghệ trong kỷ nguyên mới [Promoting science and technology diplomacy in the new era]. *Tạp chí Khoa học và Công nghệ Việt Nam* [*Vietnam Journal of Science and Technology*], (1): 7—9. URL: https://sti.vista.gov.vn/publication/view/thuc-day-manh-me-ngoai-giao-khoa-hoc-va-cong-nghe-trong-ky-nguyen-moi-0afdacec39fbc065698ae3fe05552b86-408846.html (accessed: 23.07.2025). (In Vietnamese)

Nguyễn Tuấn Anh (2022). Tác động của cuộc Cách mạng công nghiệp lần thứ tư đến thế giới, khu vực và Việt Nam [Impact of the Fourth Industrial Revolution on the world, region and Vietnam]. *Tạp chí Cộng sản* [*Communist Review*], August 29. URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/the-gioi-van-de-su-kien/-/2018/825809/tac-dong-cua-cuoc-cach-mang-cong-nghiep-lan-thu-tu-den-the-gioi%2C-khu-vuc-va-viet-nam.aspx (accessed 23.07.2025). (In Vietnamese).

Nhã Chi (2022). Việt Nam ủng hộ việc hỗ trợ nhân đạo cho người dân Ukraine [Vietnam supports humanitarian assistance to the people of Ukraine]. *Báo Điện tử Chính phủ* [*Government News*], May 12. URL: https://baochinhphu.vn/viet-nam-ung-ho-viec-ho-tro-nhan-dao-cho-nguoi-dan-ukraine-102220512165147399.htm (accessed: 22.04.2025). (In Vietnamese)

Phấn đấu đến 2030, mở rộng diện tích, thành lập mới, quản lý hiệu quả 27 khu bảo tồn biển [Striving to expand the domain, establish new, and effectively manage 27 marine protected areas by 2030]. *Tiếng nói Việt Nam* [*Voice of Vietnam*], 14.12.2024. URL: https://vovworld.vn/vi-VN/ho-so-bien-dong/phan-dau-den-2030-mo-rong-dien-tich-thanh-lap-moi-quan-ly-hieu-qua-27-khu-bao-ton-bien-1351796.vov (accessed: 15.03.2026). (In Vietnamese)

Phan X. D. (2022). No One Can Force Vietnam to Choose Sides": Vietnam as a Self-Reliant Middle Power. *Asia Policy*, 17(4): 151—179. DOI: 10.1353/asp.2022.0061.

Silaev N. Y. (2024). Middle Powers Revisited: "Good Citizens" of the World Majority. *Russia in Global Affairs*, 22(4): 118—135. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-4-118-135.

Teremeckij K.S. (2023). Kak Vengriya pytaetsya stat' novoj middle power Central'noj Evropy. [How Hungary is Trying to Become the New Middle Power of Central Europe]. *Rossiya v global'noj politike* [*Russia in Global Politics*], March 15. URL: https://globalaffairs.ru/articles/vengriya-middle-power/#_ftn4 (accessed: 14.09.2026). (In Russ.)

Thống nhất nhận thức về Kỷ nguyên mới, kỷ nguyên vươn mình của dân tộc [Unifying awareness of the New Era, the era of national growth]. *Báo Hải Phòng* [*Hai Phong newspaper*], 01.01.2025. URL: https://baohaiphong.vn/thong-nhat-nhan-thuc-ve-ky-nguyen-moi-ky-nguyen-vuon-minh-cua-dan-toc-401939.html (accessed 15.09.2026). (In Vietnamese)

Tô Hà (2025). Vị thế mới của Việt Nam trong chuỗi giá trị ngành công nghiệp bán dẫn toàn cầu [Vietnam's new position in the global semiconductor industry value chain]. *Nhân Dân* [*The People*], March 12. URL: https://nhandan.vn/vi-the-moi-cua-viet-nam-trong-chuoi-gia-tri-nganh-cong-nghiep-ban-dan-toan-cau-post864611.html (accessed: 23.07.2025). (In Vietnamese)

Tsygankov A. P. (Ed.) (2018). Routledge handbook of Russian foreign policy (Vol. 15). Abingdon & New York: Routledge. 439 pages.

Văn kiện Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII [Document of the 13th Party Congress], Vol. 1. Đảng Cộng sản Việt Nam [Vietnam's Communist Party]. Hanoi: National Political Publishing House, 2021. 292 pages.

Việt Đức (2021). Người Phát ngôn Bộ Ngoại giao nêu quan điểm về một số vấn đề quốc tế [Foreign Ministry Spokesperson expresses views on some international issues]. *VietnamPlus*, March 25. URL: https://www.vietnamplus.vn/nguoi-phat-ngon-bo-ngoai-Giao-neu-quan-diem-ve-mot-so-van-de-quoc-te-post701419.vnp (accessed: 23.07.2025). (In Vietnamese)

Việt Nam đóng góp 500.000 USD hỗ trợ người dân Palestine [Vietnam contributes $500,000 to support the Palestinian people]. *Tiếng nói Việt Nam* [*Voice of Vietnam*], 30.11.2023. URL: https://vov.vn/the-gioi/viet-nam-dong-gop-500000-usd-ho-tro-nguoi-dan-palestine-post1062478.vov (accessed: 15.03.2026). (In Vietnamese)

Việt Nam hỗ trợ nhân đạo bổ sung 350.000 USD cho nhân dân Palestine [Vietnam provides an additional $350,000 in humanitarian aid to the Palestinian people]. *Báo Điện tử Chính phủ* [*Government's News*], 11.07.2025. URL: https://baochinhphu.vn/viet-nam-ho-tro-nhan-dao-bo-sung-350000-usd-cho-nhan-dan-palestine-102250711215139285.htm (accessed 15.03.2026). (In Vietnamese)

Vu L.T.H., Do T.T. (2019). The mediating and conciliatory role of middle powers in international relations: Implications for Vietnam. [*Vietnam*] *Journal of International Studies*, 1(116): 29—57.

Vu Thi T.N. (2022). The Mekong issue on ASEAN's agenda and Vietnam's middle-power diplomacy. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 6(1): 17—27. DOI: 10.54631/VS.2022.61-105007.

Дата поступления статьи: 24.04.2025
Дата поступления в переработанном виде: 15.03.2026
Принята к печати: 27.07.2026

Received: April 24, 2025
Received in revised form: March 15, 2026
Accepted: July 27, 2026

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.54631/VS.2026.103-688654

Ю.А. Кузнецова

Организационное обновление научно-технологической сферы СРВ и инновационный запрос

Аннотация. В статье рассматривается уникальная инновационная модель развития Вьетнама в последние два десятилетия: ее структура и содержание, параметры инновационной активности, а также изменение подходов органов власти и предпринимателей к внедрению новейших технологических достижений в экономику. Вместе с тем указывается на ряд нерешенных проблем, которые могут воспрепятствовать достижению амбициозной цели правительства СРВ — осуществить экономический прорыв и войти в эпоху процветания преимущественно на основе повышения инновационной активности. Задача данной работы выявить особенности организационного обновления научно-технологической сферы и проанализировать содержание инновационного запроса — потребностей страны в новейших технологиях и моделях развития бизнеса. Результаты исследования показывают, что ключевым направлением организационного обновления выступает перестройка национальной инновационной системы с центральным местом предприятий и развитой экосистемой стартапов, а инновационный запрос формируется под влиянием динамики ВВП, высокотехнологичного импорта, расширения кредитования частного сектора, а также развития внутренних торговых марок и экспорта оригинальных товаров.

Ключевые слова: Вьетнам, инновации, национальная инновационная система, организационное обновление, инновационный запрос, стартап, стратегия.

Автор: Кузнецова Юлия Александровна, доктор эк. наук, доцент, профессор, Кузбасский институт ФСИН России, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и информационных технологий управления, г. Новокузнецк. ORCID: 0000-0003-4155-5742. E-mail: acanaria2005@yandex.ru

Для цитирования: Кузнецова Ю.А. Организационное обновление научно-технологической сферы СРВ и инновационный запрос // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 19—37.

Ju.A. Kuznetsova

Organizational Renewal of the Scientific and Technological Sphere of the Socialist Republic of Vietnam and Innovation Demand

Abstract. The article examines Vietnam's unique innovative development model over the past two decades: its structure and content, parameters of innovation activity, as well as changing approaches of government authorities and business to introducing the

latest technological achievements into the economy. At the same time, a number of unresolved problems are pointed out that may hinder the achievement of the SRV government's ambitious goal — to achieve an economic breakthrough and enter an era of prosperity primarily through increased innovation activity. The purpose of this work is to identify the features of the organizational renewal of Vietnam's science and technology sector and analyze the content of the innovation demand — the country's needs for the latest technologies and business development models. The results of the study show that the key focus of organizational renewal is the restructuring of the national innovation system, with enterprises playing a central role and a developed startup ecosystem. Innovation demand is shaped by GDP dynamics, high-tech imports, expanded private sector lending, as well as the development of domestic brands and the export of original goods.

Keywords: Vietnam, innovation, national innovation system, organizational renewal, innovation demand, startup, strategy.

Author: Kuznetsova Julia A., Dr. Sc. (economics), Associate Professor, Professor, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Department of Humanities, Socio-Economic Disciplines and Management Information Technologies, Novokuznetsk. ORCID: 0000-0003-4155-5742. E-mail: acanaria2005@yandex.ru

For citation: Kuznetsova Ju.A. (2026). Organizational Renewal of the Scientific and Technological Sphere of the Socialist Republic of Vietnam and Innovation Demand. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 19—37.

Введение

В соответствии с Национальным генеральным планом развития на период 2021—2030 гг. с перспективой до 2050 г. Вьетнам ориентирован на 38

быстрое и устойчивое развитие, основанное, среди прочего, на применении инноваций, высоких технологий и достижений науки[1]. В действительности, такая цель поставлена многими государствами, однако уникальность долгосрочной политики Вьетнама заключается в ее позиционировании как «прорывной», способствующей «вступлению страны в новую эпоху — эпоху национального роста, развития, процветания и благополучия», а также сочетании заимствованных технологий и высокой автономности [2025 год]. Представляется, что в таком положении внимание к инновациям будет повышенным. Данное предположение подтверждается и тем, что 2025 г. — это последний год пятилетнего плана (2021—2025), что обуславливает естественные процессы анализа и пересмотра имеющихся целей и задач, усиления внимания к тем, которые не были достигнуты.

Реализация поставленных целей невозможна без организационного обновления научно-технологической сферы — перестройки институциональной структуры, механизмов управления и взаимодействия участников национальной инновационной системы (НИС). Одновременно с этим ключевое значение приобретает инновационный запрос — совокупность потребностей государства, бизнеса и общества в новых технологиях и инновационных продуктах, а также факторов,

[1] Официальные документы цитируются по материалам интернет-портала правительства СРВ [Vietnam Government Portal. URL: https://vietnam.gov.vn/].

его формирующих. Сохранение таких проблем функционирования НИС, как преимущественное стимулирование предложения инноваций, недостаточная динамика подготовки инноваторов [Зайцева 2012], наличие единичных сильных горизонтальных связей между инновационными агентами [Аксенова 2013], а также многих других, актуализируют тему настоящего исследования, поскольку целевые ориентиры, поставленные Национальным собранием СРВ, требуют, с одной стороны, всестороннего обобщения и осмысления тенденций организационного обновления научно-технологической сферы и существующих проблем, с другой, — анализа факторов, формирующих инновационный запрос и активизирующих либо тормозящих инновационное развитие Вьетнама.

Дискуссии об обновлении научно-технологической сферы и активизации инновационного развития Вьетнама

Прежде чем углубиться в содержательную часть формирования национальной инновационной системы страны и факторов, влияющих на ее инновационный прорыв, следует отметить, что вопрос об инновационном развитии СРВ является остро дискуссионным. Одни исследователи считают, что если амбициозная цель поставлена, то ее следует обязательно достигнуть, поскольку инновации — это мировой тренд. Другие же полагают, что у страны имеется множество насущных проблем (в том числе слабое восстановление потребительского спроса, возрастание убыточности предприятий, высокие цены на недвижимость и др.), а потому финансирование следует направить на их решение. Научный спор возникает также в части обоснования направлений и структуры поддержки инновационного развития Вьетнама, а также сохранения определенной степени его автономности. Так, Д.В. Фыонг [2014] доказывает необходимость обновления системы управления образованием, полагая, что именно это — ключ к повышению уровня инновационности всей системы образования и страны в целом. Причем на первый план выходит формирование инновационного сознания управленцев.

Д.Г. Родионов с соавторами, не отрицая важности инновационного развития образования и науки, больше говорят о качестве образования, а в разряд приоритетных направлений инновационного развития включают «совершенствование нормативной базы рынков капитала и инвестиции в инновации» [Ло, Родионов, Нгуен 2021]. Несколько иную точку зрения высказывает Л.А. Гузикова, говоря о том, что значительное внимание уделяется вопросам инвестиций, в частности, в цифровые инновации [Гузикова, Ло 2020], а ключевой задачей является установление тесного сотрудничества между государственными научными учреждениями и бизнесом. Я.С. Матковская, В.К. Зыонг солидарны с необходимостью повышенного внимания к коммерциализации инноваций, но в качестве механизма видят не автономное решение задачи внутри государства, а установление международного сотрудничества в этой сфере [Матковская, Зыонг 2017]. Е.М. Аксенова отмечает, что переход к инновационной экономике во Вьетнаме носит «верхушечный» характер: государство выступает главным архитектором инновацион-

ной системы, но внутренний спрос со стороны бизнеса остается слабым [Аксенова 2013]. Таким образом, различные подходы к данной теме в рамках научного дискурса актуализируют необходимость углубленного исследования условий и факторов инновационного прорыва Вьетнама.

Организационное обновление национальной инновационной системы Вьетнама

Организационное обновление научно-технологической сферы Вьетнама нацелено на достижение масштабных количественных и качественных параметров. Так, долю стоимости высокотехнологичной продукции в обрабатывающей и перерабатывающей промышленности намечено повысить минимум до 45 %, удельный вес инновационных предприятий — до 40 %, а патентов, используемых в коммерческих целях, — до 8—10 %. Поставлена задача подняться в Глобальном инновационном индексе — не ниже 40-го места, достичь динамики увеличения количества международных публикаций на 10 % в год и др. [Утверждена Стратегия... Ч. 1]. На сегодняшний день в стране создана целостная, отвечающая запросам государства национальная инновационная система (НИС), однако сохраняется ряд проблем инновационного развития, невнимание к которым может стать препятствием для достижения постановленных целей.

НИС Вьетнама имеет сравнительно небольшую историю становления: лишь в 1986 г. страна приступила к рыночным реформам, а необходимость изменения концептуальных основ социально-экономического развития с акцентом на инновации была обозначена на XI съезде КПВ [Аксенова 2013: 140—141]. Министерством планирования и инвестиций разработана и запущена программа поддержки цифровой трансформации на период 2021—2025 гг. [Тю, Ты, Динь 2021]. Постановлением правительства № 569 утверждена Стратегия научно-технологического развития и инноваций до 2030 года, в соответствии с которой определены ключевые направления развития науки, технологий и инноваций [Утверждена Стратегия... Ч. 2]. Среди них отметим увеличение доли высокотехнологичных секторов и продукции; продвижение цифровой трансформации во всех секторах; использование лучших мировых технологий; усиление акцента на технологической автономии; усовершенствование системы государственного управления инновациями; активное внедрение научной, технологической и инновационной деятельности на предприятиях и др. Следует обратить внимание, что отраслевые стратегии также усовершенствуются с позиции включения различных аспектов инновационного развития для «совершения мощного и инновационного прорыва» [Phan Kim Anh 2020].

НИС Вьетнама располагает таким сильным и динамично развивающимся элементом, как экосистема стартапов [Инновационные тренды 2025] (рис. 1).

Вьетнам занимает 3-е место по величине предпринимательской экосистемы в Юго-Восточной Азии после Сингапура и Индонезии [Кибирёв 2020], что обусловлено не только усиливающейся поддержкой государства, но и трансформацией мышления самих предпринимателей.

Рис. 1. Ключевые элементы НИС Вьетнама.
Источник: составлено автором по результатам структуризации элементов НИС Вьетнама.

Искусственный интеллект, циркулярное сельское хозяйство, обеспечение долголетия населения, продуктивная рабочая среда для создателей стартапов — эти и другие направления деятельности стартапов являются востребованными и имеют высокие шансы эффективно развиваться. Однако существует серьезное ограничение на пути получения явных преимуществ, в том числе от разработок в сфере цифровой экономики — «использование относительно низкоуровневых технологий и отсутствие цифровых навыков персонала» [Александрова, Заболоцкая 2021].

27 июня 2025 г. Национальное собрание СРВ приняло Закон о науке, технологиях и инновациях, ознаменовавший важный этап в формировании национальной инновационной системы. В этой последней редакции доработано содержание, что вызвано необходимостью встраивания всех элементов национального развития в цифровую эпоху. Принятие правительственного постановления 2025 г. стало важнейшим этапом в процессе организационного обновления научно-технологической сферы, закрепив правовую основу инновационной экосистемы и определив роли ее участников.

Прорывом для страны стала всеобъемлющая легализация инноваций, которые превратились в самостоятельную компоненту социально-экономического развития Вьетнама. Законом о науке определена правовая основа инновационной экосистемы стартапов, предприятиям отведена роль центров национальной инновационной экосистемы, узаконен механизм софинансирования. В послед-

ние несколько лет правительством страны разработаны и внедрены многочисленные меры поддержки, призванные содействовать активизации инвестиций в науку и технологические инновации, поощрению стартапов и венчурного капитала, причем «чем больше масштаб предприятия, тем выше доля предприятий, инвестирующих в НИОКР» [Гузикова, Ло 2020].

Состояние и тенденции развития инновационной инфраструктуры Вьетнама неоднозначны. Эксперты отмечают, что в настоящее время система высшего образования принимает слабое участие в инновационной деятельности, всецело сосредоточившись на образовательной функции [Аксенова 2013: 143]. Так, руководство и работники системы образования (в том числе школьного), отмечая «частичность», «несинхронизированность», «отсутствие глубины» инноваций, зачастую не видят необходимости во внедрении инноваций [Ми 2018]. Но именно подготовка кадров для научно-инновационной сферы является первостепенной задачей государственной политики [Утверждена Стратегия... Ч. 1]. Причем внимание уделяется не только обучающимся, но и уже готовым специалистам, ведущим профессиональную деятельность в сфере образования [Май, Фам 2017].

Особенностью инновационного запроса в стране является тот факт, что основным покупателем инновационных технологий выступает государство, в то время как государственные предприятия в силу своего монопольного положения инновационно неактивны. Низкая инновационная активность частных предприятий обусловлена невысоким технологическим уровнем.

В ряду важнейших организаций, осуществляющих создание условий и поддержку инновационной деятельности предприятий, выделим:

• Технологический инвестиционный фонд (VinVentures Technology Investment Fund), который инвестирует в высокотехнологичные стартапы, продвигает и развивает экосистемы стартапов [Nguyễn Hoài 2024];

• Государственное агентство по технологиям и инновациям (State Agency for Techlogy and Innovation, SATI), занимающееся разработкой инновационной политики, развитием технологий, оценкой технологического потенциала, составлением дорожной карты технологических инноваций и др.;

• Национальный центр инноваций (Vietnam National Innovation Center, NIC), объединяющий работу органов власти, предприятий, организаций по формированию приоритетных технологических отраслей.

Также следует упомянуть Фонд венчурного капитала для инвестирования в информационные технологии (International Data Group); 394 индустриальных парка (по состоянию на начало 2022 г.) [Сафина, Артамонова 2024]); технологические кластеры (в частности, Сайгонский парк высоких технологий Куангчунг, Ханойский парк высоких технологий Хоалак). Ключевыми инновационными агентами во Вьетнаме являются научно-исследовательские институты, преимущественно, в лице частных и иных негосударственных учреждений. Но структура национальной инновационной системы (НИС) Вьетнама меняется: центральное место в ней начинают занимать предприятия [Павлова, Нгуен 2022; Нгуен 2022].

Проект VIN (Vietnam Innovation Network) был инициирован в 2018 г. с целью объединения ведущих экспертов в области науки и технологий для максимально эффективного включения в экономику страны интеллектуальных ресурсов [Ло,

Родионов, Нгуен 2021]. В 2024 г. было объявлено о создании на его основе сетевой платформы. В настоящее время эта сеть включает 188 участников, половина которых — представители других азиатских стран.

Еще одной отличительной особенностью НИС Вьетнама является содействие активизации политических инноваций, нацеленных на «обновление политического мышления и партийной системы» [Фан 2023]. Ввиду необходимости сохранения политической стабильности, независимости и суверенитета, политические инновации являются инструментом решения этой задачи.

Наряду с существенными сдвигами в области инновационного развития Вьетнама за последние 15 лет, сохраняется достаточно большое количество проблем и препятствий на этом пути (табл. 1).

Таблица 1. **Классификация ключевых проблем инновационного развития Вьетнама**

Группы проблем и препятствий	Краткая характеристика
Ресурсные	Секторальная дифференциация ресурсного обеспечения (акцент на высокотехнологичные сектора). Недостаточное количество и недостижение нужного качества объектов инновационной инфраструктуры. Сохранение высоких рисков инвестирования в инновации. Недостаточное количество квалифицированных кадров для инновационного прорыва
Процедурные	Сложности вхождения на рынок инноваций для малых и средних компаний. Высокая бюрократизация процессов получения кредитов. Фиксация ситуаций нарушения прав интеллектуальной собственности. Трудности взаимодействия малого и среднего предпринимательства с научными учреждениями, вузами, занятыми разработкой новых продуктов и технологий. Отставание имеющегося темпа изменения жизненного цикла технологий от мировых темпов. Неотработанная система удержания талантливых студентов
Организационно-управленческие	Неотработанная система взаимодействия участников НИС по реализации мер повышения инновационной активности. Недостаточная скорость организационного обновления институциональной структуры НИС. Сохранение низкой эффективности мер по стимулированию спроса на инновации. Нечеткая система регулирования финансового обеспечения деятельности стартапов

Источник: Составлено по: [Александрова, Заболоцкая 2021; Чан, Хоанг 2024; Динь Чонг Ан 2025; Luật KH... 2025; Vietnam government portal].

Динамика и тенденции инновационного процесса

Имеющиеся многочисленные проблемы и препятствия не затормозили инновационное развитие страны. Процессы организационного обновления научно-технологической сферы продолжались на фоне внешних вызовов. Начиная с

2020 г., когда к имеющимся проблемам добавилось негативное влияние коронавируса, отдельные процессы инновационного развития Вьетнама, напротив, ускорились. Например, по данным венчурной фирмы DO Ventures, активизировались процессы цифровой трансформации, развития ИКТ, онлайн-активности. Увеличение доли цифровых платежей способствовало дальнейшему росту интернет-экономики, электронной коммерции, а также активизации деятельности стартапов в этой области. Драйверами инновационной активности Вьетнама в 2021 г. стали сохраняющийся интерес к сфере недвижимости, автоматизации бизнеса, а также неослабевающее внимание со стороны инвесторов из Южной Кореи, Сингапура и местных резидентов.

В последние годы в инновационном развитии Вьетнама отмечены следующие тенденции:

• достижение рекордного объема венчурного капитала (1,4 млрд долл. США к концу 2021 г.[1]), но с последующим резким снижением его объемов на 56 %;

• увеличение на 60 % количества фондов (инвестировавших в стартапы в 2021 г.;

• возобновление деятельности японских инвесторов;

• сохранение объемов финансирования банковской сферы, розничной торговли, здравоохранения, образования, новых платежных систем в 2023 и 2024 гг.;

• сохранение привлекательности экосистемы стартапов Вьетнама для инвесторов.

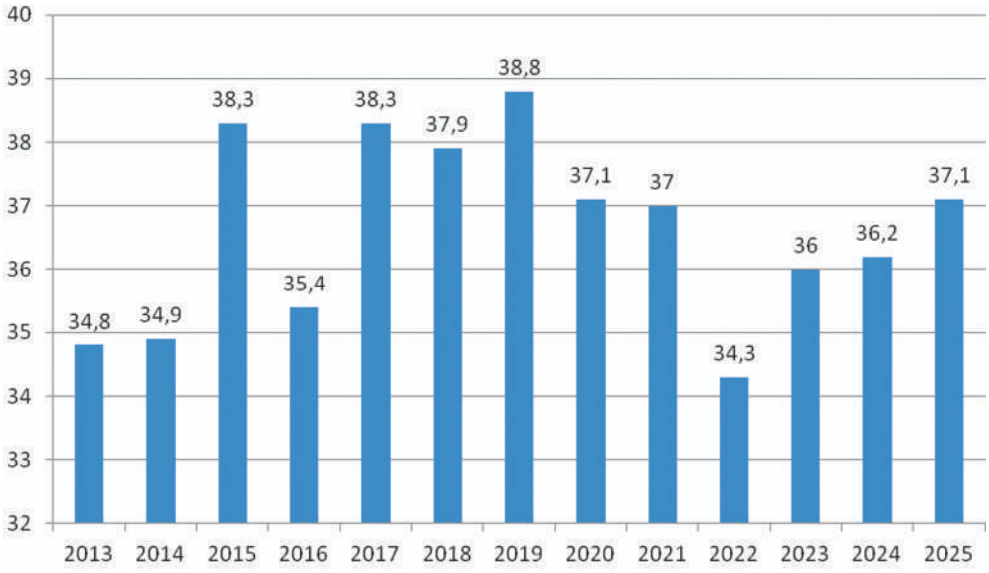


Рис. 2. Значение Глобального индекса инноваций Вьетнама, 2013—2025 гг.
Источник: URL: https://statbase.ru/data/vnm-global-innovation-index/

[1] Пик объема пришелся на 2021 г., затем последовало существенное падение (например, показатель 2025 г. составил только 215 млн долл. [Вьетнамский стартап-рынок... 2026].

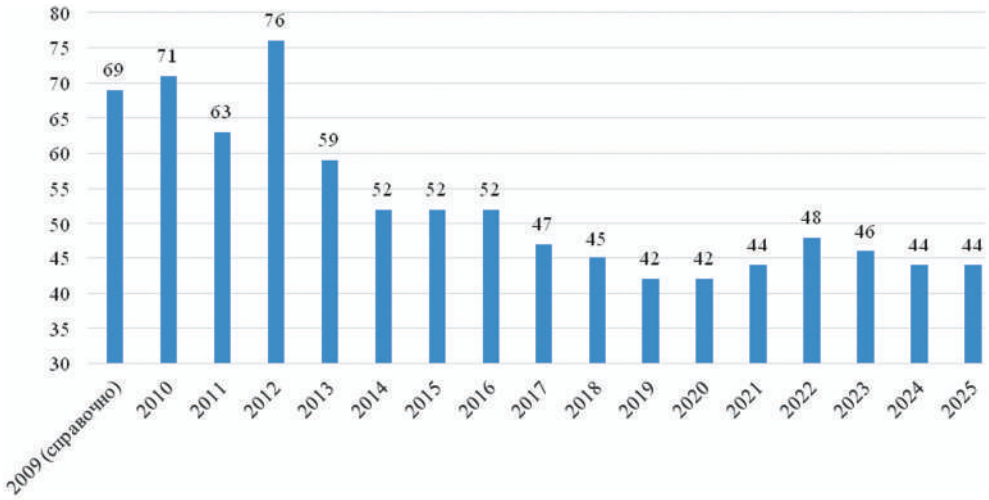


Рис. 3. Место Вьетнама в Глобальном индексе инноваций, 2010—2025 гг.
Источник: [World Intellectual Property Organization]

Эффективность проводимых государством мер по усилению инновационной активности подтверждается данными изменения Глобального индекса инноваций Вьетнама (рис. 2, 3).

Значение глобального индекса инноваций (ГИИ) Вьетнама, ежегодно составляемое Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2025 г. составило 37,1 баллов (44-е место) и растет уже 3 года подряд. За весь период составления индекса этот показатель увеличился в 1,06 раза. Максимальный уровень этого значения во Вьетнаме был достигнут в 2019 г. (38,8; 42-е место), а минимальный за последние годы наблюдался в 2022 г. (34,3; 48-е место).

В целом значения ГИИ Вьетнама свидетельствуют о нарастании инновационного потенциала страны, а также существенных положительных сдвигах в инновационной политике государства. Тем не менее высокие значения зафиксированы лишь по отдельным показателям (субиндексам), формирующим Глобальный индекс инноваций (табл. 2).

Табл. 2 представлена «тепловой картой»: от высокого места по тому или иному субиндексу (зеленая зона) к более низкому (красная зона). Так, например, по показателю «торговля и конкуренция» Вьетнаму удалось подняться со 123-го места на 13-е (среди 139 стран и экономик, входящих в подсчет ГИИ). Постоянную положительную динамику продемонстрировали также следующие субиндексы ГИИ Вьетнама: «исследования и разработки», «ИКТ» (успехи незначительны, но динамика позитивная), «инновационные связи», а также «креативные товары и услуги» и «онлайн-креативность». Кроме того, наглядно продемонстрировано, как в разные годы развивалась инновационная политика. Например, наиболее благоприятное положение по совокупности входных субиндексов наблюдается с 2020 г. По выходным субиндексам выявлена схожая ситуация, но наиболее благоприятное положение было в 2017—2020 гг.

Таблица 2. **Динамика изменения рангов субиндексов Глобального индекса инноваций Вьетнама, 2013—2025 гг.**

Субиндексы	Годы												
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Входные субиндексы													
1. Институты:	122	121	101	93	87	78	81	83	83	51	54	58	59
политическая среда	116	113	67	65	59	62	57	55	58	50	48	52	61
нормативная среда	115	118	113	106	103	89	90	98	98	96	98	86	83
деловая среда	130	129	121	116	113	103	106	101	101	30	31	38	36
2. Человеческий капитал и исследования:	98	89	78	74	70	66	61	79	79	80	71	73	70
образование	58	62	56	19	17	18	18	60	52	56	70	79	72
высшее образование	111	83	75	84	86	84	81	87	90	90	89	88	88
исследования и разработки	123	131	100	99	80	81	67	69	68	68	44	45	47
3. Инфраструктура:	80	99	88	90	77	78	82	73	79	71	70	56	56
ИКТ	90	95	84	82	75	76	82	76	79	70	71	72	69
энергетика	52	112	101	99	97	94	100	86	95	113	110	55	38
основная инфраструктура	81	79	62	65	52	57	45	55	47	42	43	34	63
4. Развитие рынка:	73	92	67	64	34	33	29	34	22	43	49	43	43
кредит	28	31	31	48	17	15	11	9	9	47	62	53	59
инвестиции	119	141	135	125	109	109	108	112	111	52	53	50	62
торговля и конкуренция	123	122	80	44	41	40	35	49	15	19	19	19	13
5. Устойчивость бизнеса:	67	59	40	72	73	66	69	39	47	50	49	46	45
работники интеллектуального труда	76	89	98	93	102	91	102	63	66	68	75	84	79
инновационные связи	65	80	120	101	100	88	86	75	58	48	43	41	41
усвоение знаний	64	14	1	20	23	25	23	10	30	41	45	39	29
Выходные субиндексы													
6. Научные результаты:	51	49	28	39	28	35	27	37	41	52	48	44	39
создание знаний	97	94	89	80	73	76	80	75	79	84	80	84	80
влияние знаний	40	33	25	25	5	19	5	21	36	40	24	22	21
распространение знаний	45	30	7	20	19	21	18	14	21	44	46	37	35
7. Творческие результаты:	66	58	62	52	52	46	47	38	42	35	36	34	34
креативные нематериальные активы	73	57	74	54	52	49	53	33	35	28	32	29	40
креативные товары и услуги	55	46	40	40	36	29	32	32	35	50	29	18	19
онлайн-креативность	65	61	67	72	64	54	44	42	49	45	54	51	45

Источник: составлено автором на основе отчетов ВОИС [World Intellectual Property Organization]

Тем не менее по многим показателям ситуация ухудшилась к 2024 г. Важно отметить, что в целом видимые успехи Вьетнама не являются стабильными: многие субиндексы ГИИ страны показывают неустойчивое положение, их значения колеблются в широком диапазоне.

Факторы развития научно-технологической сферы Вьетнама

Для того, чтобы определить, какие факторы формируют инновационный запрос и влияют на организационное обновление научно-технологической сферы Вьетнама, а какие тормозят его, в каждом году выделим те показатели, по которым страна занимает место не ниже 30-го (табл. 3). Представляется, что в определенной степени эти показатели можно рассматривать как факторы, влияющие на активизацию (торможение) инновационного развития страны.

Таблица 3. **Показатели субиндексов ГИИ, по которым Вьетнам занимал места не ниже 30-го, 2012—2025 гг.**

Показатели	Годы													
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
1.1.1 Политическая и хозяйственная стабильность	-**	-	-	-	-	-	-	-	29	-	-	-	-	-
1.3.1 Стабильность политики для ведения бизнеса	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	28
1.3.2 Политика и культура предпринимательства	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	21	24	21	24
2.1.1 Текущие расходы на образование	29	29	21	24	21	26	29	24	-	-	-	-	-	-
2.1.4 Шкалы PISA по чтению, математике и естествознанию	-	-	-	-	-	20	20	20	16	16	16	16	-	-
2.2.2 Выпускники в области науки и техники	-	-	-	29	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2.3.3 Вложения топ-3 глобальных корпоративных инвесторов в НИОКР	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	29	-	-
3.2.3 Доля валового накопления капитала в ВВП	13	13	-	-	-	29	-	-	-	-	19	13	14	18
4.1.1 Легкость получения кредита	-	-	-	-	27	29	26	29	23	23	-	-	-	-
4.1.2 Доля внутренних кредитов частному сектору в ВВП	-	27	28	-	25	22	19	16	15	12	11	21	15	15
4.1.3 Доля валовых микрофинансовых кредитов в ВВП	11	11	14	16	-	12	11	8	11	11	-	-	-	-

Продолжение табл. 3

Показатели	Годы													
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
4.3.1 Средневзвешенная тарифная ставка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	21	17	17	-	20
4.3.2 Диверсификация отечественной промышленности	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9	9	7	23	13
4.3.3 Масштаб внутреннего рынка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	23	24	25	25	24
5.1.4 НИОКР, финансируемый бизнесом	-	-	-	-	-	-	13	8	8	8	10	9	9	
5.1.5 Внутрифирменное финансирование НИОКР	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8
5.2.1 Сотрудничество университетов и промышленности в области НИОКР	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	26	27	-	
5.2.2 Состояние развития кластера	30	30	-	-	-	-	-	-	-	17	14	26	24	
5.2.4 Уровень развития кластеров	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	25
5.3.2 Высокотехнологичный импорт за вычетом реимпорта	-	27	7	4	6	3	4	1	4	3	1	4	1	1
5.3.4 Чистый приток прямых иностранных инвестиций	-	-	-	-	29	26	25	23	19	16	15	24	30	
6.2.1 Темпы роста ВВП по ППС на работника	26	26	27	17	10	1	6	3	4	3	3	4	3	4
6.2.4 Сертификаты качества по ИСО 9001	28	28	23	-	-	-	-	-	-	-	-	-	28	
6.2.5 Высоко- и среднетехнологичные производства	-	-	-	-	-	-	-	27	-	-	-	-	-	
6.3.3 Доля высокотехнологичного экспорта от общего объема торговли	23	23	6	1	4	4	1	-	2	1	3	3	1	1
7.1.1 Внутренние торговые марки	14	14	14	22	17	20	18	24	20	23	30	-	-	
7.1.2 Товарные знаки по происхождению	-	-	-	-	-	-	-	-	19	25	24	26	24	27
7.1.3 Стоимость глобальных брендов (топ-5000)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	24	23	22	29

Окончание табл. 3

Показатели	Годы													
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
7.2.4 Доля экспорта креативных товаров в общем объеме торговли	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	1	1
7.2.5 Экспорт креативных товаров	15	15	15	9	9	7	7	10	11	11	8	-	-	-
7.3.3Создание мобильных приложений / ВВП на душу населения (по ППС)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7
7.3.4 Создание мобильных приложений	-	-	-	-	-	-	16	13	10	10	8	8	7	-
Всего показателей (82 — общее количество)	9	11	9	8	9	12	13	13	14	17	19	19	16	16

* Знак «-» означает, что позиция в рэнкинге по соответствующему показателю ниже 30-го места.

Источник: составлено автором на основе отчетов ВОИС [World Intellectual Property Organization].

Из 82 показателей (в 2025 г. — 81) субиндексов ГИИ Вьетнама, в 2015 г. 8 имели высокие позиции, т. е. по ним Вьетнам входил в первые 30 стран, в 2022 и 2023 гг. число показателей достигло 19. Несмотря на этот рост, в 2022 г. Глобальный индекс инноваций Вьетнама в целом снизился .

Выявленные факторы, а именно темпы роста ВВП, высокотехнологичный импорт, кредитование частного сектора, развитие внутренних брендов и экспорт креативных товаров, формируют устойчивый инновационный запрос со стороны экономики, который, в свою очередь, определяет направления организационного обновления НИС. Данное положение связано с необходимостью сдерживания руководством страны воздействия неблагоприятных факторов внешней среды.

На протяжении рассматриваемого периода только один показатель положительно проявлял себя в каждом году — темпы роста ВВП по ППС на одного работника. Важно, что он существенно улучшил свое значение. В 2025 г. стране удалось выйти на 8-е место по внутрифирменному финансированию НИОКР, что объясняется запуском в 2024—2025 гг. масштабных инициатив (например, принятие Резолюции Политбюро ЦК КПВ № 57-NQ/TW), которые прямо ставили цель ускорить развитие науки, технологий и цифровой трансформации. Кроме того, расширились возможности для налоговых вычетов или сниженных ставок при расходах на исследования.

В течение 11 лет драйвером инновационного развития Вьетнама являлся высокотехнологичный импорт (как один из показателей в расчете ГИИ), по которому страна занимала 1-е место в 2019, 2022, 2024 и 2025 гг., а также доля экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспортируемой продукции.

В то же время 10 лет ведущие позиции страны поддерживались высокой долей кредитов, выданных частному сектору, развитием отечественных торговых марок (за исключением 2023 и 2024 гг.), величиной экспорта креативных товаров (также за исключением 2023 и 2024 гг.). Кроме того, продолжительное время наилучшее значение имели такие показатели, как доля микрофинансовых кредитов в ВВП (в совокупности 9 лет), а также НИОКР, финансируемые бизнесом (7 лет), создание мобильных приложений (7 лет).

Из всего перечня показателей четыре проявили себя единожды: политическая и хозяйственная стабильность, выпуск технических специалистов, вложения глобальных корпоративных инвесторов, высоко- и средне технологичные производства. Но они имели пограничное значение (27-е или 29-е место), что указывает на невозможность их позиционирования как устойчивых драйверов инновационного развития страны. Что касается 2024 г., то выявлен возврат к значениям 2021—2022 гг., преимущественно за счет накопления капитала, кредитов частному сектору, финансирования науки бизнесом, высокотехнологичного экспорта и импорта, развития ИКТ.

Заключение

Разработка мер по сохранению достигнутых Вьетнамом позиций и наращиванию темпов инновационного развития осуществляется, среди прочего, с учетом проявления и интенсивности колебаний следующих разнонаправленных факторов:

- стабилизационные — меры, служащие для приведения в равновесное, не отклоняющееся в негативную сторону состояния фактора, продолжительное время проявляющего позитивное воздействие на инновационное развитие (например, наличие возможностей для импорта высокотехнологичной продукции, а также развития собственной);
- компенсационные — меры, разрабатываемые для поддержки важных для развития инноваций процессов, динамика которых, однако, является нисходящей (например, развитие внутренних торговых марок, диверсификация отечественной промышленности);
- стимулирующие — меры, необходимые для улучшения процессов, воздействие которых значимо для инновационного развития страны, но имеет фрагментарный характер (например, политическая стабильность, формирование инноваторов, встраивание системы высшего образования в инновационную экосистему).

Организационная структура сферы науки и технологий должна быть обновлена в связи с приоритетами развития нации, в направлении автономии и одновременного приближения к международным стандартам. Формирование эффективного инновационного запроса как со стороны государства, так и со стороны бизнеса и общества, является необходимым условием успешности этого обновления.

Список литературы

2025 год: Золотая возможность для прорыва в социально-экономическом развитии Вьетнама // VietnamPlus. 08.01.2025. URL: https://www.vietnam.vn/ru/nam-2025-thoi-co-vang-cho-su-but-pha-phat-trien-kinh-te-xa-hoi-viet-nam (дата обращения: 15.07.2025).

Аксенова Е.М. Вьетнам: пути построения национальной инновационной системы // Вьетнамские исследования. 2013. Т. 1. № 3. С. 139—153. URL: https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/84403/64770 (дата обращения: 01.06.2025).

Александрова Е.Н., Заболоцкая В.В. Развитие цифровой экономики в малом и среднем предпринимательстве: опыт Вьетнама // Азия и Африка сегодня. 2021. № 3. С. 40—48. DOI: 10.31857/S032150750014281-1.

Вьетнамский стартап-рынок вступает в фазу реструктуризации // VietnamPlus, 21.01.2026. URL: https://ru.vietnamplus.vn/v-etnamskii-startap-rinok-vstupaet-v-fazu-restrukturizatsii-post90184.vnp (дата обращения: 17.09.2026).

Гузикова Л.А., Ло Т.Х.В. Инвестиции в инновации Вьетнама в условиях цифровизации // Кластеризация цифровой экономики: Глобальные вызовы. Сб. трудов национальной научно-практической конференции. 18—20 июня 2020 г. СПбПУ. Т. 2 / ред. Д.Г. Родионов, А.В. Бабкин. 2020. С. 186—193. DOI: 10.18720/IEP/2020.5/23.

Динь Чонг Ан. Стимулирование частных инвестиций в развитие науки и технологий: направление для Вьетнама // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 3. Ч. 2. С. 222—227. DOI: 10.17513/vaael.4049.

Зайцева А.С. Вьетнам в XXI веке: развитие институтов научно-технической и инновационной политики // Форсайт. 2012. Т. 6. № 2. С. 44—55. DOI: 10.17323/1995-459X.2012.2.44.55.

Инновационные тренды во Вьетнаме: возможности и вызовы // VietnamPlus, 20.02.2025. URL: https://ru.vietnamplus.vn/innovatsionnie-trendi-vo-v-etname-vozmozhnosti-i-vizovi-post75912.vnp (дата обращения: 10.06.2025).

Кибирёв И.Н. Вьетнам — страна стартапов // Вьетнамские исследования. 2020. Т. 4. № 1. С. 89—93. DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10010.

Ло Тхи Хонг Ван, Родионов Д.Г., Нгуен Тхи Ким Чи. Стимулирование инноваций как фактор устойчивого развития экономики: опыт Вьетнама // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17. № 4 (397). С. 719—738. DOI: 10.24891/ni.17.4.719.

Май К., Фам Зыонг Х.Н. О формировании у студентов педагогических вузов Вьетнама навыков инновационного обучения // Научный поиск. 2017. № 4. С. 21—26. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32843722 (дата обращения: 30.05.2025)/

Матковская Я.С., Зыонг В.К. Перспективы российско-вьетнамского сотрудничества в области коммерциализации инноваций // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2017. № 2 (197). С. 33—42. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28998289 (дата обращения: 02.07.2025).

Ми З.Ш. Изменения в школах в г. Хошимине в контексте образовательной инновации во Вьетнаме // Проблемы современной науки и образования. 2018. № 10 (130). С. 32—39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-shkolah-v-g-hoshimine-v-kontekste-obrazovatelnoy-innovatsii-vo-vietname/viewer (дата обращения: 02.07.2025).

Нгуен Т.Т.Х. Управление развитием инновационной деятельности в университетах Вьетнама: взаимодействие между университетом и бизнесом // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 4. С. 1287—1300. DOI: 10.18334/epp.12.4.114396.

Павлова Е.А., Нгуен Т.Т.Х. Анализ моделей взаимодействия вузов и бизнеса и рекомендации для вузов Вьетнама // Фундаментальные исследования. 2022. № 2. С. 41—45. DOI: 10.17513/fr.43200

Сафина С.С., Артамонова О.С. Опыт Вьетнама в формировании и развитии специальных экономических зон // Управленческое консультирование. 2024. № 3. С. 118—130. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-3-118-130.

Тю Тхи Май Фыонг, Ты Тхюи Ань, Динь Тхи Тхань Бинь. Факторы деградации окружающей среды и экономического роста во Вьетнаме: роль инноваций // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 3. С. 52—70. DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-52-70.

Утверждена Стратегия развития науки, технологий и инноваций до 2030 года // VietnamPlus, 18.10.2022. Ч. 1. URL: https://ru.vietnamplus.vn/chast-1-utverzhdena-strategija-razvitija-nauki-tehnologii-i-innovatsii-do-2030-goda-post44073.vnp; Ч. 2. URL: https://ru.vietnamplus.vn/chast-2-utverzhdena-strategija-razvitija-nauki-tehnologii-i-innovatsii-do-2030-goda-post44074.vnp (дата обращения: 01.06.2025).

Фан Т.Н. Политические инновации и международная интеграция во Вьетнаме сегодня: отношения и поставленная проблема // Право и политика. 2023. № 7. С. 1—11. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.7.40529.

Фыонг Д.В. Инновации и обновление управления образованием Вьетнама в рыночной экономике // Преподаватель XXI век. 2014. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-i-obnovlenie-upravleniya-obrazovaniem-vietnama-v-rynochnoy-ekonomike (дата обращения: 28.06.2026).

Чан Н.М., Хоанг Ф.Ч. Анализ инновационного развития Вьетнама // XXXVII Международные Плехановские чтения. Сб. статей участников конференции: в 4 т. М., 2024. С. 391—395. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80487986 (дата обращения: 02.07.2025).

DO Ventures. URL: https://doventures.vc (дата обращения: 01.05.2025).

Luật KH, CN&ĐMST: Kiến tạo hệ sinh thái tri thức, dẫn dắt đổi mới quốc gia [Закон о науке, технологиях и инновациях: создание экосистемы знаний, способствующей развитию национальных инноваций] // Cục thông tin cơ sở và thông tin đối ngoại bộ văn hóa, thể thao và du lịch [Департамент информации об объектах инфраструктуры и внешних связях Министерства культуры, спорта и туризма], 27.06.2025. URL: https://www.vietnam.vn/luat-kh-cn-dmst-kien-tao-he-sinh-thai-tri-thuc-dan-dat-doi-moi-quoc-gia. (дата обращения: 01.06.2025). (На вьет. яз.)

National Statistics Office of Vietnam. URL: https://www.nso.gov.vn/en/ (дата обращения: 20.06.2025).

Nguyễn Hoài. Việt Nam có quỹ đầu tư công nghệ 150 triệu USD [Во Вьетнаме создан инвестиционный фонд в сфере технологий на 150 млн долл.] // Báo điện tử Tiền Phong [Интернет-газета Тиен Фонг]. 28.10.2024. URL: https://tienphong.vn/viet-nam-co-quy-dau-tu-cong-nghe-150-trieu-usd-post1686233.tpo (дата обращения: 01.06.2025). (На вьет. яз.)

Phan Kim Anh. Vietnam's National Energy Development Strategy to 2030 and Outlook to 2045 // International Journal of Economics and Business Administration VIII (Issue 4), October 2020: 1023—1032. DOI:10.35808/ijeba/647.

State Agency for Technology and Innovation. URL: https://sati.gov.vn/ (дата обращения: 04.06.2025).

Vietnam Government Portal. URL: https://vietnam.gov.vn/ (дата обращения: 01.05.2025).

Vietnam National Innovation Center. URL: https://nic.gov.vn/en/ (дата обращения: 04.06.2025).

World Intellectual Property Organization. URL: www.wipo.int (дата обращения: 05.06.2025).

References

2025: Zolotaya vozmozhnost` dlya prory`va v social`no-e`konomicheskom razvitii V`etnama [2025: A golden opportunity for a breakthrough in Vietnam's socio-economic development]. *Vietnam.vn*, 08.01.2025 URL: https://www.vietnam.vn/ru/nam-2025-thoi-co-vang-cho-su-but-pha-phat-trien-kinh-te-xa-hoi-viet-nam (accessed: 15.07.2025). (In Russ.)

Aksenova E.M. (2013). V`etnam: puti postroeniya nacional`noj innovacionnoj sistemy`. *V`etnamskie issledovaniya: e`lektronny`j nauchny`j zhurnal* [Vietnam studies: electronic scientific journal], 1 (3): 139—153. URL: https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/84403/64770 (accessed: 01.06.2025). (In Russ.)

Aleksandrova E.N., Zaboloczkaya V.V. (2021). Razvitie cifrovoj e`konomiki v malom i srednem predprinimatel`stve: opy`t V`etnama [Development of the digital economy in small and medium-sized enterprises: Vietnam's experience]. *Aziya i Afrika segodnya* [*Asia and Africa Today*], (3): 40—48. DOI: 10.31857/S032150750014281-1. (In Russ.)

Chan N.M., Xoang F.Ch. (2024). Analiz innovacionnogo razvitiya V`etnama [Analysis of Vietnam's Innovation-Driven Development]. In: XXXVII Mezhdunarodny`e Plexanovskie chteniya. Sbornik statej uchastnikov konferencii [XXXVII International Plekhanov Readings. Collection of articles by conference participants]. In 4 volumes. Moscow, 391—395. https://elibrary.ru/item.asp?id=80487986 (accessed: 02.07.2025). (In Russ.)

Chast` 2: Utverzhdena Strategiya razvitiya nauki, texnologij i innovacij do 2030 goda [Strategy for the Development of Science, Technology, and Innovation through 2030 Approved]. Part 2. *VietnamPlus*, 18.10.2022. URL: https://ru.vietnamplus.vn/chast-2-utverzhdena-strategija-razvitija-nauki-tehnologii-i-innovatsii-do-2030-goda-post44074.vnp (accessed: 01.06.2025). (In Russ.)

Chu Thi Mai Phuong, Tu Thuy Anh, Dinh Thi Thanh Binh (2021). Factors of Environmental Degradation and Economic Growth in Vietnam: The Role of Innovation. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5(3): 52—70. DOI: 10.24412/2618-9453-2021-3-52-70. (In Russ.)

Din` Chong An (2025). Stimulirovanie chastny`x investicij v razvitie nauki i texnologij: napravlenie dlya V`etnama. *Vestnik Altajskoj akademii e`konomiki i prava* [*Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*], 3(2): 222—227. DOI: 10.17513/vaael.4049. (In Russ.)

DO Ventures. URL: https://doventures.vc (accessed: 01.05.2025).

Fan T.N. (2023). Politicheskie innovacii i mezhdunarodnaya integraciya vo V`etname segodnya: otnosheniya i postavlennaya problema [Political Innovation and International Integration in Vietnam Today: Relationships and the Problem at Hand]. *Pravo i politika* [*Law and Politics*], 7: 1—11. DOI: 10.7256/2454-0706.2023.7.40529. (In Russ.)

Fyong D.V. (2014). Innovacii i obnovlenie upravleniya obrazovaniem V'etnama v rynochnoj ekonomike [Innovation and Reform of Education Management in Vietnam's Market Economy]. *Prepodavatel' XXI vek* [*Educator of the 21st Century*]. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-i-obnovlenie-upravleniya-obrazovaniem-vietnama-v-rynochnoy-ekonomike (accessed: 28.09.2026). (In Russ.)

Guzikova L.A., Lo T.X.V. (2020). Investicii v innovacii V`etnama v usloviyax cifrovizacii [Investing in Vietnam's Innovation Amidst Digitalization]. In: Klasterizaciya cifrovoj e`konomiki: Global`ny`e vy`zovy`. Sbornik trudov nacional`noj nauchno-prakticheskoj konferencii s zarubezhny`m uchastiem [Clustering of the Digital Economy: Global Challenges. Collection of papers of the national scientific and practical conference with foreign participation]. In 2 volumes. Edited by D.G. Rodionov, A.V. Babkin: 186—193. DOI: 10.18720/IEP/2020.5/23. (In Russ.)

Innovation Trends in Vietnam: Opportunities and Challenges. VietnamPlus, 20.02.2025. URL: https://ru.vietnamplus.vn/innovatsionnie-trendi-vo-v-etname-vozmozhnosti-i-vizovi-post75912.vnp (accessed: 10.06.2025)

Kibiryov I.N. (2020). Vietnam is a “startup country”. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 4(1): 89—93. DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10010. (In Russ.)

Lo Thi Hong Van, Rodionov D.G., Nguyen Thi Kim Chi (2021). Chi Stimulirovanie innovacij kak faktor ustojchivogo razvitiya e`konomiki: opy`t V`etnama [Fostering Innovation as a Factor of Sustainable Economic Development: The Experience of Vietnam]. *Nacional'ny`e interesy`: prioritety` i bezopasnost* [*National interests: priorities and security*], 4 (397): 719—738. DOI: 10.24891/ni.17.4.719. (In Russ.)

Luật KH, CN&ĐMST: Kiến tạo hệ sinh thái tri thức, dẫn dắt đổi mới quốc gia [Law on Science, Technology, and Innovation: Fostering a knowledge ecosystem and driving national innovation]. *Cục thông tin cơ sở và thông tin đối ngoại bộ văn hóa, thể thao và du lịch* [*Department of Facilities Information and external Information Ministry of Culture, Sports and tourism*], 27.06.2025. URL: https://www.vietnam.vn/luat-kh-cn-dmst-kien-tao-he-sinh-thai-tri-thuc-dan-dat-doi-moi-quoc-gia (accessed: 01.06.2025). (In Vietnamese)

Maj K., Fam Zy`ong X.N. (2017). O formirovanii u studentov pedagogicheskix vuzov V`etnama navy`kov innovacionnogo obucheniya [On Developing Innovative Teaching Skills Among Students at Pedagogical Universities in Vietnam]. *Nauchny`j poisk* [*Scientific search*], 4: 21—26. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32843722 (accessed: 30.05.2025). (In Russ.)

Matkovskaya YA.S., Zyong V.K. Perspektivy rossijsko-v'etnamskogo sotrudnichestva v oblasti kommercializacii innovacij [Prospects for Russian-Vietnamese cooperation in the commercialization of innovations]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [*Bulletin of Volgograd State Technical University*]. 2017. № 2 (197). Pp. 33—42. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28998289 (accessed: 02.07.2025). (In Russ.)

Mi Z.Sh. (2018). Izmeneniya v shkolax v g. Xoshimine v kontekste obrazovatel`noj innovacii vo V`etname. *Problemy` sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 10 (130): 32—39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-shkolah-v-g-hoshimine-v-kontekste-obrazovatelnoy-innovatsii-vo-vietname/viewer. (In Russ.) (accessed: 02.07.2025).

National Statistics Office of Vietnam. URL: https://www.nso.gov.vn/en/ (accessed: 20.06.2025).

Nguen T.T.X. (2022). Upravlenie razvitiem innovacionnoj deyatel`nosti v universitetax V`etnama: vzaimodejstvie mezhdu universitetom i biznesom [Managing the Development of Innovation Activities in Vietnamese Universities: University-Business Interaction]. *E'konomika, predprinimatel'stvo i pravo* [*Economy, entrepreneurship and law*], 12 (4): 1287—1300. DOI: 10.18334/epp.12.4.114396. (In Russ.)

Nguyễn Hoài (2024). Việt Nam có quỹ đầu tư công nghệ 150 triệu USD [Vietnam has a technology investment fund of 150 million USD]. Báo điện tử Tiền Phong [Tien Phong Online Newspaper], October 28. URL: https://tienphong.vn/viet-nam-co-quy-dau-tu-cong-nghe-150-trieu-usd-post1686233.tpo (accessed: 01.06.2025). (In Vietnamese)

Pavlova E.A., Nguen T.T.X. (2022). Analiz modelej vzaimodejstviya vuzov i biznesa i rekomendacii dlya vuzov V`etnama [Analysis of University-Business Interaction Models and Recommendations for Vietnamese Universities]. *Fundamental'ny`e issledovaniya* [*Fundamental research*], 2: 41—45. DOI: 10.17513/fr.43200. (In Russ.)

Phan Kim Anh (2020). Vietnam’s National Energy Development Strategy to 2030 and Outlook to 2045, October. *International Journal of Economics and Business Administration VIII,* 4: 1023—1032. DOI: 10.35808/ijeba/647.

Safina S.S., Artamonova O.S. (2024). Opy`t V`etnama v formirovanii i razvitii special`ny`x e`konomicheskix zon. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [*Management consulting*], 3: 118—130. DOI: 10.22394/1726-1139-2024-3-118-130. (In Russ.)

State Agency for Techlogy and Innovation. URL: https://sati.gov.vn/ (accessed: 04.06.2025).

Utverzhdena Strategiya razvitiya nauki, texnologij i innovacij do 2030 goda [Strategy for the Development of Science, Technology, and Innovation through 2030 Approved]. Part 1. *VietnamPlus,*

10.18.2022. URL: https://ru.vietnamplus.vn/chast-1-utverzhdena-strategija-razvitija-nauki-tehnologii-i-innovatsii-do-2030-goda-post44073.vnp (accessed: 17.09.2026). (In Russ.)

V'etnamskij startap-rynok vstupaet v fazu restrukturizacii [Vietnam's startup market is entering a restructuring phase]. *VietnamPlus*, 21.01.2026. URL: https://ru.vietnamplus.vn/v-etnamskii-startap-rinok-vstupaet-v-fazu-restrukturizatsii-post90184.vnp (accessed: 17.09.2026). (In Russ.)

Vietnam government portal. URL: https://vietnam.gov.vn/ (accessed: 01.05.2025).

Vietnam National Innovation Center. URL: https://nic.gov.vn/en/ (accessed: 04.06.2025).

World Intellectual Property Organization. URL: www.wipo.int (accessed: 05.06.2025).

Zajceva A.S. (2012). V`etnam v XXI veke: razvitie institutov nauchno-texnicheskoj i innovacionnoj politiki [Vietnam in the 21st Century: Development of Institutions for Science, Technology, and Innovation Policy]. *Forsajt* [*Foresight*], 6(2): 44—55. DOI: 10.17323/1995-459X.2012.2.44.55. (In Russ.)

Дата поступления статьи: 05.08.2025
Дата поступления в переработанном виде: 17.09.2026
Принята к печати: 19.09.2026

Received: August 05, 2025
Received in revised form: September 17, 2026
Accepted: September 19, 2026

DOI: 10.54631/VS.2026.103-707239

Nguyen Van Chieu

Sustainable Development in the Context of Population Ageing: the Practice of the Russian Federation and Lessons for Vietnam[1]

Abstract. Population ageing has become a major demographic and policy challenge for both developed and developing countries, requiring long-term institutional adaptation rather than short-term sectoral interventions. This article examines population ageing and related policy responses in the Russian Federation and Vietnam from a comparative perspective, with particular attention to their implications for sustainable development. Russia has already entered a more advanced stage of demographic ageing and has accumulated considerable policy experience in fertility support, pension reform, healthcare modernization, social protection, and active ageing. Vietnam, by contrast, is undergoing a much faster ageing transition while still facing more limited fiscal capacity, uneven social security coverage, and incomplete long-term care institutions. Using a qualitative comparative approach based on secondary demographic data, official policy documents, and existing scholarly literature, the study analyzes the main ageing trends, policy instruments, institutional conditions, and development challenges in the two countries. The findings show that population ageing should not be addressed only through pronatalist incentives, pension adjustment, or welfare expansion. Instead, it requires an integrated policy framework combining social protection, preventive healthcare, long-term care, labour-market adaptation, intergenerational solidarity, age-friendly environments, and the development of the silver economy. The comparison suggests that early institutional preparation and cross-sectoral coordination are crucial, but that Vietnam should selectively adapt rather than mechanically replicate Russian experience. The study contributes to the development of socially sustainable policies in countries at different stages of population ageing.

Keywords: population ageing, sustainable development, Russian Federation, Vietnam, social policy, silver economy.

Author: Nguyen Van Chieu, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Lecturer, Dean of the Faculty of Politics and International Studies, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi, Vietnam. E-mail: chieunv@vnu.edu.vn

For Citation: Nguyen Van Chieu (2026). Sustainable Development in the Context of Population Ageing: the Practice of the Russian Federation and Lessons for Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 38—48.

Нгуен Ван Тиеу

Устойчивое развитие в условиях современного старения населения: опыт Российской Федерации и уроки для Вьетнама[2]

Аннотация. Старение населения стало одной из ключевых демографических и социально-политических проблем как для развитых, так и для развивающихся

[1] This research paper is solely funded by VNU University of Social Sciences and Humanities, Hanoi, under project number USSH-2025.06.

[2] Иссследование проведено при финансовой поддержке Университета общественных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета в рамках проекта USSH-2025.06.

стран, требующей не краткосрочных отраслевых мер, а долгосрочной институциональной адаптации. В статье рассматриваются старение населения и связанные с ним меры государственной политики в Российской Федерации и Вьетнаме в сравнительной перспективе, с особым вниманием к их последствиям для устойчивого развития. Россия уже вступила в более продвинутую стадию демографического старения и накопила значительный опыт в области поддержки рождаемости, пенсионной реформы, модернизации здравоохранения, социальной защиты и активного долголетия. Вьетнам, напротив, проходит гораздо более быстрый переход к стареющему обществу при более ограниченных бюджетных возможностях, неравномерном охвате системой социальной защиты и недостаточно сформированных и устойчивых институтах этой защиты. В статье анализируются основные тенденции старения, инструменты политики, институциональные условия и вызовы развития в двух странах. Автор приходит к выводу, что старение населения не может рассматриваться только через призму пронаталистских стимулов, корректировки пенсионной системы или расширения социальной помощи. Оно требует комплексной политики, объединяющей социальную защиту, профилактическое здравоохранение, долговременную заботу о гражданах, адаптацию рынка труда, межпоколенческую солидарность, создание благоприятной возрастной среды и развитие «серебряной экономики». Сравнение показывает важность ранней институциональной подготовки и межведомственной координации, а также необходимость избирательной адаптации российского опыта во Вьетнаме. Исследование способствует разработке социально устойчивой политики в странах, находящихся на разных этапах старения населения.

Ключевые слова: старение населения, устойчивое развитие, Российская Федерация, Вьетнам, социальная политика, серебряная экономика.

Автор: Нгуен Ван Тиеу, канд. филос. наук, доцент, преподаватель, декан факультета политологии и международных исследований Университета общественных и гуманитарных наук, Ханойский государственный университет, г. Ханой, Вьетнам. E-mail: chieunv@vnu.edu.vn

Для цитирования: *Нгуен Ван Тиеу*. Устойчивое развитие в условиях современного старения населения: опыт Российской Федерации и уроки для Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 38—48.

Introduction

Population ageing is increasingly recognized as a structural transformation with far-reaching implications for economic and social systems. While its demographic drivers, declining fertility and rising life expectancy, are well established, the ways in which countries respond to ageing differ significantly depending on institutional capacity, policy coordination, and development context. As a result, ageing is not only a demographic trend but also a critical test of long-term policy adaptability.

The Russian Federation and Vietnam represent two contrasting yet analytically connected cases. Russia represents a case of earlier demographic ageing accompanied by more established policy responses, including pension reform, healthcare modernization, and active ageing initiatives. Vietnam, in contrast, is experiencing a more rapid and compressed transition, placing increasing pressure on social protection systems that remain uneven in coverage and institutional maturity. This divergence raises important

questions about how countries at different stages of ageing can design effective and sustainable policy responses.

Although a growing body of research has examined ageing in both countries, most studies focus on specific dimensions such as pensions, healthcare, or demographic change. Comparative analyses that link ageing policy to broader development strategies remain limited. This gap is particularly relevant in the case of Vietnam, where the window for institutional adaptation is relatively short and policy choices made in the present will have long-term consequences.

This article addresses this gap by examining population ageing and policy responses in the Russian Federation and Vietnam from a comparative perspective. It analyzes how demographic change interacts with social protection, healthcare systems, and labour market adjustment, and considers the implications for sustainable development. Rather than treating the Russian experience as a model for direct policy transfer, the study emphasizes selective policy learning and context-sensitive adaptation. In doing so, it aims to contribute to a more integrated understanding of ageing as both a demographic challenge and a component of long-term development strategy.

Literature Review

Research on population ageing has expanded considerably in recent years, generally focusing on three main dimensions: the measurement of ageing, its socio-economic consequences, and policy responses. In most studies, ageing is operationalized through demographic indicators such as life expectancy, the proportion of the population aged 60 or 65 and above, and the old-age dependency ratio. These measures remain widely used because they enable systematic cross-national comparisons of the pace and scale of demographic change [World Population... 2024; Bussolo et al. 2015: 6]. However, this predominantly demographic approach has increasingly been questioned. While it provides analytical clarity, it risks reducing ageing to a statistical phenomenon. More recent research therefore emphasizes that ageing should also be understood as a multidimensional process embedded in labour markets, healthcare systems, pension sustainability, and broader development strategies. In this expanded perspective, ageing is closely linked to concepts such as active ageing, healthy ageing, and the silver economy, reflecting a shift from a narrow demographic interpretation toward a more integrated socio-economic framework.

A further demographic distinction is important for the present comparison. Population ageing may occur “from the bottom” when sustained fertility decline narrows the younger cohorts, and “from the top” when mortality improvement and longer survival enlarge the older cohorts. These mechanisms often operate together, but their relative weight matters for policy: ageing from the bottom is connected to fertility and future cohort size, whereas ageing from the top raises more immediate questions of healthy longevity, pensions, healthcare, long-term care, and participation in later life [Bonnet et al. 2021].

In the Russian case, the literature highlights the role of several long-term structural factors, including persistently low fertility, changes in mortality patterns, and significant

regional socio-economic disparities. Many studies agree that Russia has entered a relatively advanced stage of demographic ageing, although this process remains highly uneven across regions. The proportion of older persons has increased steadily since the 1990s and is expected to continue rising in the coming decades, driven not only by declining fertility but also by gradual improvements in life expectancy, despite persistent gender and regional inequalities [Mikhailova et al. 2018: 7—10].

A central debate in the Russian literature concerns the extent to which pronatalist policies can mitigate population ageing. Financial incentives such as maternity capital have influenced fertility behaviour, particularly the timing of second births [Slonimczyk, Yurko 2014], but their capacity to reverse long-term ageing remains limited. This limitation has contributed to a broader shift in policy thinking from attempts to counter demographic ageing through fertility stimulation toward adaptation to an ageing population.

Against this background, recent studies emphasize that although Russia's level of ageing remains moderate compared to some European countries, the ageing trend is structurally entrenched and likely to intensify. Moreover, the ageing process in Russia exhibits specific features, including wave-like demographic dynamics and a pronounced gender imbalance among older cohorts due to the early super-mortality of men [Reshetnikova et al. 2021: 7—8, 14].

Research from the Russian Academy of Sciences links demographic ageing with active longevity and the socio-economic potential of older generations [Dobrokhleb 2022: 66—76]. Studies from Lomonosov Moscow State University highlight regional differentiation, demographic waves, and the effects of pension reform and working-age boundaries on Russia's demographic dividend [Petrosian et al. 2019: 55—83; Kazbekova, Kalabikhina 2023: 68—82]. Higher School of Economics research based on National Transfer Accounts further connects age-specific income and consumption patterns with the effective economic support ratio and demographic dividend [Denisenko, Kozlov 2019: 6—35].

The situation in Vietnam differs in several fundamental respects. The literature consistently characterizes Vietnam as a country undergoing rapid population ageing at a relatively low level of economic development. Since officially entering the ageing stage in 2011, Vietnam has attracted increasing scholarly attention due to the speed and compressed nature of its demographic transition. A widely shared concern is that the country is "growing old before becoming rich," meaning that it faces rising demands for pensions, healthcare, and social services before achieving the level of welfare development observed in more advanced ageing societies [State of World... 2024; Nguyen et al. 2022: 2—3]. While some studies interpret this as a structural constraint on development, others emphasize that the shorter transition period also creates a window for more proactive and anticipatory policy design, provided that institutional adaptation occurs in a timely manner.

The demographic dividend further links population ageing to sustainable development. The first dividend arises from a favourable age structure with a higher effective share of producers relative to consumers, while the second reflects longer-term economic gains associated with longer lives and changing life-cycle behaviour. In Russia, National Transfer Accounts research shows how age structure and the effective

support ratio shape the demographic contribution to economic growth [Denisenko, Kozlov 2019: 6—35; Kazbekova, Kalabikhina 2023: 68—82]. In Vietnam, National Transfer Accounts evidence indicates a transition from the first toward the second demographic dividend, highlighting the importance of economic, health, and education policies for sustaining productivity and intergenerational welfare [Overview on Viet Nam... 2023].

A major debate in Vietnam concerns the sustainability of family-based care. Although family support remains central, urbanization, migration, smaller households, and changing intergenerational relations increasingly constrain this model, particularly in the absence of a comprehensive formal long-term care system [Dao et al. 2020: 381—387; Nguyen et al. 2022: 3, 13; Minagawa et al. 2023].

In Russia, this issue is closely linked to discussions of retirement-age reform, labour market adjustments, and responses to labour shortages. In Vietnam, similar debates are emerging, particularly in relation to extending working lives and promoting flexible employment arrangements. However, the literature also cautions against overly optimistic assumptions about active ageing. Continued labour market participation in later life depends on factors such as health status, job quality, labour market conditions, and the availability of supportive policy frameworks [Bussolo et al. 2015: 295—298]. Without these conditions, extending working life may exacerbate social inequality rather than mitigate it [Bussolo et al. 2015: 241—242].

UNFPA highlights Intergenerational Self-Help Clubs as an important mechanism for providing health monitoring, social participation, livelihood support, and mutual assistance among older persons [State of World... 2024]. Existing research indicates that Vietnam still lacks a comprehensive formal care system and continues to rely heavily on informal arrangements [Jackson 2026; Nguyen et al. 2022: 3]. Moreover, community-based models, while valuable, cannot fully substitute for state policy. Rather, the literature increasingly supports the development of a mixed system in which public provision, family support, community initiatives, and labour market participation are combined in a complementary manner.

Despite a growing literature, direct Russia—Vietnam comparisons remain limited, while existing studies often examine pensions, healthcare, fertility, or labour participation separately. Less attention has been paid to how ageing mechanisms, demographic-dividend dynamics, and institutional capacity interact within a broader sustainable development framework. The present study addresses these gaps.

Against this background, the present study examines population ageing and policy responses in the Russian Federation and Vietnam from a comparative perspective. It seeks to clarify how demographic change interacts with social protection, labour market adjustment, healthcare provision, and development strategy in the two countries. By combining these dimensions, the analysis aims to identify both the specific characteristics of each case and the broader lessons that can be drawn from Russia's experience for Vietnam. In doing so, the study contributes to a more nuanced understanding of ageing as both a structural challenge and a potential driver of long-term socio-economic development.

Methodology and Data Sources

This study employs a qualitative comparative approach, combining secondary demographic data analysis with a review of policy documents. The Russian Federation and Vietnam were selected because they represent two different stages of population ageing and different levels of institutional preparedness. Russia has a more advanced ageing structure and a more developed state-based social protection system, whereas Vietnam is ageing rapidly while still consolidating its welfare institutions. This contrast allows for the identification of policy lessons relevant to countries undergoing rapid demographic transition under resource constraints.

The study uses demographic indicators from Rosstat, the General Statistics Office of Vietnam (GSO), the United Nations World Population Prospects 2024, the World Bank, and selected reports from UNFPA and ERIA. The study combines harmonized international datasets with national statistics to improve cross-country comparability while retaining country-specific detail.

This study distinguishes between two commonly used thresholds: persons aged 60 and above, widely used in Vietnamese policy discussions, and persons aged 65 and above, frequently used in international demographic comparisons. When cross-country indicators are compared, the 65+ threshold is prioritized for consistency; when discussing Vietnamese elderly policy, the 60+ threshold is also reported because it corresponds to Vietnam's legal and policy definition of older persons.

Policy analysis is based on official documents issued by the governments of Russia and Vietnam, including laws, national strategies, and programs related to demographic policy, pension reform, social protection, healthcare, and ageing. This approach enables the study to identify major policy orientations and differences in institutional responses to demographic change.

The comparison is organized around four dimensions: (1) demographic ageing trends and mechanisms, including fertility and longevity; (2) demographic-dividend dynamics; (3) social protection and pension arrangements; and (4) adaptation policies, including healthcare, long-term care, active ageing, and the silver economy. This framework supports a systematic assessment of how each country translates demographic challenges into policy responses.

The study relies primarily on secondary data and document analysis and does not attempt to measure the causal impact of specific policy instruments. Therefore, the findings should be understood as a policy-oriented comparative analysis rather than a quantitative evaluation of policy effectiveness.

Results and Analysis

Population Ageing Trends in Russia and Vietnam

A comparison of key demographic indicators shows clear differences in the stage and pace of population ageing between the Russian Federation and Vietnam. These differences are assessed primarily using the 65+ age threshold, with the 60+ threshold additionally reported to reflect the Vietnamese policy context.

Russia is already at a more advanced stage of ageing, whereas Vietnam is ageing later but more rapidly. Although Vietnam still has a younger population structure, declining fertility and a compressed demographic transition reinforce concerns about "growing old before becoming rich" [Nguyen et al. 2022: 2—3]. In both countries, longer survival contributes to ageing from the top, while Russia's pronounced gender gap in life expectancy creates additional pressures on pensions, social support, and long-term care.

Table 1. **Selected demographic indicators and ageing mechanisms in the Russian Federation and Vietnam**

Indicator	Russian Federation	Vietnam	Analytical relevance
Population aged 65+ (2024)	About 17 %	About 10 %	Russia is at a more advanced stage of population ageing
Total fertility rate (2024)	About 1.4 children per woman	1.91 children per woman	Low fertility strengthens ageing from the bottom in both cases
Life expectancy at birth	73.4 years (2023)	74.7 years (2024)	Longer survival contributes to ageing from the top; gender differences remain important
Ageing mechanism	Long-standing low fertility combined with improving survival; strong regional and gender differentiation	Rapidly declining fertility combined with increasing longevity in a compressed transition	Both countries face bottom and top ageing, but with different timing and institutional preparedness

Note: Percentages are rounded; years refer to the latest available data reported in the respective sources.

Source: compiled by author according [State of World... 2024; Russia... 2025; Thông cáo báo... 2025].

Viewed through the demographic-dividend lens, the two countries also occupy different positions. In Russia, age structure, the effective support ratio, labour participation, and retirement-age rules shape the demographic contribution to economic growth [Denisenko, Kozlov 2019: 6—35; Kazbekova, Kalabikhina 2023: 68—82]. In Vietnam, National Transfer Accounts evidence indicates a transition from the first toward the second demographic dividend, increasing the importance of human capital, health, productivity, and longer economic participation [Overview on Viet Nam... 2023].

Policy Responses to Population Ageing in the Russian Federation

In response to demographic ageing, Russia has increasingly shifted toward adaptation-oriented policies. The Strategy of Actions in the Interests of Older Citizens until 2030, approved by Government Order No. 830-r of 7 April 2025, prioritizes healthy and active longevity, healthcare and long-term care, social services, employment, income security, and age-friendly infrastructure; its implementation is linked to the national projects "Family" and "Long and Active Life" [Rasporyazhenie Pravitel'stva... 2025].

Nevertheless, important challenges remain. Gender disparities in life expectancy create imbalances in pension and care systems, while regional inequalities affect access to healthcare and social services. Thus, Russia has accumulated significant policy experience, but the effectiveness of these measures depends strongly on implementation capacity and broader socio-economic conditions [Mikhailova et al. 2018: 21—23; Sidorenko 2016].

Policy Responses to Population Ageing in Vietnam

Vietnam's response to population ageing has developed gradually but remains less institutionalized than Russia's. Vietnam's ageing-policy framework has been strengthened by the National Strategy on Older Persons to 2035, with a vision to 2045, approved by Decision No. 383/QĐ-TTg of 21 February 2025 [Quyết định số... 2025]. However, social protection coverage remains uneven, especially among informal workers, rural residents, and low-income older persons. Many older Vietnamese people still depend on family support, personal savings, or continued informal work [Dao et al. 2020: 381—387].

Healthcare and long-term care are also major challenges. Although Vietnam has expanded health insurance coverage, elderly-specific healthcare, chronic disease management, and formal long-term care services remain limited. Care continues to rely heavily on families, but this model is increasingly under pressure from urbanization, migration, smaller households, and changing intergenerational relations [Nguyen et al. 2022: 3, 13; Minagawa et al. 2023].

At the same time, Vietnam demonstrates potential for developing more adaptive ageing policies, particularly through community-based and preventive approaches. Community-based care, intergenerational self-help clubs, preventive healthcare, flexible employment, and the silver economy can help transform ageing from a welfare burden into a development opportunity. However, these initiatives need stronger institutional coordination and stable public support to become part of a coherent national ageing strategy [Nguyen et al. 2022: 3, 9—10; Reshetnikova et al. 2021: 15].

Discussion and Policy Implications for Vietnam

The findings highlight that population ageing is not only a consequence of demographic transition but also a structurally differentiated policy challenge shaped by timing, institutional capacity, and development context. While the Russian Federation and Vietnam share a common demographic trajectory, they differ substantially in their institutional readiness and fiscal capacity. Russia represents a more advanced stage of demographic ageing, with a relatively well-established social protection system. Vietnam, by contrast, is ageing more rapidly under tighter resource constraints [Nguyen et al. 2022: 2—3]. This asymmetry fundamentally shapes their policy options. Therefore, Vietnam cannot rely solely on gradual institutional adaptation but requires earlier, more coordinated, and cross-sectoral policy action.

From a demographic-dividend perspective, Vietnam should use the remaining favourable age-structure period to strengthen human capital, preventive health, productive employment and social-insurance coverage [Overview on Viet Nam... 2023].

One major lesson from the Russian experience is that population ageing cannot be addressed effectively through a single policy instrument. The broader Russian response has combined fertility support, pension adjustments, preventive healthcare, and active ageing strategies [Mikhailova et al. 2018: 21—23]. For Vietnam, the priority is not only to expand institutional coverage but also to address structural fragmentation between social insurance, healthcare provision, and local-level service delivery. Since a large proportion of older Vietnamese still do not receive pensions and continue to rely on family support [Dao et al. 2020: 387], strengthening institutional coverage becomes increasingly urgent. Furthermore, greater emphasis on preventive and primary care, including early diagnostics, can reduce the long-term costs of ageing [Bussolo et al. 2015].

Regarding long-term care, Vietnam should shift toward a mixed care system to address the growing vulnerabilities of the traditional family-based model. While family care remains culturally central, its sustainability is under pressure from urbanization, migration, and shrinking household sizes. A mixed approach combining family, public, and state support is therefore more realistic under fiscal constraints [Dao et al. 2020: 387—389]. Crucially, this system must institutionalize community-based models [Nguyen et al. 2022: 13], such as intergenerational self-help clubs, which have shown positive effects in health awareness and mutual assistance.

In terms of labour market adaptation, policies should promote active ageing while carefully addressing the risks of social and labour market inequality. Older persons can remain economically active through flexible work and reskilling opportunities [Bussolo et al. 2015: 299—302]. Extending working lives without complementary support risks shifting adjustment costs onto vulnerable groups, particularly women and informal workers, who may face health constraints or accumulated disadvantages over the life course. Therefore, any adjustment to retirement policies in Vietnam must be gradual and differentiated, and accompanied by stronger health and social protections to preserve dignity and income security.

Finally, as population ageing advances, the development of the silver economy offers new opportunities to link demographic change with innovation and service development [Reshetnikova et al. 2021]. Yet, in a country where many older people remain economically vulnerable, this sector must be carefully governed to ensure affordability and equitable access. Effective adaptation to population ageing requires moving beyond emergency responses toward a coherent strategy integrated into broader development planning. Such an approach is widely discussed in the literature on ageing and development [Bussolo et al. 2015: 25, 261]. In Vietnam, this implies building a more inclusive and resilient social policy framework to respond to rapid demographic and structural change.

Conclusion

Population ageing in the Russian Federation and Vietnam follows a shared demographic trajectory but unfolds under markedly different institutional and economic conditions. These differences reflect asymmetry in demographic timing and institutional capacity, which shapes each country's ability to respond effectively. The key challenge,

therefore, lies not in ageing itself, but in ensuring timely and coordinated policy adaptation. Distinguishing ageing from the bottom and ageing from the top, together with the demographic-dividend perspective, clarifies why neither fertility support nor pension adjustment alone can constitute an adequate response to population ageing.

The Russian experience suggests that ageing requires an integrated policy approach rather than isolated measures. For Vietnam, the main implication is not to replicate specific policies, but to adapt them to national conditions. Priority should be given to expanding social insurance, strengthening healthcare, and developing long-term and community-based care, alongside promoting active ageing. In this way, population ageing can become not only a challenge, but also a driver of more inclusive and sustainable development.

References

Bonnet C., Cambois E., Fontaine R. (2021). Population Ageing in High-Longevity Countries: Demographic Dynamics and Socio-economic Challenges. *Population*, 76(2): 217—310. DOI: 10.3917/popu.2102.0225.

Bussolo M., Koettl J., Sinnott E. (2015). *Golden Aging: Prospects for Healthy, Active, and Prosperous Aging in Europe and Central Asia*. Washington, DC: World Bank. 363 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-0353-6.

Dao B.T., Tran N.T.B., Barysheva G.A., Tran L.S. (2020). Social Security and Population Ageing in Vietnam: A Guarantee for the Elderly People's Life. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9: 381—390. DOI: 10.6000/1929-4409.2020.09.37.

Denisenko M.B., Kozlov V.A. (2019). Mezhpokolencheskie scheta i demograficheskii dividend v Rossii [Generational Accounts and Demographic Dividend in Russia]. *Demograficheskoe obozrenie* [*Demographic Review*], 5(4): 6—35. DOI: 10.17323/demreview.v5i4.8661. (In Russ.)

Dobrokhleb V.G. (2022). Demograficheskoe starenie v Rossii i novaya sotsial'naya real'nost' [Demographic Ageing in Russia and New Social Reality]. *Narodonaselenie* [*Population*], 25(2): 66—76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6. (In Russ.)

Thông cáo báo chí Kết quả Điều tra dân số và nhà ở giữa kỳ năm 2024 [Press Release: Results of the 2024 Population and Housing Mid-term Census]. General Statistics Office of Vietnam (GSO), 2025. URL: https://www.gso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong-ke/2025/01/thong-cao-bao-chi-ket-qua-dieu-tra-dan-so-va-nha-o-giua-ky-nam-2024. (accessed: 10.09.2026). (In Vietnamese)

Overview on Viet Nam National Transfer Accounts: Key Findings and Policy Implications. General Statistics Office of Vietnam (GSO), United Nations Population Fund (UNFPA), 2023, 8 p. URL: https://vietnam.unfpa.org/en/publications/overview-viet-nam-national-transfer-accounts-key-findings-and-policy-implications. (accessed: 10.09.2026).

Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 7 aprelya 2025 g. No. 830-r "Ob utverzhdenii Strategii deistvii v interesakh grazhdan starshego pokoleniya v Rossiiskoi Federatsii do 2030 goda" [Order of the Government of the Russian Federation of 7 April 2025 No. 830-r "On Approval of the Strategy of Actions in the Interests of Older Citizens in the Russian Federation until 2030"]. Government of the Russian Federation, 2025. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411766746. (In Russian) (accessed: 17.09.2026).

Jackson M. (2026). Population Ageing in Viet Nam: From Demographic Transition to Development Opportunity. UNFPA Viet Nam. URL: https://vietnam.unfpa.org/en/news/population-ageing-viet-nam-demographic-transition-development-opportunity (accessed: 25.08.2026).

Kazbekova Z.G., Kalabikhina I.E. (2023). Prognoz dinamiki demograficheskogo dividenda v Rossii s uchetom pensionnoi reformy i pandemii [Forecast of the Demographic Dividend Dynamics in Russia: Influence of the Pension Reform and the Pandemic]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyi zhurnal* [*Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*], 15(3): 68—82. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82. (In Russ.)

Mikhailova O., Safarova G., Safarova A. (2018). Population Ageing and Policy Responses in the Russian Federation. *International Journal on Ageing in Developing Countries*, 3(1): 6—26. URL: https://inia.org.mt/wp-content/uploads/2019/05/3.2-Mikhailova-et-al..pdf (accessed: 15.06.2026).

Minagawa Y., Vu N.C., Hiruma Y., Saito Y. (2023). Social Issues in Viet Nam's Ageing Society. In: Kimura F. et al. (Eds.), *Viet Nam 2045: Development Issues and Challenges*. Jakarta: ERIA, pp. 577—601.

Nguyen L.T., Nantharath P., Kang E. (2022). The Sustainable Care Model for an Ageing Population in Vietnam: Evidence from a Systematic Review. *Sustainability*, 14(5): 2518. DOI: 10.3390/su14052518.

Petrosian A.N., Shevchuk E.I., Kirillov P.L., Mozgunov N.A. (2019). Geograficheskie osobennosti stareniya naseleniya Rossii [Geographical Features of Russia's Population Ageing]. *Demograficheskoe obozrenie* [*Demographic Review*], 6(2): 55—83. DOI: 10.17323/demreview.v6i2.9872. (In Russian).

Quyết định số 383/QĐ-TTg phê duyệt Chiến lược quốc gia về người cao tuổi đến năm 2035, tầm nhìn đến năm 2045 [Decision No. 383/QĐ-TTg Approving the National Strategy on Older Persons to 2035, with a Vision to 2045]. URL: https://chinhphu.vn/?classid=2&docid=212880&pageid=27160. (accessed: 17.09.2026). (In Vietnamese)

Reshetnikova L., Boldyreva N., Perevalova M., Kalayda S., Pisarenko Z. (2021). Conditions for the Growth of the "Silver Economy" in the Context of Sustainable Development Goals: Peculiarities of Russia. *Journal of Risk and Financial Management*, 14(9): 401. DOI: 10.3390/jrfm14090401.

Russia 2025: Statistical Pocketbook. Rosstat, 2025. Moscow: Federal State Statistics Service. URL: https://eng.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Russia%202025.pdf. (accessed: 17.09.2026).

Sidorenko A. (2016). Challenges and Opportunities of Population Ageing in the CIS+ Countries. *International Journal on Ageing in Developing Countries*, 1(1): 20—39. URL: https://www.um.edu.mt/library/oar/bitstream/123456789/101682/1/1.%202016%20-%20Editorial%20-%20International%20Journal%20on%20Ageing%20in%20Developing%20Countries%20-%20Vol.%201%20-%20No.%201.pdf (accessed: 10.09.2026).

Slonimczyk F., Yurko A. (2014). Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Labour Economics*, 30: 265—281. DOI: 10.1016/j.labeco.2014.03.004.

State of World Population 2024: Interwoven Lives, Threads of Hope — Ending Inequalities in Sexual and Reproductive Health and Rights. UNFPA, 2024. New York: United Nations Population Fund. URL: https://www.unfpa.org/swp2024. (accessed: 25.04.2026).

World Population Prospects 2024: Summary of Results. UN DESA/POP/2024/TR/NO. 9. United Nations, 2024. New York: United Nations. URL: https://desapublications.un.org/publications/world-population-prospects-2024-summary-results (accessed: 10.09.2026).

Дата поступления статьи: 05.05.2026 Received: May 05, 2026
Дата поступления в переработанном виде: 17.09.2026 Received in revised form: September 17, 2026
Принята к печати: 18.09.2026 Accepted: September 18, 2026

DOI: 10.54631/VS.2026.103-677160

Hoang Trung Hoc, Nguyen Thi Thuy Dung, S.V. Murafa

The Impact of Social Support on the Academic Performance of Vietnamese University Students

Abstract. This study examined the association between perceived social support and academic performance among university students in Vietnam. Guided by Bronfenbrenner's ecological systems theory, we conceptualized support from family, friends, and significant others as proximal resources that may reduce psychological strain and facilitate academic functioning. A convenience sample of 152 students completed an online survey comprising the Multidimensional Scale of Perceived Social Support and the Academic Performance Questionnaire. Internal consistency was evaluated using Cronbach's alpha, and the hypothesis was tested using Pearson correlation and simple linear regression in SPSS 26. Perceived social support was positively associated with academic performance Descriptive results further indicated that family was the most salient source of perceived support. These findings underscore the relevance of proximal support systems to students' academic functioning in Vietnam and suggest that universities may benefit from strengthening mentoring, peer-support, and family-engagement initiatives. Because the cross-sectional convenience sample was predominantly female and first-year, future longitudinal studies should test the direction and generalizability of these associations.

Keywords: social support, academic performance, students, family culture, higher education, Vietnam

Authors: Hoang Trung Hoc, Dr. Sc. (Psychology), Dean of the Faculty of Psychology and Education at the National Academy of Educational Management (NAEM) under the Ministry of Education and Training of Vietnam, Hanoi, Vietnam.
ORCID: 0000-0003-4074-9828. E-mail: hoangtrunghoctlgd@gmail.com
Nguyen Thi Thuy Dung, Director of the Institute for Psychological Research, Training, and Application (IPRTA) under the Ministry of Education and Training of Vietnam, Hanoi,Vietnam, ORCID: 0009-0002-8960-9068. E-mail: sally.nguyen@iprta.vn
Murafa Svetlana V., Ph.D. (Psycology), Russian Academy of Education, Moscow Pedagogical Stat0e University. ORCID: 0000-0002-4819-660X.
E-mail: murafa.svetlana@gmail.com

For citation: Hoang Trung Hoc, Nguyen Thi Thuy Dung, Murafa S.V. (2026). The Impact of Social Support on the Academic Performance of Vietnamese University Students. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 49—64.

Хоанг Чунг Хок, Нгуен Тхи Тхюи Зунг, С.В. Мурафа

Влияние социальной поддержки на академическую успеваемость студентов университетов Вьетнама

Аннотация. В данном исследовании изучается связь между воспринимаемой социальной поддержкой и успеваемостью студентов университетов Вьетнама. Опираясь на теорию экологических систем Бронфенбреннера, авторы оценили

поддержку со стороны семьи, друзей и значимых лиц как ресурсы ближайшего окружения, способные снизить психологическое напряжение и способствовать успешной учебной деятельности. Выборка, сформированная методом доступности, включала 152 студента, прошедших онлайн-опрос с использованием «Многомерной шкалы воспринимаемой социальной поддержки» и «Опросника успеваемости». Внутренняя согласованность данных оценивалась с помощью коэффициента альфа Кронбаха, а проверка гипотезы осуществлялась методами корреляционного анализа Пирсона и простой линейной регрессии в программе SPSS 26. Была выявлена положительная связь между воспринимаемой социальной поддержкой и успеваемостью. Из описательных результатов также следует, что семья является наиболее значимым источником воспринимаемой поддержки. Полученные данные подчеркивают важность систем поддержки ближайшего окружения для учебной деятельности студентов во Вьетнаме и указывают на то, что университетам может быть полезно развивать инициативы в области наставничества, взаимной поддержки студентов и вовлечения семей в образовательный процесс. Поскольку данное одномоментное исследование проводилось на выборке, сформированной методом доступности и состоящей преимущественно из студентов женского пола и первокурсников, в будущих исследованиях продолжительных периодов необходимо проверить направление выявленных связей и возможность их обобщения.

Ключевые слова: психологическая социальная поддержка, успеваемость, студенты университетов, поддержка семьи, высшее образование, Вьетнам.

Авторы: Хоанг Чунг Хок, канд. психол. наук, Национальная академия управления образованием при Министерстве образования и подготовки кадров Вьетнама, декан факультета психологии и педагогики, Ханой, Вьетнам.
ORCID: 0000-0003-4074-9828. E-mail: hoangtrunghoctlgd@gmail.com
Нгуен Тхи Тхюи Зунг, директор Института психологических исследований, подготовки и практического применения при Министерстве образования и подготовки кадров Вьетнама, Ханой, Вьетнам. ORCID: 0009-0002-8960-9068. E-mail: sally.nguyen@iprta.vn
Мурафа Светлана Валетниновна, канд. психол. наук,Российская академия образования, Московский педагогический государственный университет.
ORCID: 0000-0002-4819-660X. E-mail: murafa.svetlana@gmail.com

Для цитирования: *Хоанг Чунг Хок, Нгуен Тхи Тхюи Зунг, Мурафа С.В.* Влияние социальной поддержки на академическую успеваемость студентов университетов Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 49—64.

Introduction

Academic performance is consequential for students' development and for Vietnam's efforts to cultivate a highly skilled workforce. It is not solely a function of individual ability, however, but also reflects the personal and contextual resources available to students. Academic performance encompasses the attainment of educational goals, including the acquisition and application of knowledge and the development of skills required to function effectively in academic settings [Kuh et al. 2006]. Accordingly, it extends beyond examination scores to include outcomes such as critical thinking, problem-solving ability, and preparation for postgraduation challenges [York et al. 2015].

Among the contextual resources relevant to academic performance, perceived social support may help students manage academic demands, sustain motivation, and remain engaged with their studies. Social support refers broadly to the emotional, informational, instrumental, and interpersonal assistance perceived as available from family members, friends, educators, and other members of one's community [Rayle, Chung 2007; Wilcox et al. 2005].

Supportive relationships may enrich students' educational experiences and protect them against psychological difficulties [Hefner, Eisenberg 2009; Liu et al. 2019; Wang et al. 2018], whereas material and institutional support may reduce financial and practical barriers to educational participation [Castleman, Long 2016; Kondakci et al. 2018]. Together, these resources may facilitate students' personal adjustment and academic functioning. Consistent with this account, perceived social support has been positively associated with academic achievement and engagement across student populations [Achdiyah et al. 2023; DeBerard et al. 2004; Mulyadi, Saraswati 2020; Wen, Li 2022]. For example, Mulyadi and Saraswati (2020) found that social support was positively associated with academic engagement and accounted for 9.2 % of its variance. Although this cross-sectional evidence does not establish causality, it suggests that students who perceive greater support may participate more actively in academic activities.

Several processes may underlie this association. Emotional support from family members and friends may help students maintain confidence and academic motivation [Anjani et al. 2024]. Parental academic support has also been linked to students' academic well-being through greater academic resilience [Fathi et al. 2024]. In addition, support from lecturers and peers may facilitate access to information, feedback, and collaborative learning opportunities [Kondratavičienė et al. 2023], while buffering stress in educational settings [Hoferichter et al. 2024]. Students who perceive greater support also tend to report less anxiety and stress [Anjani et al. 2024; Hoferichter et al. 2024; Salter et al. 2025]. Reduced psychological strain may, in turn, enable students to devote greater attention and effort to examinations, assignments, and other academic tasks. The availability, perception, and use of social support are embedded within broader cultural and social contexts. This issue is particularly relevant in Vietnam, where family connectedness and communal obligations are strongly valued [Le 2023].

Research in related populations has further emphasized the importance of family and community resources for individual functioning. However, the extent to which students receive and utilize social support depends on various factors, including cultural and social influences. Thus, social support holds particular significance in the Vietnamese context, where familial and communal values are deeply ingrained [Amin et al. 2024; Tung et al. 2024]. Nevertheless, evidence regarding the association between perceived social support and academic performance among Vietnamese university students remains limited.

Direct examination of this relationship is therefore needed to determine whether findings from other cultural and educational settings extend to the Vietnamese context. Bronfenbrenner's ecological systems theory provides a useful framework for understanding this relationship [Bronfenbrenner 1986]. The theory situates human development within a set of nested and interacting environmental systems. Students' recurring interactions with family members, peers, and educators occur within the

microsystem and may provide emotional, informational, and practical resources relevant to academic functioning. Connections among these immediate settings—for example, interactions between families and universities-form part of the mesosystem. Broader cultural values, institutional structures, and educational policies operate at more distal levels. From this perspective, academic performance is shaped partly by the quality of support within students' immediate environments and the coordination of resources across those environments. Examining this proposition in Vietnam offers both theoretical and practical value.

Theoretically, it extends an ecological account of academic functioning to a cultural context in which family relationships may be particularly salient. Practically, identifying relevant sources of support may inform university mentoring programs, peer-learning communities, psychological services, and family-engagement initiatives. Such strategies may strengthen students' academic functioning while helping them manage the psychological demands of university life. Accordingly, the present study examined the relationship between perceived social support and academic performance among university students in Vietnam. We hypothesized that perceived social support would be positively associated with academic performance.

Materials and Methods

This research employs a quantitative research methodology utilizing the following scales:

- Multidimensional Scale of Perceived Social Support (MSPSS) developed by Zimet et al. [1988];
- Academic Performance Questionnaire developed by Birchmeier et al. [2015].

Perceived social support was assessed using the Multidimensional Scale of Perceived Social Support [MSPSS; Zimet et al. 1988]. The scale comprises 12 items assessing three sources of support: family, friends, and a significant other, with four items representing each subscale. Participants rated each item on a 5-point Likert scale ranging from 0 'very strongly disagree' to 4 'very strongly agree'. Sample items include "I get the emotional help and support I need from my family". Previous research has supported the reliability and validity of the Vietnamese version among university students [Ho et al. 2020]. In the present study, Internal consistency was high for both perceived social support ($\alpha = .90$).

Academic performance was measured with the Academic Performance Questionnaire [Birchmeier et al. 2015]. We used the Academic Performance Questionnaire developed by Birchmeier et al. [2015] and adapted into Vietnamese by Tín [2023]. Each item is rated on a 5-point Likert scale, with the item scores summed to produce an overall academic-performance score. Total scores are interpreted using five performance levels: excellent (33—40), good (25—32), moderate (17—24), poor (9—16), and failing (0—8). In the present study, the Cronbach's alpha was 0.86.

The authors collected data online via Google Forms from October 10, 2024, to November 11, 2024, to describe the characteristics of the subjects and variables within the research hypothesis. Participants were eligible if they were university students and

users of information and communication technology platforms. To recruit participants, the researcher first contacted university representatives to request their assistance. With their support, online meetings with students were organized via Google form. In addition, the researcher explained the study, shared the survey link, and invited students to participate voluntarily. Data was collected online through Google Forms between October 10 and November 11, 2024. The study was conducted in accordance with the ethical principles of the Declaration of Helsinki [World Medical Association 1964].

The analysis process included assessing scale reliability using Cronbach's Alpha and conducting linear regression analysis to examine relationships between variables (Table 1). The analysis was performed using SPSS version 26.0, ensuring scientific rigor and accuracy in data processing. The analyses proceeded in three stages. First, the reliability and validity of the study measures were evaluated. Second, descriptive statistics such as mean, standardization person correlation were calculated for all study variables. Finally, simple linear regression analysis was performed to examine whether perceived social support significantly predicted academic performance.

Table 1. **Reliability of the results obtained**

Measurement parameters	M	SD	Reliability assessment (Cronbach's alpha method)
Social support	61.66	14.14	0.90
Academic performance	27.43	5.25	0.86

Note: **M** ± **SD**: Mean ± Standard Deviation

Participants were recruited using nonprobability convenience sampling from universities in Vietnam. The final sample comprised 152 students (M age = 19.16 years, SD = 1.33) who participated voluntarily. The sample included 32 men (21.1 %) and 120 women (78.9 %). Most participants were first-year students (n = 106, 69.7 %); six (3.9 %) were in their second year, 22 (14.5 %) in their third year, 17 (11.2 %) in their fourth year, and one (0.7 %) beyond the fourth year. Regarding religion, 41 participants identified as Buddhist (27.0 %), 22 as Catholic (14.5 %), one as Protestant (0.7 %), one as Caodaist (0.7 %), and 87 reported no religious affiliation (57.2 %). Half lived in rural areas (n = 76, 50.0 %), 73 lived in urban areas (48.0 %), and three lived in mountainous, midland, or island regions (2.0 %). Most participants were single (n = 116, 76.3 %); 34 were in a relationship (22.4 %), and two were married (1.3 %). Academic fields included natural sciences or engineering (n = 4, 2.6 %), social sciences, humanities, or education (n = 103, 67.8 %), culture, arts, or sports (n = 4, 2.6 %), and other fields (n = 41, 27.0 %; Table 2).

According to the reliability analysis, Cronbach's Alpha coefficients for the Social Support scale (0.90) and the Academic Performance scale (0.86) exceeded the threshold of 0.70, indicating high reliability for both scales. This confirms that the scales employed in this research possess stable and dependable measurement capacity.

Furthermore, the authors calculated the mean and standard deviation values for the Social Support scale (M=61.66, SD=14.14) and the Academic Performance scale (M=27.43, SD=5.25). These findings provide a solid foundation for further analysis of the relationships under investigation (Table 3).

Table 2. **Sample characteristics**

Demographic variables		N
Age	24 22 21 20 19 18	2 (1.3 %) 4(2.6 %) 16 (10.5 %) 22 (14.5 %) 8 (5.3 %) 100 (65.8 %)
Gender	Male Female	32 (21.1 %) 120 (78.9 %)
Academic Year	Year 1 Year 2 Year 3 Year 4 Other	106(69.7 %) 6(3.9 %) 22 (14.5 %) 17 (11.2 %) 1 (0.7 %)
Religious belief	Buddhism Catholicism Protestantism Caodaism None	41(27.0 %) 22(14.5 %) 1 (0.7 %) 1 (0.7 %) 87(57.2 %)
Place of residence	Rural Urban Midlands/mountains/islands	76 (50.0 %) 73(48.0 %) 3 (2.0 %)
Marital status	**Marital status** Single In a relationship Married	116 (76.3 %) 34 (22.4 %) 2 ± 1.3 %
Field of Study	Science/engineering Social sciences/humanities/education Culture/arts/sports Other	4 ± 2.6 % 103 ± 67.8 % 4 ± 2.6 % 41 ± 27.0 %

Table 3. **The results of the investigated relationships**

General information of the sample	CNT ± PCT	M ± SD
Age (years old) 24 23 22 21 20 19 18	 2 ± 1.3 % 0 ± 0.0 % 4 ± 2.6 % 16 ± 10.5 % 22 ± 14.5 % 8 ± 5.3 % 100 ± 65.8 %	19.16 ± 1.33
Gender Male Female	 32 ± 21.1 % 120 ± 78.9 %	0.79 ± 0.41

The end of the table 3

General information of the sample	CNT ± PCT	M ± SD
Academic Year		1.69 ± 1.12
Year 1	106 ± 69.7 %	
Year 2	6 ± 3.9 %	
Year 3	22 ± 14.5 %	
Year 4	17 ± 11.2 %	
Other	1 ± 0.7 %	
Religious belief		3.47 ± 1.82
Buddhism	41 ± 27.0 %	
Catholicism	22 ± 14.5 %	
Protestantism	1 ± 0.7 %	
Caodaism	1 ± 0.7 %	
None	87 ± 57.2 %	
Place of residence		1.52 ± 0.54
Rural	76 ± 50.0 %	
Urban	73 ± 48.0 %	
Midlands/mountains/islands	3 ± 2.0 %	
Marital status		1.25 ± 0.46
Single	116 ± 76.3 %	
In a relationship	34 ± 22.4 %	
Married	2 ± 1.3 %	
Scientific field of activity		2.54 ± 0.92
Science/engineering	4 ± 2.6 %	
Social sciences/humanities/	103 ± 67.8 %	
education	4 ± 2.6 %	
Culture/arts/sports	41 ± 27.0 %	
Other		

Note: **CNT ± PCT:** Count (CNT) and Percentage (PCT); **M ± SD:** Mean (M) ± Standard Deviation (SD).

This research employed a non-probability convenience sampling method across universities in Vietnam. A total of 152 subjects participated voluntarily, with a mean age of 19.16 (M = 19.16, SD = 1.33).

Of all the participants, 32 subjects were male (21.1 %) and 120 were female (78.9 %). In terms of the academic year, there were 106 first-year students (69.7 %), six second-year students (3.9 %), 22 third-year students (14.5 %), 17 fourth-year students (11.2 %), and one student beyond the fourth year (0.7 %).

Regarding religious beliefs, 41 students identified as Buddhist (27.0 %), 22 as Catholic (14.5 %), one as Protestant (0.7 %), one as Caodaist (0.7 %), and 87 reported no religious affiliation (57.2 %). In terms of residence, 76 students lived in rural areas (50.0 %), 73 in urban areas (48.0 %), and three in mountainous, midland, or island regions (2.0 %).

Regarding marital status, 116 students were single (76.3 %), 34 were in a relationship (22.4 %), and two were married (1.3 %). In terms of academic disciplines,

four students belonged to natural sciences or engineering (2.6 %), 103 to social sciences, humanities, or education (67.8 %), 4 to culture, arts, or sports (2.6 %), and 41 to other fields (27.0 %) (Table 2).

Results

The results of the Student Social Support Survey using the Multidimensional Scale of Perceived Social Support Scale (MSPSS) are presented in Table 4.

Table 4. **Assessing social support among students using the MSPSS**

Questionnaire questions 1 partie	M	N	Level							R
	SD	%	1	2	3	4	5	6	7	
There is a special person who is around when I am in need	5.16	N	10	8	5	33	0	60	36	7
	1.79	%	6.6	5.3	3.3	21.7	0	39.5	23.7	
There is a special person with whom I can share my joys and sorrows	5.18	N	7	8	7	34	0	64	32	6
	1.69	%	4.6	5.3	4.6	22.4	0	42.1	21.1	
My family really helps me	6.03	N	2	3	5	16	17	18	91	1
	1.44	%	1.3	2.0	3.3	10.5	11.2	11.8	59.9	
Emotional help and support from your family	5.41	N	7	7	4	21	28	29	56	2
	1.71	%	4.6	4.6	2.6	13.8	18.4	19.1	36.8	
There is someone in my social circle who is a real source of comfort to me	5.23	N	10	10	2	30	0	61	39	4
	1.81	%	6.6	6.6	1.3	19.7	0	40.1	25.7	
My friends are helping me	5.13	N	5	7	11	34	0	74	21	8
	1.58	%	3.3	4.6	7.2	22.4	0	48.7	13.8	
When something goes wrong, I can rely on my friends	4.83	N	7	9	12	44	0	63	17	10
	1.65	%	4.6	5.9	7.9	28.9	0	41.4	11.2	
My family knows about my problems	4.89	N	9	12	12	37	0	48	34	9
	1.85	%	5.9	7.9	7.9	24.3	0	31.6	22.4	
Any problems that arise, I inform my family	5.22	N	6	5	12	31	0	69	29	5
	1.62	%	3.9	3.3	7.9	20.4	0	45.4	19.1	
There is a special person in my life who cares about my feeling	4.76	N	19	6	9	35	0	56	27	11
	1.97	%	12.5	3.9	5.9	23.0	0	36.8	17.8	

The end of the table 4

Questionnaire questions 1 partie	M	N	Level							R
	SD	%	1	2	3	4	5	6	7	
My family helps me make decisions	5.23	N	7	5	12	30	0	60	38	3
	1.70	%	4.6	3.3	7.9	19.7	0	39.5	25.0	
I can talk about my problems with my friends	4.57	N	11	12	16	41	0	57	15	12
	1.78	%	7.2	7.9	10.5	27.0	0	37.5	9.9	

Note: **M ± SD**: Mean ± Standard Deviation, **N**: Sample size **R**: ranked as follows: 1 — Absolutely disagree, 2 — Disagree, 3 — Mostly disagree, 4 — neutral, 5 — Mostly agree, 6 — Agree, and 7 — Absolutely agree.

The research utilizes the Multidimensional Scale of Perceived Social Support developed by Zimet et al. [1988], translated and comprehensively validated within the Vietnamese context by Trà and Cường [2024].

Descriptive analysis revealed the following six items with the highest mean scores:

- "My family really tries to help me" (M = 6.03, SD = 1.44);
- "My family knows about my problems" (M = 5.41, SD = 1.71);
- "My family is willing to help me make decisions" (M = 5.23, SD = 1.70);
- "There is someone in my social circle who is a real source of comfort to me" (M = = 5.23, SD = 1.81);
- "Any problems that arise, I inform my family" (M = 5.22, SD = 1.62);
- "There is a special person with whom I can share my joys and sorrows" (M = = 5.18, SD = 1.69).

Conversely, the following six items registered the lowest mean scores:

- "There is a special person who is around when I am in need" (M = 5.16, SD = = 1.79);
- "My friends really try to help me" (M = 5.13, SD = 1.58);
- "My family knows about my problems" (M = 4.89, SD = 1.85);
- "When something goes wrong, I can rely on my friends" (M = 4.83, SD = 1.65);
- "There is a special person in my life who cares about my feeling" (M = 4.76, SD = = 1.97);
- "My family knows about my problems" (M = 4.57, SD = 1.78).

The descriptive statistics indicate that family constitutes the primary source of support, as evidenced by the highest mean scores for items pertaining to familial aid and assistance (Table 5). This underscores the central role of family within Vietnamese culture, where familial support is deemed a critical foundation enabling students to navigate stress. In contrast, items relating to friendships and other personal connections register lower mean scores, suggesting a circumscribed support depth in social relationships existing independently of the family unit. These insights suggest that bolstering external relational depth enhances academic robustness while diversifying and sharing support network benefits, which otherwise may rely significantly upon kinship ties.

Table 5. **Assessing social support among students using the MSPSS**

Questionnaire questions 2 partie	M	N	Level					R
	SD	%	1	2	3	4	5	
The subject preparation is good	3.45	N	6	5	75	46	20	3
	0.91	%	3.9	3.3	49.3	30.3	13.2	
Attentive when talking	3.59	N	3	10	55	62	22	2
	0.89	%	2.0	6.6	36.2	40.8	14.5	
It's better when I have good grades in subjects	4.22	N	1	4	20	63	64	1
	0.82	%	0.7	2.6	13.2	41.4	42.1	
An active participant in discussions	3.43	N	3	12	75	41	21	4
	0.90	%	2.0	7.9	49.3	27.0	13.8	
After the appointment, I immediately start working on documents and projects	3.30	N	7	19	62	50	14	5
	0.96	%	4.6	12.5	40.8	32.9	9.2	
Homework and sports activities help improve your skills in each subject	3.14	N	8	22	73	38	11	7
	0.94	%	5.3	14.5	48.0	25.0	7.2	
You have to put in more effort to complete difficult tasks	3.18	N	9	21	65	48	9	6
	0.95	%	5.9	13.8	42.8	31.6	5.9	
Problem solving is a useful hobby for me	3.12	N	12	26	57	45	12	8
	1.04	%	7.9	17.1	37.5	29.6	7.9	

Note: **M ± SD**: Mean ± Standard Deviation; **N**: Sample Size; **R:** ranked as follows: 1 — Strongly disagree, 2 — Disagree, 3 — Neutral, 4 — Agree, and 5 — Strongly agree.

This research employs the Academic Performance Questionnaire, developed by Birchmeier et al. [2015] and translated and adapted by Tin [2023], to assess the academic performance of university students.

Descriptive analysis reveals the following four highest-scoring items:

- "The subject preparation is good" (M = 4.22, SD = 0.82);
- "An active participant in discussions" (M = 3.59, SD = 0.89);
- "It's better when I have good grades in subjects" (M = 3.45, SD = 0.91);
- "An active participant in discussions" (M = 3.43, SD = 0.90).

Conversely, the four lowest-scoring items are as follows:

- "Projects and documents to be completed" (M = 3.30, SD = 0.96);
- "You have to put in more effort to complete difficult tasks" (M = 3.18, SD = = 0.95);
- "Homework and sports activities help improve your skills in each subject" (M = = 3.14, SD = 0.94);
- "Solving problems is a useful hobby for me" (M = 3.12, SD = 1.04).

The descriptive statistics of the Academic Performance Questionnaire indicate that students tend to focus on clear and specific objectives, such as attaining high grades and engaging dynamically in scholastic activities. The top-scoring metrics affirm pupils'

preference for outcomes-focused learning augmented with meticulous preliminary task engagement. In contrast, the lowest average scores, related to proactively initiating assigned tasks, persevering through adversity, and recognizing resolution methodologies as intrinsically meaningful, highlight inconsistencies in study dynamics. These findings suggest that students tend to focus more on immediate, short-term instructional goals, potentially indicating an underdeveloped ability to maintain long-term academic consistency and a proactive approach to problem-solving within this educational context. The correlation between students' social support and academic performance is presented in Table 6.

Table 6. **The results of the correlation between students' social support and academic performance**

The variable under study	Social support	Academic performance
Social support	1	0.46**
Academic performance	0.46**	1

Note: **p< 0.01.

Analyzing the interrelationship between variables reveals a positive correlation between social support and academic performance ($r = 0.46$, $p < 0.01$; Table 5). This statistically significant correlation demonstrates that as the level of social support increases, academic performance tends to improve correspondingly. The results of the regression analysis are presented in Table 7.

Table 7. **The result of the analysis using the regression model**

Income → Outcome	R^2	F(df)	β	SE	t	95 %CI	
						Lower	Upper
SS → AP	0.46	39.91 (1)	0.26***	0.04	6.32	0.18	0.33

Note: ***p<0.001, Social Support (SS), Academic Performance (AP).

R^2: Coefficient of Determination; **F(df)**: F-statistic; β: Standardized Regression Coefficient; **SE**: Standard Error; **t**: t-value; **95 % CI Lower**: Lower bound of the 95 % Confidence Interval; **95 % CI Upper** → Upper bound of the 95 % Confidence Interval.

Thus, regression analysis indicates that social support significantly and positively impacts the academic performance of university students. The determination coefficient ($R^2 = 0.46$) demonstrates that social support explains 46 % of students' academic performance variance.

Furthermore, the standardized regression coefficient, $\beta = 0.26$, with a t-statistic of 6.32, reaches a high level of significance ($p < 0.001$). This suggests that for every unit increase in social support, student academic performance tends to increase by 26 %. The 95 % confidence interval of the standardized regression coefficient, ranging from [0.18, 0.33], reinforces the reliability of the findings.

Thus, the research findings confirm the hypothesis that social support positively influences students' academic performance. Furthermore, the regression results highlight the beneficial role of social support in enhancing academic achievement,

emphasizing its significance as a key factor — a "stepping stone" — for students striving for better outcomes. These findings provide empirical evidence that reinforces existing national and international studies on the correlation between social support and academic performance while introducing new perspectives on student support in higher education.

Discussion

The present study found a moderate positive association between perceived social support and academic performance among Vietnamese university students. This result is consistent with evidence linking supportive relationships to students' adjustment and persistence [Holahan et al. 1995; Oswald, Suss 1994]. It also accords with ecological systems theory, which emphasizes the developmental relevance of recurring interactions within immediate social settings [Bronfenbrenner 1986].

The findings extend this literature by documenting the association in a Vietnamese university sample. From an ecological perspective, support from family members, peers, and educators may provide emotional reassurance, information, and practical assistance that help students respond to academic demands. The present data support an association at the level of overall perceived support, although they do not identify the causal mechanisms through which that association operates.

Family-related MSPSS items received the highest descriptive ratings, a pattern that is compatible with the salience of family connectedness in Vietnam [Murafa, Hoang 2023; Murafa et al. 2022]. Cross-national research has documented variation in norms concerning dependence on and separation from family [Luetzelberger 2014]. Nevertheless, the current item-level comparisons should be interpreted cautiously because the study did not formally compare family, friend, and significant-other subscales as predictors. Perceived social support accounted for approximately 21 % of the variance in academic performance. This effect was statistically reliable but also leaves substantial variance unexplained, indicating that academic performance reflects many additional personal, interpersonal, and institutional influences.

Several limitations should be considered when interpreting the findings. First, the use of nonprobability convenience sampling resulted in a relatively small and demographically unbalanced sample, with women (78.9 %), first-year students (69.7 %), and students in the social sciences, humanities, and education (67.8 %) being overrepresented. Furthermore, participants were recruited from a limited range of universities and academic disciplines. Consequently, the findings may not be generalizable to the broader population of university students in Vietnam, particularly men, students in later years of study, and those enrolled in science, technology, engineering, or other technical disciplines. Second, the cross-sectional design precludes conclusions regarding temporal precedence or causality. Although perceived social support was positively associated with academic performance and accounted for approximately 21 % of the variance in academic performance ($R^2 = .21$), the direction of this association cannot be determined. Social support may contribute to better academic performance, stronger academic performance may enhance students'

perceptions of social support, or unmeasured variables may influence both constructs. Third, both perceived social support and academic performance were assessed using self-report questionnaires, which may have introduced common method variance and social desirability bias and, consequently, inflated the observed association. Moreover, academic performance was assessed on the basis of students' self-perceptions rather than objective indicators, such as official grade point averages or examination scores. Finally, the analysis relied on an overall perceived social support score and did not examine the unique contributions of support from family, friends, and significant others. Future research should recruit larger and more demographically and academically diverse probability-based samples from different regions of Vietnam, employ longitudinal or experimental designs, and combine self-report measures with official academic records and data obtained from multiple sources. Future studies should also examine source-specific forms of social support, including institutional support, and potential mediators and moderators, such as academic stress, resilience, gender, and institutional support.

Conclusion

Perceived social support was moderately and positively associated with academic performance among university students in Vietnam. Key findings indicate that support from family, friends, and lecturers reduces psychological stress, increases learning motivation, and enhances academic performance, especially for specific and short-term learning goals and tasks. Family-related support items received the highest descriptive ratings, underscoring the salience of family relationships in this sample. Notably, family is identified as a crucial source of social support within the Vietnamese cultural context, playing an important role in promoting reassurance and emotional support for students. The regression model explained approximately 21 % of the variance in academic performance. The data were cross-sectional, this result should be interpreted as an association rather than a causal effect.

Universities may consider strengthening mentoring, peer-support, psychological-service, and family-engagement initiatives. Future studies should evaluate these strategies directly and examine whether the observed association generalizes across regions, academic years, and demographic groups in Vietnam.

Based on these findings, the authors recommend that universities develop mentoring programs, psychological support services, and learning communities to enhance social support while encouraging parents to support their children in their studies. Additionally, it is necessary to develop comprehensive policies to reduce academic pressure, provide financial assistance, and promote connectedness within the academic environment. To broaden the understanding of the relationship between social support and academic performance, future research should expand the scope of research participants across different regions in Vietnam while analyzing mediating or moderating factors (e.g., gender, personality, or institutional support policies) to provide a comprehensive view and optimize solutions for enhancing students' academic performance within the Vietnamese cultural context.

References

Achdiyah H.N., Latipun L., Yuniardi M.S. (2023). The influence of social support on academic performance: The mediating role of cognitive engagement. *Scientific Journal of Applied Psychology*, 11(2): 85—90. DOI: 10.22219/jipt.v11i2.22651.

Amin S.M., Ibrahim N.F., Nazuri N.S., Suhaimi S.S.A. (2024). The relationship between social supports on mental health among university students in Klang Valley. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 14(8): 2520—2535. DOI: 10.6007/IJARBSS/v14-i8/22301.

Anjani R.P., Marsofiyati M., Utari E.D. (2024). The influence of self-adjustment and social support on the learning motivation of students of the Faculty of Economics who live away from home. *Concept: Journal of Social Humanities and Education*, 3(4): 55—76. DOI: 10.55606/concept.v3i4.1551.

Birchmeier C., Grattan E., Hornbacher S., McGregory C. (2015). Academic performance questionnaire. URL: https://www.academia.edu/57347883/_PDF_Academic_Performance_ Question naire (accessed: 01.02.2025).

Bronfenbrenner U. (1986). Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives. *Developmental Psychology*, 22(6): 723—742. DOI: 10.1037/0012-1649.22.6.723.

Castleman B.L., Long B.T. (2016). Looking beyond enrollment: The causal effect of need-based grants on college access, persistence, and graduation. *Journal of Labor Economics*, 34(4): 1023—1073.

DeBerard M.S., Spielmans G.I., Julka D.L. (2004). Predictors of academic achievement and retention among college freshmen: A longitudinal study. *College Student Journal*, 38(1): 66—81.

Fathi L., Bakhtiarpour S., Mahdad A. (2024). The association between parental academic support and students' academic well-being: The mediating role of academic resilience. *Educational Research in Medical Sciences*, 13(1). DOI: 10.5812/ermsj-149401.

Hefner J., Eisenberg D. (2009). Social support and mental health among college students. *American Journal of Orthopsychiatry*, 79(4): 491—499. DOI: 10.1037/a0016918.

Hoferichter F., Lohilahti J., Hufenbach M., Grabe H.J., Hageman G., Raufelder D. (2024). Support from parents, teachers, and peers and the moderation of subjective and objective stress of secondary school students. *Scientific Reports*, 14(1): 1161. DOI: 10.1038/s41598-024-51802-4. https://doi.org/10.1038/s41598-024-51802-4.

Holahan C.J., Valentiner D.P., Moos R.H. (1995). Parental support, coping strategies, and psychological adjustment: An integrative model with late adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 24(6): 633—648. DOI: 10.1007/bf01536948.

Ho T.T.Q., Li C., Gu C. (2020). Cyberbullying victimization and depressivesymptoms in Vietnamese university students: Examining social support as amediator. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 63: 100422. DOI: 10.1016/j.ijlcj.2020.100422.

Kondakci Y., Beycioglu K., Oldac Y.İ., Senay H.H. (2018). Governmental supports for students in Turkey: Beneficiary perspective on the use of financial and social support in higher Education. In M. Shah & J. McKay (Eds.), *Achieving equity and Quality in Higher Education: Global Perspectives in an Era of Widening Participation*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, pp. 327—348. DOI: 10.1007/978-3-319-78316-1_15.

Kondratavičienė R., Ilgūnė-Martinėlienė R., Bertašienė, I. (2023). Learning experiences of social work study programme students: Tutor's and peer support. *Professional Studies: Theory and Practice*, 27(2): 37—45. DOI: 10.56131/pstp.2023.27.2.195.

Kuh G.D., Kinzie J.L., Buckley J.A., Bridges B.K., Hayek J.C. (2006). *What matters to student success: A literature review* (Vol. 8). Washington, DC: National Postsecondary Education Cooperative.

Lê T. (2023). Thúc đẩy vai trò của gia đình trong việc xây Dựng văn hóa Và con người Việt nam ngày nay [Promoting the roles of the family in building Vietnamese culture and people today]. *Scientific Journal of Tan Trao University*, 9(1). DOI: 10.51453/2354-1431/2022/864. (In Vietnamese)

Liu Y., Zhang N., Bao G., Huang Y., Ji B., Wu Y., Và Li G. (2019). Dự đoán các triệu chứng trầm cảm ở học sinh: đánh giá có hệ thống và phân tích tổng hợp các nghiên cứu thuần tập [Predictors of depressive symptoms in college students: A systematic review and meta-analysis of cohort studies]. *Tạp Chí Rối Loạn Tình cảm* [*Journal of Affective Disorders*], 244: 196—208. DOI: 10.1016/j.jad.2018.10.084. (In Vietnamese)

Luetzelberger T. (2014). Independence or interdependence: Norms of leaving home in Italy and Germany. *European Societies*, 16(1): 28—47. DOI: 10.1080/14616696.2012.717634

Mulyadi P., Saraswati K.D. (2020). Social support and students' academic engagement. In: *The 2nd Tarumanagara International Conference on the Applications of Social Sciences and Humanities (TICASH 2020)*. Amsterdam, Netherlands: Atlantis Press, pp. 443—450. DOI: 10.2991/assehr.k.201209.068.

Murafa S.V., Hoang Trung Hoc (2023). How COVID-19 affected the mental health of primary school students in Vietnam. In: Anna A. Arinushkina, Alexander V. Morozov, & Irena V. Robert (Eds.), *Contemporary Challenges in Education: Digitalization, Methodology, and Management.* Hershey, PA: IGI Global, pp. 107—125.

Murafa S.V., Hoang T.H., Chu T.P. (2022). Kiberzapugivanie v'etnamskih shkol'nikov vo vremya social'nogo distancirovaniya v period COVID-19. [Cyberbullying of Vietnamese high schoolers during social distancing due to COVID-19]. *Integration of Education*, 26(3): 518—538. DOI: 10.15507/1991—9468.108.026.202203.518-538.

Oswald H., Suss K.U. (1994). The influence of parents and peers on misconduct at school: Simultaneous and synergistic effects. In R. K. Sibereisen & E. Todt (Eds), *Adolescence in Context: The Interplay of Family, School, Peers, and Work in Adjustment*. New York, NY: Springer-Verlag Inc.

Rayle A.D., Chung K.Y. (2007). Revisiting first-year college students' mattering: Social support, academic stress, and the mattering experience. *Journal of College Student Retention: Research, Theory & Practice*, 9(1): 21—37. DOI: 10.2190/X126-5606-4G36-8132.

Salter D., Neelakandan A., Wuthrich V.M. (2024). Anxiety and teacher-student relationships in secondary school: A systematic literature review. *Child Psychiatry & Human Development*: 1—19. DOI: 10.1007/s10578-024-01665-7.

Tín L.T. (2023). Nghiện truyền thông xã hội, động lực học tập và thành tích học tập của sinh viên Tại Đại Học Văn Lang [Social media addiction, learning motivation, and students' academic performance at Van Lang University]. Bachelor's thesis, Van Lang University. Van Lang University Library. (In Vietnamese)

Trà Đ.T., Cường Đ.D. (2024). Tình hình hỗ trợ xã hội hiện nay giữa những người SỐNG CHUNG VỚI HIV/AIDS được ĐIỀU trị ARV Tại Bệnh viện Bạch Mai [The current situation of social support among people living with HIV/AIDS receiving ARV treatment at Bach Mai Hospital]. *Vietnamese Medical Journal*, 537(1B). DOI: 10.51298/vmj.v537i1B.9126. (In Vietnamese)

Tung T.H., Thuy T.P., Anh Q.B. (2024). Ảnh hưởng của hỗ trợ gia đình và xã hội đến khả năng làm việc của người khuyết tật Tại Thành phố Hà nội [Influences of family and social support on the ability to work of people with disabilities in Hanoi City]. *International Journal of Religion*, 5(11): 8559—8575. DOI: 10.61707/prvmpx85. (In Vietnamese). https://doi.org/10.61707/prvmpx85

Wang J., Mann F., Lloyd-Evans B., Ma R., Johnson S. (2018). Associations between loneliness and perceived social support and outcomes of mental health problems: a systematic review. *BMC Psychiatry*, 18: 1—16. DOI: 10.1186/s12888-018-1736-5.

Wen X., Li Z. (2022). Impact of social support ecosystem on academic performance of children from low-income families: A moderated mediation model. *Frontiers in Psychology*, 13: 710441. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.710441.

Wilcox P., Winn S., Fyvie-Gauld M. (2005). 'It was nothing to do with the university, it was just the people': The role of social support in the first-year experience of higher education. *Studies in higher education*, 30(6): 707—722. DOI: 10.1080/03075070500340036.

World Medical Association (1964). *Declaration of Helsinki: Ethical principles for medical research involving human subjects*. Adopted by the 18th WMA General Assembly, Helsinki, Finland.

York T.T., Gibson C., Rankin S. (2015). Defining and measuring academic success. *Practical Assessment, Research, and Evaluation*, 20(1): 5. DOI: 10.7275/hz5x-tx03. https://doi.org/10.7275/hz5x-tx03.

Zimet G.D., Dahlem N.W., Zimet S.G., Farley G.K. (1988). The multidimensional scale of perceived social support. *Journal of Personality Assessment*, 52(1): 30—41. DOI: 10.1207/s15327752jpa5201_2.

Дата поступления статьи: 17.03.2025
Дата поступления в переработанном виде: 07.09.2026
Принята к печати: 14.09.2026

Received: March 17, 2025
Received in revised form: September 07, 2026
Accepted: September 14, 2026

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ

DOI: 10.54631/VS.2026.103-696319

В.В. Василенко, Као Тхи Ван Зием

У истоков зарождения вьетнамского балета. Вклад Я.Е. Брунак в становление вьетнамской хореографической школы

Аннотация. Статья посвящена истории советско-вьетнамского сотрудничества в сфере профессионального хореографического образования в 50—60-х гг. XX в. В частности, рассматриваются участие и личный вклад в становление вьетнамской хореографической школы Янины Евгеньевны Брунак — первого балетного педагога, приехавшего из СССР. Я.Е. Брунак привнесла основы советской интегрированной модели профессионального хореографического образования и помогла их адаптировать к местным условиям; передала вьетнамским коллегам основы русской школы балета, методики обучения европейскому классическому танцу; создала экспериментальную студию балета и воспитала первое поколение профессиональных артистов, составивших костяк национальной балетной труппы. Велика ее роль и в популяризации достижений советского балета во вьетнамском обществе: она познакомила местную публику с лучшими произведениями советского балетного искусства, неоднократно выступала с культурно-просветительными лекциями. Я.Е. Брунак заложила основы балетного репертуара для национального театра, наметила путь самоопределения вьетнамского балета и обозначила возможные перспективы его развития. В статье впервые использованы новые источники: переписка с Ю.А. Бахрушиным из фондов ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, фотодокументы из семейного архива Караченцовых и др. Выявленные на их основе факты служат доказательством того, что профессионализация вьетнамского танцевального искусства и становление вьетнамской школы балета напрямую связаны с деятельностью Я.Е. Брунак.

Ключевые слова: советско-вьетнамское сотрудничество, советский балет, профессиональное хореографическое образование, Я.Е. Брунак, классический танец, экспериментальная студия балета, вьетнамская хореографическая школа, вьетнамский национальный балет.

Авторы: Василенко Виктория Валерьевна, доктор ист. наук, доцент, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет, Высшая школа креативных индустрий, г. Ставрополь. ORCID: 0009-0007-8931-3650.
E-mail: vasilvika@yandex.ru
Као Тхи Ван Зием, преподаватель, Вьетнамская академии танца, г. Ханой, Вьетнам. ORCID: 0000-0001-8643-2151. E-mail: vandiemcao271991@gmail.com

Для цитирования: *Василенко В.В., Као Тхи Ван Зием*. У истоков зарождения вьетнамского балета. Вклад Я.Е. Брунак в становление вьетнамской хореографической школы // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 65—79.

V.V. Vasilenko, Cao Thi Van Diem

At the Origins of the Birth of Vietnamese Ballet. Ya. Brunak's Contribution to the Formation of the Vietnamese Choreographic School

Abstract. The article is devoted to the history of Soviet-Vietnamese cooperation in the field of professional choreographic education in the 1950s—1960s. In particular, the participation and personal contribution of Yanina E. Brunak — the first ballet teacher who came from the USSR — to the formation of the Vietnamese choreographic school are examined. Ya.E. Brunak introduced the foundations of the Soviet integrated model of professional choreographic education and helped adapt them to Vietnamese conditions; passed on to Vietnamese colleagues the basics of the Russian ballet school and the methods of teaching European classical dance; established an experimental ballet studio and brought up the first generation of professional performing artists who formed the backbone of the national ballet troupe. Her role in popularizing the achievements of Soviet ballet in Vietnamese society is also significant: she introduced the Vietnamese public to the best works of Soviet ballet art, regularly gave cultural and educational lectures. Ya.E. Brunak laid the foundations of the ballet repertoire for the national theater; outlined the path of self-determination of Vietnamese ballet and outlined possible prospects for its development. The article is the first to use new sources — correspondence with Yu.A. Bakhrushin from the collections of the Bakhrushin State Central Theatre Museum, photo documents from the Karatsentsov family archive, and others. The facts revealed on their basis serve as evidence that the professionalization of Vietnamese dance art and the formation of the Vietnamese school of ballet are directly related to the activities of. Ya.E. Brunak.

Keywords: Soviet-Vietnamese cooperation, Soviet ballet, professional choreographic education, Brunak, classical dance, experimental ballet studio, Vietnamese choreographic school, Vietnamese national ballet.

Authors: Vasilenko Victoria V., D. Sc. (History), Professor, North-Caucasus University, High School of Creative Industries, Stavropol.
ORCID: 0009-0007-8931-3650. E-mail: vasilvika@yandex.ru
Cao Thi Van Diem, lecturer, Vietnam Dance Academy, Hanoi, Vietnam.
ORCID: 0000-0001-8643-2151. E-mail: vandiemcao271991@gmail.com

For citation: Vasilenko V.V., Cao Thi Van Diem (2026). At the Origins of the Birth of Vietnamese Ballet. Ya. Brunak's Contribution to the Formation of the Vietnamese Choreographic School. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 65—79.

Введение

2026 год объявлен Годом российско-вьетнамского сотрудничества в области науки и образования. Прочный фундамент этого тесного партнерства заложен еще в 1950-е гг., когда были заключены два соглашения — об обучении граждан ДРВ в высших и средних гражданских учебных заведениях СССР (1955), о культурном и научном сотрудничестве между СССР и ДРВ (1957). Сотрудничество в профессиональном образовании развивалось наиболее продуктивно, об этом много написано и широко известно. Тем не менее такая узкая сфера, как сотрудничество в профессиональном хореографическом образовании, оказалась мало

изученной. Недооценён, на наш взгляд, и вклад советских балетных педагогов в становление вьетнамской хореографической школы и национального балета.

В России имя Янины Евгеньевны Брунак (1913—1991) известно, прежде всего, как балетмейстера-постановщика татарского национального балета *«Шурале»*[1]. Во Вьетнаме её вспоминают как «эксперта из Советского Союза по танцам», она «обучала классическому балету, сочиняла и ставила хореографические номера для национальных коллективов» [Bùi Thu Hồng 2012: 89]. В 1961 г. поставила фрагменты *«Шурале»*, с чего, собственно, и началось знакомство вьетнамцев с советским балетом. До приезда Я.Е. Брунак классического балета во Вьетнаме не существовало. Он зарождался в процессе культурного взаимодействия.

Обзор исследований. Во Вьетнаме о влиянии русской школы балета на развитие вьетнамского хореографического искусства писали Ле Нгок Кань [Le Ngoc Canh 2002; 2008;], Ле Хай Минь [Lê Hải Minh 2012] и др. В России опубликованы труды вьетнамских авторов [Хиеу Чунг Нгуен 2023; Као, Ле 2023], совместные российско-вьетнамские исследования [Вартапетова, Нгуен Тхи Тхань Ханг 2017; Василенко, Као 2024; Меньшиков и др. 2025], в которых содержится информация об открытии в 1959 г. Вьетнамской школы танца и работе в ней балетных педагогов из СССР. Трудов, посвящённых деятельности Я.Е. Брунак в ДРВ, не выявлено.

Источники информации и методы исследования. Источниковая база включает обнаруженные в архиве Гос. центр. театрального музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина письма Я.Е. Брунак Ю.А. Бахрушину; личное дело и творческий отчет Я.Е. Брунак, хранящиеся в Рос. гос. архиве литературы и искусства (РГАЛИ); книги и статьи, посвященные советско-вьетнамскому культурному сотрудничеству; воспоминания Н.П. Караченцова, сына Я.Е. Брунак [Караченцов 2017], ее учеников [Vũ Việt Cường 2020; Thái Phiên 2017], коллег [Мустаев 2012], деятелей российской культуры [Муров 1989; Мурова 2014; Бусыгин 2018;], устные свидетельства.

Из ханойского письма Я.Е. Брунак стало известно о её «большой статье для вьетнамской газеты» [Брунак — Бахрушину, 15.10.1960]. Выяснилось, что впоследствии сокращенный вариант этой статьи был опубликован в журнале «Театр» [Брунак 1961]. Источниковедческий анализ позво-

Рис. 1. Я.Е. Брунак в ДРВ.
Источник: семейный архив А.Н. Караченцова

[1] Был поставлен в 1953 г. на сцене Татарского театра оперы и балета в редакции Л.В. Якобсона.

лил выявить новые факты и прояснить детали советско-вьетнамского сотрудничества в хореографическом образовании. Исследование базируется на концепции многослойности вьетнамской культуры [Василенко, Као 2024: 81—82]. Использованы общенаучные и специальные методы (биографический, формальный и др.).

Процесс зарождения вьетнамского балета

Балет в современной культуре Вьетнама занимает видное место. Об этом свидетельствуют премьеры вьетнамских версий балетов классического наследия *«Щелкунчик»* (2018 г.), *«Лебединое озеро»* (2019 г.), *«Жизель»* (2023 г.), *«Дон Кихот»* (2025 г.), национальных балетов *«Киеу»* (2020 г.) и *«Донгхо»* (2023 г.), современных — *«Скульптор»* (2019 г.), *«Сензэн»* (2023 г.), *«Четыре сезона»* (2024 г.), *«Слава Южного Вьетнама»* (2024 г.). Процесс зарождения вьетнамского балета растянулся во времени. На первом этапе закладывались основы вьетнамской хореографической школы. С 1959 г. по советской системе начали готовить профессиональных артистов балета для национального театра. Прерванный из-за войны 1964—1973 гг. процесс возобновился в 1980 г. Второй этап носил восстановительный характер, с ним связан выход советско-вьетнамских версий сокращенных балетов «*Спартак»* (1982 г.), *«Жизель»* (1983 г.), *«Лебединое озеро»* (1985 г.)[1]. С 1990-х гг. началось активное освоение западноевропейских традиций[2]. Современный этап ознаменован знаковыми премьерами вьетнамских версий многоактных балетов «*Щелкунчик» (*2018 г.), *«Лебединое озеро»* (2019 г.), национального балета «*Киеу»* (2020 г.).

«Мягкая сила» советского балета

ДРВ являлась важнейшим идеологическим и стратегическим союзником СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Межгосударственное сотрудничество выстраивалось на идейно-политической основе, противостоянии агрессии США и общих представлениях о будущих перспективах развития. Не имея таких глубоких культурно-цивилизационных связей с Вьетнамом, как Китай, СССР налаживал культурную дипломатию, используя инструменты «мягкой силы». В отличие от пропаганды, допускающей манипуляцию сознанием людей, «мягкая сила» учитывала национальные интересы государства-партнёра, способствовала взаимному обогащению культур [Лебедева 2017: 215]. Во вьетнамском обществе сосуществовало несколько типов культуры: аутентичная традиционная культура; китайско-конфуцианская (феодальная) культура; привнесённая французами западная (буржуазная) культура и отстраиваемая на основе марксизма-ленинизма (его «вьетнамизированной версии») социалистическая культура. Поскольку развитие хореографического искусства затрагивало все культурные слои, отвечало

[1] Их создавал и исполнял главные партии народный артист Молдавской ССР М.И. Кафтанат (1946—2014). В 1985 г. ему присвоено звание Герой Вьетнама.

[2] Французско-вьетнамские версии балетов «Ромео и Джульетта», «Щелкунчик» и др.

насущным задачам времени, оно стало одним из важных направлений долгосрочного сотрудничества.

Советский балет, достигший в годы хрущевской оттепели своего расцвета, стал «...эстетическим и идеологическим полпредом советского общества» [Сапанжа 2020: 64]. Новый этап его развития Ю.А. Бахрушин охарактеризовала так: «Советский балет справедливо считается лучшим в мире. Общепризнанно, что наши артисты не имеют себе равных <...> Методика хореографического образования в наших училищах привлекает большое внимание иностранных педагогов и широко заимствуется ими» [Бахрушин 1965: 32]. В СССР сложилась уникальная система профессиональной подготовки артистов балета, балетных педагогов, балетмейстеров, которые в совершенстве овладевали основами профессионального мастерства и получали необходимую идеологическую подготовку. Выдающихся деятелей направляли в зарубежные командировки: в Пекинскую хореографическую школу О.А. Ильину и П.А. Гусева, в Монгольскую школу искусств (Улан-Батор) И.П. Кузнецову и В.Я. Романовского, в Балетную школу имени П.И. Чайковского (Токио) С.М. Мессерер и А.С. Варламова, во Вьетнамскую школу танца Я.Е. Брунак и Х.Ф. Мустаева.

Вьетнамская школа танца

В 1959 г. в Ханое восстановили построенное еще французами здание оперного театра, и в нём был открыт Национальный театр оперы и балета. Постановлением правительства ДРВ от 21 сентября 1959 г. в целях подготовки профессиональных кадров для национального театра учредили Вьетнамскую школу танца[1]. Её возглавил Хоанг Чау, прошедший обучение в Китае. В 1953 г. в Пекинской хореографической школе обучались первые педагоги Хонг Диеп, Хоанг Ли, Хоанг Куи и др. Там они начали осваивать азы европейского классического танца у педагога из Московского хореографического училища при ГАБТ СССР О.А. Ильиной. Затем продолжили обучение: Хоанг Куи в Ереванском хореографическом училище, Куок Кыонг и Тхань Тхуи в знаменитом Вагановском училище в Ленинграде. В 1962 г. в Ханое при поддержке советского правительства было построено новое здание хореографической школы со специально оборудованными классами.

Служебная командировка Я.Е. Брунак в Ханой

В 1955 г. СССР обязался оказывать помощь в «...организации подготовки специалистов в учебных заведениях Вьетнама» [Советский Союз — Вьетнам 1982: 14—17]. В марте 1959 г. Министерство культуры СССР направило во Вьетнамскую школу танца педагога-балетмейстера Я.Е. Брунак, имевшую успешный опыт работы за рубежом. В 1954—1958 гг. она руководила балетной труппой Монгольского музыкально-драматического театра, где поставила балеты, вошед-

[1] Вьетнамское хореографическое училище. С 2001 г. — Вьетнамский колледж танца, с 2019 г. — Вьетнамская академия танца.

шее в репертуар [Караченцов 2017]. Её постановка *«Шурале»* 1958 г. в Монголии вызвала большое одобрение со стороны правительства [Брунак — Бахрушину, 12.12.1958].

Во вьетнамской школе с марта по октябрь 1959 г. шла активная подготовительная работа. Я.Е. Брунак лично проводила первичный профессиональный отбор, «...ездила по селам, отбирала для учебы мальчишек и девчонок» [Караченцов 2017; Брунак — Бахрушину, 15.10.1960]. Одновременно педагог проводила культурно-просветительную работу, выступала с лекциями о балете перед кадровыми работниками управления культуры [Брунак — Бахрушину, 25.10.1960]. Трудности были связаны с тяжело протекающей акклиматизацией. В период весенних дождей было «...совсем плохо. И холодно, и сыро» [Брунак — Бахрушину, 25.01.1962]. Потом наступала «...невыносимая жара до +35, +38» с высокой влажностью, когда «...дышать просто нечем» [Брунак — Бахрушину, 12.06.1964]. Ухудшение своего состояния здоровья в последствии Я.Е. Брунак связывала с длительным нахождением во Вьетнаме [Брунак — Бахрушину, 23.11.1965]. Вместе с тем, по мнению А.Я. Вагановой, жаркий и влажный климат способствовал быстрому достижению поставленных целей. В жарком климате «не приходится терять время на то, чтобы “разогреть” ноги, они уже “разогреты” перед началом урока, более восприимчивы и приобретают больше пользы от всякого усилия — можно сразу же приступить к более трудной работе, которая очень благотворно отзовется на развитии связок, на гибкости суставов» [Ваганова 2000: 17].

В 1962/1963 уч. г. вместе с Я.Е. Брунак в школе работал Х.Ф. Мустаев, помогал подготовить по ускоренной программе педагогов классического танца и соз-

Рис. 2. Я.Е. Брунак с коллегами и учениками.
Источник: семейный архив А. Н. Караченцова

дать народно-сценический танец. В 1963 г. Хо Ши Мину был показан одноактный балет «*Класс-концерт*», исполненный учениками Мустаева [Мустаев 2012: 216—217]. Ву Вьет Кыонг вспоминает, что «...учителя из Советского Союза — Я. Брунак и Х. Мустаев» сразу же заинтересовали его европейским классическим танцем [NSND Vũ Việt Cường 2020]. Педагоги отмечали большое усердие и выносливость учеников, их беспрекословное подчинение учителю, огромное чувство коллективизма. С коллегами и учениками у Я.Е. Брунак сложились теплые дружеские отношения, которые они поддерживали и впоследствии. Н.П. Караченцов вспоминал, как спустя время, приехав в Москву, «...толпа молодых артистов со слезами и с криками «мама» кинулись к ...маме» [Караченцов 2017].

Рис. 3. Я.Е. Брунак с коллегами и учениками.
Источник: семейный архив А. Н. Караченцова

К лету 1962 г. срок командировки закончился. Руководство экспериментальной студией Я.Е. Брунак передала своему ученику Ву Вьет Кыонгу. В благодарность на память о Вьетнаме Хо Ши Мин преподнёс ей мартышку макаку-резус, с которой она и вернулась в Москву. По воспоминаниям Н.П. Караченцова, спустя время «...вьетнамцы стали просить, чтобы маму опять к ним прислали, объясняя, что она должна довести до выпуска единственный курс молодого балетного училища» [Караченцов 2017: 20]. Осенью 1963 г. она вернулась в Ханой и до конца июля 1964 г. работу в школе совмещала с деятельностью балетмейстера-репетитора в национальном театре [Брунак — Бахрушину, 28.10.1963]. Летом 1964 г. Я.Е. Брунак выехала в отпуск на родину, планируя вернуться осенью [Брунак — Бахрушину, 12.06.1964], но в августе 1964 г. США развязали агрессивную войну против Северного Вьетнама.

Экспериментальная студия балета

В 1959 г. Я.Е. Брунак организовала при школе экспериментальную студию балета, воплотив в жизнь фундаментальный принцип советской балетной педагогики — обучение классическому танцу в неразрывной связи со сценической практикой. Планировалось, что со временем студия трансформируется в учебный театр и подготовит в нём «...национальный и европейский балетный репертуар для будущего государственного театра» [Брунак 1961]. В экспериментальную группу она отобрала самых способных из самодеятельных артистов, выступающих в государственных ансамблях [Lê Ngọc Canh 2008: 378]. При этом учитывалось наличие необходимого комплекса характеристик: внешние физические данные, психологические качества, музыкально-актерские способности. В 1962—1963 гг. лучших учеников балетного отделения зачислили в штат [Брунак — Бахрушину, 25.01.1962].

Руководство экспериментальной студией требовало большого профессионализма и искренней преданности делу. В одном лице приходилось совмещать обязанности сочинителя, хореографа, репетитора и др. Работала Я.Е. Брунак с полной отдачей, «с утра до ночи... только работой и жила» [Брунак — Бахрушину, 25.10.1960]. Со всей ответственностью подходила к выбору постановочного материала, предпочтение отдавала советским классическим произведениям идейной направленности, каждую композицию старалась довести до высокого художественного уровня. Из-за дефицита нот и недостаточной танцевальной техники учащихся возникали трудности. За помощью она обращалась к Ю.А. Бахрушину, благодарила за полученные из Москвы материалы [Брунак — Бахрушину, 18.02.1964].

Первые весомые результаты правительству ДРВ представили в 1961 г. В программе концерта «советские и вьетнамские номера. В 1-м отделении «*Танец суворовцев», «Большой классический вальс»* (из балета *«Спящая красавица»)*. Во 2-м в исполнении педагогов школы Хонг Линь и Доан Лонга 2-й акт и финал *«Шурале»* [Брунак — Бахрушину, 16.03.1961]. Фото дуэта вместе со статьей Я.Е. Брунак опубликовали в СССР [Брунак 1961]. Образ девушки-птицы был хорошо знаком и понятен вьетнамцам. В традиционной культуре птица символизирует вечный круговорот жизни, долголетие, плодородие, изобилие и всеобщую радость. После обретения независимости этот образ олицетворял идею свободы и начала новой справедливой жизни. О первом концерте балетмейстер писала: «...Премьера прошла хорошо... т. Фам Ван Донг вручил мне цветы и поблагодарил» [Брунак — Бахрушину, 16.03.1961].

Со временем концерты студии стали заметным явлением культурной жизни. К «самому большому вьетнамскому празднику — Новому году по лунному календарю» готовили отрывки из балета *«Щелкунчик»* [Брунак — Бахрушину, 25.01.1962]; ко Дню независимости — народные танцы в классически-сценическом решении и актуальной интерпретации. На концерты в советское посольство приглашали послов дружественных государств.

В 1963/1964 уч. г. требования к уровню профессиональной подготовки учащихся возросли [Брунак — Бахрушину, 12.06.1964]. Программа отчётного кон-

церта 1964 г. получилась намного сложнее и интересней. В 1-м отделении *«Танец маленьких лебедей», «Испанский танец»* (из балета *«Лебединое озеро»), «Танец пастушков»* (*«Щелкунчик»)*, *«Большой вальс Глиера»* (*«Медный всадник»)*; во 2-м — национальные танцы «...народностей Вьетнама, танцы китайские, камбоджийские, уйгурские, индуистские» [Брунак — Бахрушину, 18.02.1964]. *Польский и венгерский танцы, «Цыганочку»* готовили к выпускному экзамену [Брунак — Бахрушину, 12.06.1964]. С этими номерами коллектив экспериментальной студии, его к тому времени Я.Е. Брунак позиционировала, как «первых артистов классического балета Вьетнама», гастролировал по стране [Брунак — Бахрушину, 28.10.1963; 18.02.1964].

«Танцы народностей Вьетнама — неисчерпаемый родник для создания национального балета...»

Важной стороной научно-образовательного сотрудничества стал обмен материалами, опубликованными в периодических изданиях двух стран [Советский Союз — Вьетнам 1982: 27].

Вьетнамская статья Я.Е. Брунак под заголовком «Рождение прекрасного» вышла на русском языке в ноябре 1961 г. в журнале «Театр» [Брунак 1961]. Журнал пользовался авторитетом среди профессионалов, печатали в нём преимущественно статьи-исследования. Находясь в ДРВ, Я.Е. Брунак, совершала рабочие поездки по стране. Попадая в аутентичную культурную среду, она наблюдала за традиционным укладом жизни, подмечала особенности народной пластики, эмоциональное состояние людей. Использовала богатый эмпирический материал при создании хореографических композиций и для написания упомянутой статьи. В статье поднималась интересующая обе стороны проблема, сообщалось, что в ДРВ «...намечено создать профессиональный балетный театр». В этой связи проводился анализ необходимых для его возникновения предпосылок. Заключались они в богатстве народного танцевального творчества и сохраняющейся традиции сценического танца театра *туонг* (*Tuồng)*, возникшего, не без китайско-конфуцианского влияния. Обосновывался принцип народности — основополагающий принцип большого стиля в хореографическом искусстве. Придерживаясь социальной теории происхождения танца, особенности танцевальной лексики Я.Е. Брунак объясняла естественной пластикой тела в повседневной трудовой деятельности. Преобладание танцевальных движений рук в женских танцах связывала с традиционным возделыванием риса. Описывала, как «...женщины, стоя глубоко в воде, старательно, по стебельку, сажают рис. Другие, легко, словно играя, черпают воду для поливки». О поклонении духу риса автор не упоминает, как и о сакрализации женского начала в аграрном культе, о магической силе женских рук, способствующих вознесению молитвы. Объясняется это тем, что в официально принятой научной методологии полностью исключалось религиозное сознание, научный атеизм был обязательной его частью. Поэтому очевидная с точки зрения современных подходов символизация изначально утилитарных предметов (веер, лампа, кувшин, бамбуковый шест и др.), используемых как танцевальные

аксессуары, Я.Е. Брунак не рассматривалась. Она лишь отмечала, что предметы повседневного обихода — коническая шляпа или веер помогают «...разнообразить танцевальные движения». Основное внимание сконцентрировано вокруг взаимообусловленности народного танца национальным характером и народным костюмом. Подчеркивается скромность и сдержанность вьетнамских женщин, их нежные и деликатные движения, «чуть печальный лиризм» народных танцев. Например, девушка кинь: «...в длинных по щиколотку штанах и платье с глубокими разрезами, красиво подчёркивающем её хрупкую фигурку, восхищает плавностью движений, пластичностью рук и гибкостью корпуса». Или «...девушка народности тай-нгуен кажется высокой и стройной в своем длинном узком платье и необычно повязанном платке, красиво оттеняющем её смуглое лицо <...> Мягкость рук подчеркивают узкие ленты, спускающиеся с плеч до самого пола». Мужские танцы складывались под влиянием неблагоприятных исторических условий, они «...то спокойные и мягкие, то темпераментные, полные стремительности и силы» [Брунак 1961].

Как непосредственный участник и вдохновитель развернувшегося эксперимента, заинтересованный в результатах своей деятельности профессионал, Я.Е. Брунак констатировала: «...Различные ансамбли создают танцевально-пантомимические спектакли, основанные на фольклорном материале, эти спектакли кладут начало развитию вьетнамского балетного искусства». В размышлениях о дальнейшем пути самоопределения зарождающегося вьетнамского балета рекомендовала коллегам задуматься над выбором достойных сюжетов для будущих постановок, обратиться к фольклору, эпосу. «Я не знаю, что это будет. Может быть, «Легенда об Озере Возвращенного меча» или «Расцветающий лотос», а может быть героический спектакль, описывающий смелость и мудрость сестёр Чин Чак и Чин Ны. Но я не сомневаюсь, что эти балеты будут прекрасны, как прекрасны народные танцы Вьетнама», — заключала Я.Е. Брунак [там же].

Рождение вьетнамского национального балета состоялось в 2020 г. Оно связано с эпической поэмой «Киеу» Нгуен Зу. В духовной культуре вьетнамцев она занимает особое место, цитаты из произведения «...давно стали крылатыми выражениями» [Соколов 2015: 194]. Авторы спектакля *«Киеу»* композиторы Ву Вьет Ань и Тинь Ба Нгуен, хореограф-постановщик Нгуен Тхи Тует достигли высокого художественного уровня, синтезировав мировые достижения классического балета с квинтэссенцией традиционного вьетнамского искусства [Кхань Нгок 2024].

Заключение

Советско-вьетнамское сотрудничество в хореографическом искусстве отвечало взаимным интересам государств-партнёров, оно носило характер диалога культур, планировалось на долгосрочную перспективу. Начальный ознакомительный этап напрямую связан с деятельностью Я.Е. Брунак. Она работала во Вьетнамской школе танца и Национальном театре оперы и балета. Проведенное исследование показало, что Я.Е. Брунак явилась первым балетным педагогом,

приехавшим из СССР и оказавшим всестороннюю практическую помощь вьетнамским коллегам. Она внесла неоценимый вклад в создание вьетнамской школы балета, а именно:

• внедрила советскую интегрированную модель профессионального хореографического образования, помогла её адаптировать к вьетнамским условиям, заложила первоначальные основы балетной педагогики;

• создала экспериментальную студию балета, где воспитала первое поколение профессиональных артистов балета, составивших костяк национальной балетной труппы;

• на вьетнамской сцене впервые поставила фрагменты лучших советских балетов, заложила основы балетного репертуара для Национального театра оперы и балета;

• популяризировала во вьетнамском обществе советское балетное искусство, выступала с культурно-просветительными лекциями;

• написала первую исследовательскую работу, в которой проанализировала историю зарождения вьетнамского балета, наметила дальнейшие ориентиры для его самоопределения и спрогнозировала возможные перспективы развития.

И если родоначальниками китайской национальный школы балета принято считать О.А. Ильину и П.А. Гусева, то во Вьетнаме, как показало исследование, эту миссию блистательно выполнила Я.Е. Брунак.

Список литературы

Бахрушин Ю.А. История русского балета. М.: Советская Россия, 1965. 249 с. (Труды Моск. академ. хореограф. училища). URL: https://krispen.ru/knigi/bahrushin_yu_01.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

[Брунак — Бахрушину]. Письма Брунак (Косаревой) Янины Евгеньевны Юрию Алексеевичу Бахрушину. 1958—1965. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина.

[Брунак — Бахрушину. О работе в музыкально-драматическом театре Улан-Батора, отъезде из Монголии]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *12.12.1958.* URL: https://archivogram.top/27768184 (дата обращения: 20.01.2026).

[Брунак — Бахрушину. О работе в музыкальном театре Ханоя]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *15.06.1960.* URL: https://archivogram.top/27770366 (дата обращения: 20.01.2026).

[Брунак — Бахрушину. О работе в музыкальном театре Ханоя]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *15.10.1960.* URL: https://archivogram.top/27768180 (дата обращения: 20.01.2026).

[Брунак — Бахрушину. О работе в музыкальном театре Ханоя]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *25.10.1960.* URL: https://archivogram.top/27768177 (дата обращения: 17.01.2025).

[Брунак — Бахрушину. О работе в хореографическом училище и театре Ханоя]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *16.03.1961.* URL: https://archivogram.top/27770399 (дата обращения: 20.01.2026).

[Брунак — Бахрушину. О приезде в Ханой]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *25.01.1962*. URL: https://archivogram.top/27770408 (дата обращения: 17.01.2025).

[Брунак — Бахрушину. О работе в хореографическом училище и театре Ханоя]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *28.10.1963*. URL: https://archivogram.top/27770418 (дата обращения: 20.01.2026).

[Брунак — Бахрушину. О работе в хореографическом училище и театре Ханоя]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *18.02.1964*. URL: https://archivogram.top/27770392 (дата обращения: 20.01.2026).

[Брунак — Бахрушину. О работе в музыкальном театре Ханоя]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *12.06.1964*. URL: https://archivogram.top/gal/277/681/ (дата обращения: 20.01.2026).

[Брунак — Бахрушину. Письмо Юрию Алексеевичу Бахрушину личного содержания]. Фонды Гос. центр. театр. музея (ГЦТМ) им. А.А. Бахрушина, *23.11.1965*. URL: https://archivogram.top/27770363 (дата обращения: 20.01.2026).

Брунак Я.Е. Рождение прекрасного // Театр. 1961. № 11. С. 190.

Бусыгин Е.П. Письма из Вьетнама / сост. А.Е. Бусыгин. М., 2018. 207 с.

Ваганова А. Я. Основы классического танца. 6-е изд. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 192 с.

Вартапетова А.А., Нгуен Тхи Тхань Ханг. Истоки становления классического танца во Вьетнаме // Научные преобразования в эпоху глобализации. Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. 2017. Ч. 2. С. 195—200.

Василенко В.В., Као Тхи В.З. Особенности развития вьетнамского хореографического искусства // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 2. С. 79—94.

Као Т., Ле Х. Вьетнамская Академия танца и ее роль в становлении системы национального хореографического образование // Культура и искусство. 2023. № 8. С. 96—111.

Караченцов Н.П. Я не ушел... М.: Эксмо, 2017. 480 с.

Кхань Нгок. «Сказка о Киеу» возвращается на балетную сцену // Vietnam.vn 22.03.2024. URL: https://www.vietnam.vn/ru/truyen-kieu-tro-lai-san-khau-ballet (дата обращения: 20.01.2026).

Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятия и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 212—223.

Меньшиков Л.А., Василенко В.В., Као Т.В.З. Письма Я.Е. Брунак Ю.А. Бахрушину как источник по истории становления классического балета во Вьетнаме // Обсерватория культуры. 2025. № 22 (2). С. 182—193.

Муров А. Заколдованный круг (Публицистические очерки). Новосибирск, 1989. 103 с.

Мурова А.Ф. Ландшафты жизни и творчества Аскольда Фёдоровича Мурова // Вестник Новосибирского музыкального колледжа им. А.Ф. Мурова. 2014. № 7. С. 5—9.

Мустаев Х.Ф. Далекое и близкое: автобиографический альбом воспоминаний. Уфа: Полипак, 2012. 720 с.

Нгуен Х.Ч. Классический танец во Вьетнаме: истоки и первые шаги / VI Всерос. науч.-практ. конф. «Актуальные вопросы развития искусства балета и хореографического образования». Москва, 24 октября 2022 г. Сб. материалов. М.: МГАХ, 2023. С. 88—92.

РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 13. Д. 580. Творческий отчет Брунак о работе в Монгольском музыкально-драматическом театре.

РГАЛИ. Ф. 3178. Оп. 2. Д. 322. Личные дела творческого состава: Брунак Янина Евгеньевна. 1913 г. р.

Сапанжа О.С. Первые гастроли балетной труппы Большого театра СССР в Японии (1957) По воспоминаниям Ольги Лепешинской // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2020. № 2 (67). С. 62—73.

Советский Союз — Вьетнам: 30 лет отношений, 1950—1980. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1982. 655 с.

Соколов А.А. «Поэма о Киеу» Нгуен Зу и вьетнамский кинематограф // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 27. С. 193—199.

Bùi Thu Hồng. Tính dân tộc trong tác phẩm múa của NSND Thái Ly [Национальная идентичность в танцевальных произведениях народной артистки Тай Ли]. Hà Nội: NXB Văn Học, 2012. 89 tr. (На вьет. яз.)

Lê Hải Minh. Thấy gì qua 1 số chương trình đạo tạo múa cổ điển châu âu? // Tuyển tập những bài viết về nghệ thuật múa Việt Nam [Чему мы можем научиться у некоторых европейских программ обучения классическому танцу? // Подборка статей о вьетнамском танцевальном искусстве]. Hà Nội: NXB Văn hóa Dân tộc, 2012. P. 394—397 (На вьет. яз.)

Lê Ngọc Canh. Đại cương nghệ thuật múa [Основы танцевального искусства]. Hà Nội: NXB Văn hóa thông tin, 2002. 470 tr. (На вьет. яз.)

Lê Ngọc Canh. Lịch sử nghệ thuật múa Việt Nam [История вьетнамского танцевального искусства]. Hà Nội: NXB Sân khấu, 2008. 695 tr. (На вьет. яз.)

Thái Phiên. Tiếp thu tinh hoa văn hóa múa thế giới [Воплощение лучших аспектов мировой танцевальной культуры] // Người Hà Nội, 26.09.2017 URL: https://nguoihanoi.com.vn/tiep-thu-tinh-hoa-van-hoa-mua-the-gioi-32095.html (дата обращения: 20.01. 2026). (На вьет. яз.)

Vũ Việt Cường (NSND). Chân lý giản dị để hạnh phúc tràn đầy [Простые истины для полного счастья] // Múa Việt Nam, 20.03.2020. URL: https://cdmuavn.edu.vn/nsnd-vu-viet-cuong-chan-ly-gian-dide-hanh-phuc-tran-day/2020/03/20 (дата обращения: 20.01.2026). (На вьет. яз.)

References

Bakhrushin Yu.A. (1965) *History of Russian balle*t. Moscow: Sovetskaya Rossiya. URL: https://krispen.ru/knigi/bahrushin_yu_01.pdf (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

[Brunak — Bakhrushin]. *Brunak (Kosareva) Yanina Evgenievna. Letters to Yuri Alekseevich Bakhrushin*. 1958—1965. Gosudarstvennyi tsentral'nyi teatral'nyi muzei im. A.A. Bakhrushina [A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum].

12.12.1958. [Brunak — Bakhrushin. About working at music and drama theater in Ulaanbaatar, Mongolia]. URL: https://archivogram.top/27768184 (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

15.06.1960. [Brunak — Bakhrushin. About working at the Music theater in Hanoi]. URL: https://archivogram.top/27770366 (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

15.10.1960. [Brunak — Bakhrushin. About working at the Music theater in Hanoi]. Retrieved on 20.01.2026 from: https://archivogram.top/27768180 (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

25.10.1960. [Brunak — Bakhrushin. About working at the Music theater in Hanoi]. URL: https://archivogram.top/27768177 (accessed: 17.01.2025). (In Russ.)

16.03.1961. [Brunak — Bakhrushin. About working at the choreographic school and theater in Hanoi]. URL: https://archivogram.top/27770399 (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

25.01.1962. [Brunak — Bakhrushin. About coming to Hanoi]. URL: https://archivogram.top/27770408 (accessed: 17.01.2025). (In Russ.)

28.10.1963. [Brunak — Bakhrushin. About working at the choreographic school and theater in Hanoi]. URL: https://archivogram.top/27770418 (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

18.02.1964. [Brunak — Bakhrushin. About working at the choreographic school and theater in Hanoi]. URL: https://archivogram.top/27770392 (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

12.06.1964. [Brunak — Bakhrushin. About working at the Music theater in Hanoi]. URL: https://archivogram.top/gal/277/681/ (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

23.11.1965. [Brunak — Bakhrushin. A letter to Yuri Alekseyevich Bakhrushin of personal nature] URL: https://archivogram.top/27770363 (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

Brunak *Ya. E.* (1961) Rozhdenie prekrasnogo [Birth of the beautiful]. *Teatr [Theater]*. 11:190. (In Russ.)

Brunak's creative report on his work at the Mongolian Music and Drama Theater of the Mongolian Theater Russian State Archive of Literature and Art. F. 970. Op. 13. D. 580 (In Russian).

Bùi Thu Hồng (2012). *Tính dân tộc trong tác phẩm múa của NSND Thái Ly* [*National character in the dance works of People's Artist Thai Ly*]. Hanoi. Literature Publishing House, 89 p. (In Vietnamese)

Busygin E.P. (2018) *Letters from Vietnam* / comp. A.E. Busygin. Moscow. 207 p. (In Russ.)

Cao, T., Le, H. (2023). The Vietnamese Dance Academy and its role in the formation of the national choreographic education system. *Culture and Art*, 8: 96—111. (In Russ.)

Karachentsov N.P. (2017) *Ya ne ushel...* [*I Have Not Left...*]. Moscow: Eksmo Publ. 480 tr. (In Russ.)

Khanh Ngoc (2024). «Skazka o Kieu» vozvrashchaetsya na baletnuyu scenu ["The Tale of Kieu" returns to the ballet stage]. *Vietnam.vn*, March 22. URL: https://www.vietnam.vn/ru/truyen-kieu-tro-lai-san-khau-balle (accessed: 20.01.2026). (In Russ.)

Lê Hải Minh (2012). Thấy gì qua 1 số chương trình đạo tạo múa cổ điển châu âu? [What can we see through some European classical dance training programs?]. *Tuyển tập những bài viết về nghệ thuật múa Việt Nam* [*Collection of articles on Vietnamese dance art*]. Hanoi: National Culture Publishing House. P. 394—397. (In Vietnamese)

Lê Ngọc Canh (2002). Đại cương nghệ thuật múa [*Outline of dance art*]. Hanoi: Culture and Information Publishing House, 470 tr. (In Vietnamese)

Lê Ngọc Canh (2008). *Lịch sử nghệ thuật múa Việt Nam* [*History of Vietnamese dance art*]. Hanoi: Stage publishing. 695 p. (In Vietnamese)

Lebedeva M. M. (2017) "Soft power": concepts and approaches. *Bulletin of MGIMO University,* 3(54): 212—223 (In Russ.)

Menshikov L.A., Vasilenko V.V., Kao T.V.Z. (2025) Letters of Ya.E. Brunak to Yu.A. Bakhrushin as a Source on the History of the Formation of Classical Ballet in Vietnam. *Observatory of Culture*. 22(2): 182—193. (In Russ.)

Murov A. (1989) *Enchanted circle* [*Journalistic essays*]. Novosibirsk. 103 p. (In Russian).

Murova A.F. (2014) Landscapes of the life and work of Askold Fedorovich Murov. *Bulletin of the Novosibirsk Musical College named after Askold Fedorovich Murov* [*Vestnik Novosibirskogo Musicalnjgo College im. As. F. Murova*]. 7: 5—9. (In Russ.)

Mustaev H.F. (2012) *Distant and close: autobiographical album of memories*. Ufa: Polypak. 720 p. (In Russian).

RGALI. F. 970. Op. 13. D. 580. *Russian State Archive of Literature and Art*. (In Russ.)

RGALI. F. 3178. Op. 2. D. 322. *Russian State Archive of Literature and Art*. (In Russ.)

Sapanzha O.S. (2020) The first tour of the ballet troupe of the Bolshoi Theater of the USSR to Japan (1957) According to the memoirs of Olga Lepeshinskaya. *Bulletin of Vaganova Ballet Academy* [*Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A.Ya. Vaganovoi*]. 2 (67): 62—73. (In Russ.)

Sokolov A.A. (2015) “Poem about Kieu” Nguyen Zu and Vietnamese cinema. *Ugovostochnay Azia: aktualnyi problemi razvitiy* [*Southeast Asia: Actual Problems of Development*]. 27: 193—199. (In Russ.)

Sovetskiy Soyuz — Vietnam: 30 let otnosheniy, 1950—1980 [*Soviet Union — Vietnam: 30-year relationship*] (1982). Moscow: Politizdat. 655 p. (In Russ.)

Thái Phiên (2017). Tiếp thu tinh hoa văn hóa múa thế giới [Absorbing the quintessence of world dance culture]. *Tạp chí Người Hà Nội*. [*Hanoi People Magazine*]. September 26, 2017. URL: https://nguoihanoi.com.vn/tiep-thu-tinh-hoa-van-hoa-mua-the-gioi-32095.html (In Vietnamese).

Vaganova A.Ya. (2000) *Osnovy klassicheskogo tantsa* [*Fundamentals of classical dance*]. St. Petersburg: Publishing House Lan. 192 p. (In Russ.).

Vartapetova A.A., Nguyen Thi Thanh Hang (2017). The origins of the formation of classical dance in Vietnam. *Proceedings of the international scientific-practical conference “Scientific transformation in the era of globalization”*. 4(2): 195—200. (In Russ.)

Vasilenko V.V., Cao Thi Van Diem (2024). Features of the Development of Vietnamese Choreographic Art. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (2):79—94. (In Russ.)

Vũ Việt Cường (2020). Chân lý giản dị để hạnh phúc tràn đầy [Simple truth to full happiness]. *Múa Việt Nam,* April 20. URL: https://cdmuavn.edu.vn/nsnd-vu-viet-cuong-chan-ly-gian-dide-hanh-phuc-tran-day/2020/03/20 (In Vietnamese).

Дата поступления статьи: 16.11.2025
Дата поступления в переработанном виде: 14.08.2026
Принята к печати: 29.08.2026

Received: November 16, 2025
Received in revised form: August 14, 2026
Accepted: August 29, 2026

DOI: 10.54631/VS.2026.103-689201

Ю.Д. Минина

Национальный костюм вьетнамцев как инструмент культурной репрезентации: общественная дискуссия и практика в конце XX — начале XXI вв.

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия национального вьетнамского костюма как инструмента культурной репрезентации в контексте официальных государственных мероприятий, проходящих во Вьетнаме и за его пределами. Исследование фокусируется на конкретных примерах проведения протокольных визитов, встреч и форумов, а также конкурсов красоты, в рамках которых используется костюм *аозай* и другие виды и элементы национальной одежды. Сделан вывод, что, несмотря на активную общественную дискуссию, во Вьетнаме до сих пор не выработаны регламенты национальной одежды для официальных мероприятий, а использующиеся решения базируются на вестиментарных традициях страны и в то же время отражают индивидуальные взгляды организаторов и участников.

Ключевые слова: Вьетнам, культура Вьетнама, история костюма, национальный костюм.

Автор: Минина Юлия Дмитриевна, старший преподаватель, Институт классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. ORCID: 0000-0002-3737-9478.
E-mail: yminina@hse.ru

Благодарности: Автор выражает благодарность за идею статьи вьетнамоведу С.Е. Глазуновой, ст. преподавателю кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков МГИМО МИД России.

Для цитирования: *Минина Ю.Д.* Национальный костюм вьетнамцев как инструмент культурной репрезентации: общественная дискуссия и практика в конце XX — начале XXI вв. // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 80—96.

Yu. D. Minina

National Vietnamese Costume as a Tool of Cultural Representation: Public Debate and Practice in the Late 20th — Early 21st Centuries

Abstract. This paper addresses the issue perceiving the national Vietnamese costume as a tool of cultural representation in the context of official state events held in Vietnam and abroad. The study focuses on specific cases of protocol visits, meetings, forums, and beauty contests, where the ao dai and other types and elements of national clothing are worn. The study concludes that despite active public debate, Vietnam has not yet developed regulations for national clothing at official events. The solutions used are based on the country's vestimentary traditions and at the same time reflect the individual views of the organizers and participants.

Keywords: Vietnam, Vietnamese culture, history of clothing, national costume.

Author: Minina Yulia D., Senior Lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow. ORCID: 0000-0002-3737-9478. E-mail: yminina@hse.ru

Acknowledgments: The author expresses gratitude to Vietnamese scholar S.E. Glazunova, senior lecturer at the Department of Chinese, Vietnamese, Burmese, Thai, Lao and Khmer Languages at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, for the idea for this article.

For citation: Minina Yu.D. (2026). National Vietnamese Costume as a Tool of Cultural Representation: Public Debate and Practice in the Late 20th — Early 21st Centuries. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 80—96.

Введение

Национальный костюм является не только материальным воплощением исторического развития, социокультурных практик и духовных воззрений народа, но и важным инструментом репрезентации этнокультурных ценностей на международной арене. В глобализированном мире, где разные страны с разной степенью успеха ищут баланс между интеграцией в международное сообщество и сохранением собственной национальной идентичности, традиционная/народная одежда в рамках встреч и визитов на высшем уровне и общественных мероприятий служит выражением официальных нарративов государства и серьезным дипломатическим высказыванием.

В имперском Вьетнаме вопрос костюма и его регламентации рассматривался представителями централизованной власти и учеными-философами как один из важнейших, причем не только в свете конфуцианских норм и строгой социальной иерархии, но и с точки зрения проблемы воссоединения Севера и Юга, в XVI—XVIII вв. существовавших раздельно, — вплоть до объединения страны под властью династии Нгуен (1802—1945). Так, император Нгуен Тхань-то (Минь Манг) в 1826 г. ввел запрет на ношение юбок, стремясь добиться однородности в вестиментарной культуре своих подданных. Указ императора предписывал женщинам «от Нгетхань[1] и далее по всему Северу» придерживаться культуры одежды Дангчонга [Minh Mệnh chính yếu 2009: 862].

Для современного Вьетнама проблема восприятия национального костюма, его стиля и сферы использования также представляется весьма актуальной, что обусловлено стремлением государства сохранить историческое наследие, а также выявить и утвердить уникальные черты собственной культуры, элементы которой могут быть представлены как собственно вьетнамские — внутри страны и за рубежом.

Данная статья посвящена проблеме восприятия национального вьетнамского костюма в качестве инструмента культурной репрезентации в контексте официальных государственных мероприятий, проходящих во Вьетнаме и за его пределами. Исследование опирается на различные источники, отражающие специ-

[1] Обобщенное название провинций Нгеан и Тханьхоа.

фику организации встреч на высшем уровне, среди которых интервью, фотоматериалы и репортажи. Кроме того, в работе использованы материалы 78-го куйена компендиума «Кхам динь Дай Нам хой дьен сы ле» («Высочайше утвержденный свод законов Дайнама» [Khâm định Đại Nam... 1993: 202—206] и официальные документы Коммунистической партии Вьетнама. Главной задачей автора является анализ изменений общественных нарративов, связанных с национальным костюмом, а также путей решения конкретных практических задач, касающихся вестиментарной культуры Вьетнама.

В *отечественном* востоковедении на данный момент нет комплексных работ по истории развития и бытования современного национального костюма вьетнамцев, однако существует ряд исследований, которые служат пониманию культурных, социальных и экономических трансформаций Вьетнама. К изучению национального костюма с точки зрения политических и экономических реформ помогают подступиться исследования и экспертная аналитика В.М. Мазырина [Мазырин 2007]. Важнейшие выводы относительно культурно-исторических процессов во Вьетнаме новейшего времени сделаны в работах А.А. Соколова [Соколов 2016, 2017]. Изучению роли женщин в истории Вьетнама и конкурсам красоты посвящены исследования М.А. Сюннерберга [Сюннерберг 2020: I, II]. В рамках отдельных научных статей были предприняты попытки осветить такие вопросы, как сфера использования национального костюма в современном Вьетнаме [Минина 2016 (б)], символика цвета вьетнамского костюма [Минина 2021], а также краткая история возникновения *аозай* [Минина 2016 (а)].

В числе *зарубежных* работ следует выделить исследование автора-вьеткьеу Ни Т. Лиеу [Lieu Nhi T. 2000] о восприятии *аозай* в среде вьетнамской диаспоры США, аналитическую работу А.М. Лешкович [Leshkowich 2003], пространный труд вьетнамского историка костюма Доан Тхи Тинь [Đoàn Thị Tình 2006] и публикацию Фам Тхао Нгуен [Phạm Thảo Nguyên 2018], посвященную деятельности художника и модельера Нгуен Кат Тыонга.

Проблема дефиниций

Серьезной терминологической проблемой применительно к изучению вьетнамского костюма новейшего времени является разграничение понятий «народный»/«этнический» и «национальный». Нередко эти термины применяются как близкие или взаимозаменяемые, однако на современном этапе развития истории костюма как дисциплины звучат убедительные аргументы в пользу их различного смыслового наполнения. Так, под «народным»/«этническим» понимается костюмный комплекс, исторически сложившийся у определенной этнической общности в определенном регионе. Понятие «национальный костюм» связывается с официальными властными нарративами и понимается как отражение внутренней политики государства [Митина 2021: 105].

Современный женский *аозай*, в данный момент занимающий место самого распространенного и узнаваемого вьетнамского костюма, сформировался под влиянием инокультурных и собственно вьетнамских традиций, однако во мно-

гом стал результатом авторского творчества. Как в плане покроя, так и в плане культуры ношения, символики цвета, сферы использования он довольно далеко отстоит от традиционных форм вьетнамской одежды. По этой причине в рамках данной работы, охватывающей период конца XX — первой четверти XXI в., мы предлагаем говорить о женском *аозай* как о *национальном* костюме. Мужской аозай занимает иное место в рамках современной культуры Вьетнама, о чем будет сказано ниже.

Национальный костюм вьетнамцев как инструмент культурной репрезентации

В середине 1980-х гг. совокупность экономических, политических и социально-культурных проблем побудила руководство Вьетнама к поиску путей всесторонних внутренних реформ. В декабре 1986 г. на VI съезде КПВ было положено начало программе преобразований «Дой мой» (Обновление). Ключевыми задачами «Дой мой» были объявлены преобразование механизмов государственного управления народным хозяйством, поощрение прямых иностранных инвестиций и частного сектора в сочетании с политикой «открытых дверей» (*вьет. Cởi Mở*), что сыграло роль в «вестернизации институтов власти и культуры» [Мазырин 2007: 16]. Риски избыточного иностранного влияния четко осознавались КПВ, в связи с чем в 1989 г. были приняты постановления «О повышении революционной бдительности» и «О мерах по обеспечению общественного порядка и безопасности в новых условиях» [Там же: 73].

Перед Вьетнамом встала трудная задача поиска баланса между интеграцией в мировое сообщество и сохранением собственной национальной идентичности. В этих условиях вопрос костюма, с которым титульная нация страны могла бы ассоциировать свое культурное наследие, стал одним из важнейших.

К концу 1980-х гг. большинство архаичных форм традиционной вьетнамской одежды и головных уборов вышло из употребления; некоторые из них существовали лишь в пространстве театрализованных представлений и религиозных празднеств. В сложившейся ситуации естественным было обращение к *аозай* — костюму, который сохранял конструктивные черты и некоторые детали традиционной одежды, но в то же время подвергся процессам модернизации, которые сблизили его с эстетическими нормами обобщенного Запада.

Важным признаком официального возвращения аозай в сферу культуры и общественной жизни Вьетнама стало использование костюма в рамках женских конкурсов красоты западного типа. Первое в истории СРВ подобное мероприятие было организовано в 1988 г. газетой «Тиен Фонг» (вьет. «Tiền Phong», рус. «Авангард») [Сюннерберг 2020, II: 220—221]. Победительницей стала уроженка Ханоя по имени Буй Бить Фыонг. Обладательница титула «Мисс Вьетнам» приняла корону и почетную ленту лауреатки в лаконичном аозай белого цвета, покрой и эстетика которого отсылали к эпохе 1940-х — 1950-х и униформе учебных заведений (рис. 1) [Duy Nam 2021].

Рис. 1. Буй Бить Фыонг, победительница вьетнамского конкурса красоты 1988 г., организованного газетой «Тьен Фонг».
Источник: [Duy Nam 2021].

В 1989 г. в г. Хошимине состоялся конкурс красоты «Мисс *аозай*», явившийся ярким и резонансным событием не только для «южной столицы», но и для всей страны. Как отмечает Нгуен Тхе Тхань, глава оргкомитета конкурса, бывший главный редактор газеты «Фу Ны» (*вьет.* «Phụ nữ», *рус.* «Женщина») и бывший заместитель директора Департамента культуры и информации г. Хошимина, вьетнамские общественные деятели были обеспокоены падением интереса к *аозай* в 1975—1985 гг., которое, на ее взгляд, произошло по экономическим причинам [Dạ Ly 2017]. Мероприятие широко освещалось вьетнамской и зарубежной прессой и вызвало мощный толчок к развитию культуры национальной одежды. В частности, к разработке новых дизайнов *аозай* обратились начинающие южновьетнамские модельеры Лиен Хыонг и Ле Ши Хоанг, впоследствии ставшие одними из самых известных специалистов по костюму во Вьетнаме.

Лиен Хыонг назвала конкурс «Мисс *аозай*» 1989 г. настоящим «возрождением» национального костюма [там же]. Буквально в течение нескольких лет в крупных городах Вьетнама открылись десятки ателье по пошиву *аозай*, студентки, офисные работники, дипломатические служащие стали активно использовать национальную одежду в качестве униформы и торжественного костюма.

В конце 1980-х — начале 1990-х Лиен Хыонг и Ле Ши Хоанг представили *аозай* с элементами ручной росписи по ткани. Первая из подобных моделей была продемонстрирована на упомянутом конкурсе «Мисс *аозай*» 1989 г. [Phạm Nhi 2020]. На рубахах, чаще всего изготовленных из плотного шелка, изображались цветы, пейзажи во вьетнамизированном жанре «горы и воды», священные животные, геометрические узоры (рис. 2).

Дизайнеры предлагали новое прочтение костюма как произведения искусства на стыке вестиментарной культуры и традиционной живописи по шелку. Несмотря на то, что подобные модели зачастую выполнялись в единичном экземпляре и не получили массового распространения, их появление в пространстве модных показов, на телевидении и в прессе способствовало упрочению позитивного имиджа национального костюма.

Проблема определения путей структурирования национальной идентичности, обозначившаяся еще в середине 1980-х, вновь и вновь озвучивалась партией в 1990-е. На VII съезде КПВ в июне 1991 г. была принята Программа националь-

Рис. 2. *Аозай* с элементами ручной росписи по ткани. Шелк, роспись минеральными красками. Начало 1990-х гг., Вьетнам. Музей костюма *аозай*, г. Хошимин, 2023 г.
Источник: фото предоставлено Я.Д. Казберовой из личного архива.

ного строительства в переходный период к социализму, определявшая стремление вьетнамского общества обладать передовой культурой, пропитанной национальной самобытностью [Văn kiện Đảng... 2007, 7: 134]. Значимая роль отводилась демонстрации этнокультурной уникальности титульной нации Вьетнама на международной арене. В частности, задача представления вьетнамской культуры, страны и народа миру, а также восприятия опыта других стран была сформулирована в резолюции «О построении и развитии передовой вьетнамской культуры, проникнутой национальной самобытностью» на V пленуме VIII созыва ЦК КПВ в 1998 г. [Nghị quyết số 03-NQ/TW, ngày 16/7/1998...]. Национальный костюм как один из основных элементов материальной культуры народа оказался в фокусе внимания государства и общества.

В 1995 г. Чыонг Куинь Май представила *аозай* на конкурсе «Мисс Интернешнл» в Токио и завоевала награду за «Лучший национальный костюм» [Đỗ Quyên 2023]. Все чаще *аозай* используют женщины-государственные служащие. В течение последующих пяти-десяти лет женский *аозай* получает широкое распространение среди всех слоев населения обеих частей страны и становится хорошо узнаваемым символом вьетнамской национальной культуры. В наши дни *аозай* — неотъемлемая часть конкурсов красоты и модных показов как в самом

Вьетнаме, так и за рубежом. Все большее внимание привлекают проекты фэшн-индустрии, где *аозай* становится центральным объектом внимания, как, например, «Áo Dài Fashion Week» [Áo Dài Fashion Week 2026] в рамках осенней Лондонской недели моды 2026 г.

Между тем, как отмечает Ле Ши Хоанг, вопрос официального представления *аозай* в качестве национального костюма на международных мероприятиях высшего уровня оставался фактически нерешенным вплоть до 2006 г., когда Вьетнаму выпала честь стать страной — организатором форума АТЭС. По словам Ле Ши Хоанга, идеей использования *аозай* высокопоставленными чиновниками во время рабочих встреч поделился с ним Нгуен Чунг Тхань, успешный дипломат, начавший свою карьеру в Министерстве иностранных дел Вьетнама в 1981 г. [Hạnh Phương 2011]. Нгуен Чунг Тхань [New permanent representative... 2012] и Ле Ши Хоанг были солидарны в своей обеспокоенности по поводу отсутствия официального национального костюма у вьетнамских чиновников, поскольку возвращение интереса к женскому *аозай* не коснулось мужского наряда — его сфера использования оставалась крайне ограниченной. Не существовало и официальных протоколов, которые регулировали бы правила ношения национального костюма в рамках государственных мероприятий.

В 2007 г. Нгуен Чунг Тхань занял пост посла СРВ в Сингапуре и стал первым вьетнамским дипломатом, надевшим *аозай* во время вручения верительных грамот, что стало важным прецедентом для вестиментарной культуры Вьетнама [Hạnh Phương 2011]. Тем не менее единых предписаний по поводу использования *аозай* госслужащими так и не было выработано, и мужской национальный костюм во время официальных мероприятий до сих пор почти не задействуется.

Что касается форума АТЭС, то его организация явилась весьма показательным примером в контексте формирования культуры костюма пореформенного Вьетнама. Перед принимающей стороной стояла непростая задача «переизобретения» регламентов одежды главы государства и высшего чиновничества, поскольку участникам встреч АТЭС должны были быть вручены национальные костюмы для памятной фотографии. Традиция фотографирования в национальной одежде страны — хозяйки форума зародилась еще в начале 1990-х. В 1991 г. Республика Корея предлагала для совместного фото *ханбоки*, а президент США Билл Клинтон в 1993 г. презентовал гостям кожаные куртки модели «пилот». С 1996 г. церемония фотографирования в национальных костюмах стала ежегодной [Лидеры стран БРИКС... 2016].

Анализируя комплектацию костюмных ансамблей *аозай*, преподнесенных лидерам стран — участниц форума, можно прийти к выводу, что выбор организаторов был лишен последовательности и противоречил принципам символики цветовой модели вьетнамской одежды. Не соответствовал он и регламентам чиновничьей одежды имперского Вьетнама [Khâm định Đại Nam... 1993: 202—206]. Так, президент Филиппин Глория Макапагал-Арройо и президент Чили Мишель Бачелет предстали в рубахах и тюрбанах ярко-розового цвета, большая часть мужчин-лидеров, включая В.В. Путина, Дж. Буша-мл., Ху Цзиньтао, премьер-министра Австралии Дж. Говарда и вице-президента Чили Л. Джампьетри, позировали в голубых нарядах, Нгуен Минь Чиет и премьер-министр Таиланда

Сураюд Чуланонт — в желтых, еще трое лидеров-мужчин получили в подарок красные рубахи, двое — зеленые [Nhat Lam 2017; 2006 Leaders' Declaration 2006]. Мужчинам, в отличие от женщин, не было предложено примерить головные уборы. Поясная часть *аозай* в мужских нарядах отсутствовала — гости надели рубахи поверх западных костюмов, женщины использовали белые штаны (рис. 3).

Рис. 3. Лидеры стран — участниц АТЭС на саммите в Ханое 19 ноября 2006 г.
Источник: [Nhat Lam 2017].

Даже учитывая тот факт, что дореволюционные регламенты чиновничьей одежды остались в прошлом, ассоциирование желтого цвета с императорской властью во вьетнамском сознании до сих пор сохраняется. В этой связи появление Нгуен Минь Чиета и Сураюда Чуланонта в желтых нарядах выглядело по меньшей мере спорно. Голубой и зеленый цвет в эпоху династии Нгуен использовался в костюме гражданских чиновников, красный — в костюме военных [Khâm định Đại Nam... 1993: 202—206].

В 2016 г. во время подготовки встреч АТЭС 2017 г., которые вновь должны были пройти во Вьетнаме, вопрос национального костюма вызвал жаркую дискуссию. Для разработки дизайна нарядов был создан специальный отборочный совет, председателем которого стал замминистра Министерства культуры, спорта и туризма Хюинь Винь Ай. В совет вошли не только чиновники, но и искусствоведы, модельеры и дизайнеры [Việt Lan 2017]. По мнению одного из организаторов протокольных мероприятий 2017 г., директора Департамента изобразительного искусства, фотографии и выставок Министерства культуры, спорта и туризма Ви Киен Тханя, костюмы должны были быть удобны в использовании и соответствовать климатическим условиям Вьетнама, наглядно демонстрировать

национальный вьетнамский колорит, но при этом не быть излишне яркими. Как отметил Ви Киен Тхань, членам отборочного совета было сложно прийти к консенсусу, поскольку во Вьетнаме по-прежнему не выработан дизайн мужского национального костюма, который соответствовал бы требованиям современности и презентовал материальную культуру Вьетнама как отражающую процессы модернизации общества. При этом женского *аозай*, на его взгляд, данные проблемы не касаются [Ibid].

Итогом обсуждений стало дизайнерское решение модельера Нгуен Тхи Тху Ха — шелковые рубашки западного кроя, выполненные в двух цветах, — темно-синем и оттенка слоновой кости. Лишь некоторые элементы нарядов можно связать с собственно вьетнамской традицией. Полуприлегающий покрой рукава без манжет ассоциировался с традиционной плечевой одеждой не то крестьянства эпохи императорских династий, не то с *аозай* колониального периода. На пуговицах рубашек были выгравированы птицы *лак* — адаптированные изображения с бронзовых донгшонских барабанов, которые главным образом и призваны были отражать древние культурные традиции страны — хозяйки форума. Рубашки преподнесли и мужчинам, и женщинам, не придерживаясь гендерного разделения по цветам [Y Ly 2017].

Как и в случае с мужским костюмом, относительно *аозай* вьетнамских чиновниц и жен государственных деятелей по сей день не существует никаких официальных рекомендаций. В этой связи важным для современной культуры вьетнамского костюма является пример Ле Тхи Бить Чан, супруги премьер-министра СРВ Фам Минь Тиня (занимал этот пост в 2021—2026 гг.). На официальных мероприятиях Ле Тхи Бить Чан отдавала предпочтение неординарным моделям *аозай,* сочетающим частные эстетические нарративы и важнейшие в контексте вьетнамского «обращения к корням» символы материальной культуры.

В феврале 2023 г. Ле Тхи Бить Чан появилась на официальных мероприятиях в Брунее [Vũ Khuyên 2023] в черном *аозай*, декорированном квадратными и прямоугольными вставками вышитой ткани (рис. 4).

Узоры этих вставок характерны для орнаментальной системы вышивки поясов *хлангз* (*хмонг.* hlangz), детских шапочек *маовмирнюос* (*хмонг.* maov mir nhuôs) и женских праздничных жилетов *яокхоув* (*хмонг.* yao khôuv) этнических групп цветных и красных хмонгов Вьетнама [Từ điển hiện vật văn hóa... 2007: 230, 236, 251]. Эти предметы одежды изготавливаются хмонгами из льна, окрашенного в цвет индиго или в красный цвет. Предположительно, из льна выполнен и комплект *аозай* Ле Тхи Бить Чан, а фрагменты узорчатой материи изъяты из аутентичных хмонгских тканей и нашиты на рубаху в технике, сходной с приемами пэчворк.

В ноябре 2023 г. Ле Тхи Бить Чан сопровождала Фам Минь Тиня во время визита в Турцию в *аозай* цвета индиго с изображениями священной птицы *лак*, сцен сельскохозяйственных работ и геометрических орнаментов, которые встречаются на диске и корпусе донгшонских барабанов [Minh Anh 2023]. Изображения были сгруппированы в произвольную композицию и дополнены растительным узором в виде листьев бамбука (рис. 5).

В июне 2024 г. Фам Минь Тинь и Ле Тхи Бить Чан посетили Сеул [Thủ tướng Phạm Minh Chính... 2024]. На сей раз супруга премьер-министра выбрала для

Рис. 4. Премьер-министр Вьетнама Фам Минь Тинь с супругой Ле Тхи Бить Чан во время официального визита в Бруней. 9 февраля 2023 г., Бандар-Сери-Бегаван.
Источник: [Vũ Khuyên 2023].

Рис. 5. Премьер-министр Вьетнама Фам Минь Тинь с супругой Ле Тхи Бить Чан во время официального визита в Турцию. 28 ноября 2023 г., Анкара.
Источник: [Minh Anh 2023].

Рис. 6. Премьер-министр Вьетнама Фам Минь Тинь с супругой Ле Тхи Бить Чан во время официального визита в Республику Корея. 30 июня 2024 г., Сеул.
Источник: [Thủ tướng Phạm Minh Chính... 2024].

протокольных мероприятий комплект насыщенного голубого цвета, в целом не характерного для культуры ношения *аозай* женщин среднего и старшего возраста (рис. 6).

Плечевую часть костюма вновь украшали узоры донгшонских барабанов — водные птицы, олени, изображения сельскохозяйственных работ и сцены празднеств, фрагменты геометрических орнаментов. Клиновидный узор на штанах стал оригинальной семантической заменой лампасов.

Таким образом, как показывает анализ протокольных костюмов Ле Тхи Бить Чан, женский *аозай* в современном Вьетнаме может выступать в качестве мощного инструмента культурной репрезентации и апеллировать не только к традициям титульной нации, но и к духовно-материальному наследию малых этносов. Можно говорить о том, что авторские *аозай* супруги Фам Минь Тиня — это символ многонационального Вьетнама и важное послание как для самих вьетнамцев, так и для зарубежных коллег.

Заключение

На данном этапе женский *аозай* воспринимается во Вьетнаме, с одной стороны, как символ традиционного вьетнамского общества и воплощение «духа родины», с другой — как актуальный и органичный элемент современной вести-

ментарной культуры, который активно задействуется в качестве официального костюма для международных политических, общественных и культурных мероприятий. При этом вопрос мужского национального костюма является предметом дискуссий; *аозай* в данном качестве практически не используется.

В современном Вьетнаме по-прежнему не существует установленных регламентов одежды, использующейся во время официальных мероприятий, и каждый конкретный случай организации встреч, визитов, форумов и других событий такого порядка требует индивидуальных решений, которые базируются как на традициях прошлого, так и на взглядах конкретных общественных и культурных деятелей.

Список литературы

Лидеры стран БРИКС сделали фото в индийской национальной одежде — банди. ТАСС. 15.10.2016. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3707968 (дата обращения: 28.07.2025).

Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986—2006 гг.): направления, динамика, результаты. М.: Ключ-С, 2007. 336 с.

Минина Ю. Д. (а) Традиционный вьетнамский костюм ао зай как социокультурный феномен в истории развития вьетнамского общества // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 3 (12). С. 82—92.

Минина Ю. Д. (б) Традиционный вьетнамский костюм: сфера использования и исторический контекст (конец XX — XXI в.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 30. С. 175—187.

Минина Ю.Д. Символическая модель цвета вьетнамского национального костюма аозай: исторические предпосылки и толкования // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 106—130.

Митина Е.И. Народный костюм как символ «русскости» в дворянской культуре России второй половины XVIII — первой половины XIX в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25—26 мая 2021 г. / отв. ред. Е.С. Узенева, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 104—108.

Соколов А.А. Вьетнамская культура: современный контекст // Труды Института востоковедения РАН. 2017. Вып. 3: Культура и политика: проблемы взаимосвязи. С. 135—163.

Соколов А.А. Человеческий потенциал и модернизация Вьетнама: наука и образование // XII съезд Компартии Вьетнама. Документы и экспертные оценки. М.: Форум, 2016. С. 311—323.

Сюннерберг М.А. «У красавиц несчастливая судьба»? История конкурсов красоты во Вьетнаме. Ч. I: Категория красоты и судьба красавиц в традиционном Вьетнаме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 3 (48). С. 242—255.

Сюннерберг М.А. «У красавиц несчастливая судьба»? История конкурсов красоты во Вьетнаме. Ч. II: Конкурсы красоты современного типа // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 4 (49). С. 210—226.

2006 Leaders' Declaration. Ha Noi, Viet Nam. 18.11.2006. Asia-Pacific Economic Coopertaion. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2006/2006_aelm (дата обращения: 28.07.2025).

Áo Dài Fashion Week 2026. URL: https://www.adfw.london/ (дата обращения: 15.06.2026).

Dạ Ly. Ấn tượng áo dài: Cuộc thi hoa hậu áo dài đầu tiên [Воображая аозай: первый конкурс «Мисс аозай»] // Thanh Niên [молодежь], 11.03.2017. URL: https://thanhnien.vn/an-tuong-ao-dai-cuoc-thi-hoa-hau-ao-dai-dau-tien-185648518.htm (дата обращения: 21.07.2025). (На вьет. яз.)

Duy Nam. Nhan sắc của Hoa hậu Việt Nam đầu tiên ra sao sau 33 năm đăng quang? [Какой стала красота первой королевы красоты Вьетнама 33 года спустя после коронации] // Tiền Phong, 26.07.2021. URL: https://tienphong.vn/nhan-sac-cua-hoa-hau-viet-nam-dau-tien-ra-sao-sau-33-nam-dang-quang-post1359148.tpo (дата обращения: 21.07.2025). (На вьет. яз.)

Đỗ Quyên. Điều ít biết về người đẹp tài sắc nức tiếng Hà thành thập niên 90 từng làm tiếp viên hàng không [Малоизвестные факты о знаменитой ханойской красавице 1990-х, работавшей стюардессой] // Báo Sức Khỏe và Đời Sống — Cơ quan ngôn luận của Bộ Y tế [Газета Здоровье и жизнь — официальное издание Министерства здравоохранения.], 03.04.2023. URL: https://suckhoedoisong.vn/dieu-it-biet-ve-nguoi-dep-tai-sac-nuc-tieng-ha-thanh-thap-nien-90-tung-lam-tiep-vien-hang-khong-169230403165224951.htm (дата обращения: 28.07.2025). (На вьет. яз.)

Đoàn Thị Tình. Trang phục Việt Nam (Dân tộc Việt) [Доан Тхи Тинь. Одежда Вьетнама (народ вьет)] / Xuất bản lần thứ hai có bổ sung. Hà Nội: NXB Mỹ thuật, 2006. 215 tr. (На вьет. яз.)

Hạnh Phương. Quốc phục: có giải pháp, thiếu quyết định [Национальный костюм: есть решение, но нет решимости] // VietNamNet, 30.01.2011. URL: https://vietnamnet.vn/quoc-phuc-co-giai-phap-thieu-quyet-dinh-7863.html (дата обращения: 28.07.2025). (На вьет. яз.)

Khâm định Đại Nam hội điển sự lệ [Высочайше утвержденный свод законов Дайнама]. Tập VI. Quyển 78. Huế: NXB Thuân Hóa, 1993. 569 tr. (На вьет. яз.)

Leshkowich A. M. The Ao Dai Goes Global: How International Influences and Female Entrepreneurs Have Shaped Vietnam's National Costume // Re-Orienting Fashion: The Globalization of Asian Dress / ed. by Niessen S., Leshkowich A. M., Jones C. Oxford and New York: Berg, 2003. P. 79—115.

Lieu Nhi T. Remembering 'The Nation' through Pageantry: Femininity and the Politics of Vietnamese Womanhood in the 'Hoa Hau Ao Dai' Contest // Frontiers: A Journal of Women Studies 21. 2000. No. 1/2. P. 127—151.

Minh Anh. Thủ tướng Chính phủ Phạm Minh Chính và Phu nhân đến thủ đô Ankara, bắt đầu chuyến thăm chính thức Thổ Nhĩ Kỳ [Премьер-министр Фам Минь Тинь и его супруга прибыли в Анкару, начав официальный визит в Турцию] // Năng Lượng Quốc tế [международная энергетика], 29.11.2023. URL: https://nangluongquocte.petrotimes.vn/thu-tuong-chinh-phu-pham-minh-chinh-va-phu-nhan-den-thu-do-ankara-bat-dau-chuyen-tham-chinh-thuc-tho-nhi-ky-700582.html (дата обращения: 28.07.2025). (На вьет. яз.)

Minh Mệnh chính yếu [Основы государственности эры Минь Мень]. Tập II. Quyển XIII. Huế: NXB Thuận Hóa, 2009. 2126 tr. (На вьет. яз.)

Nhat Lam. APEC and Vietnam's great strides // Thế Giới & Việt Nam. 27.08.2017. URL: https://en.baoquocte.vn/apec-and-vietnams-great-strides-55729.html (дата обращения: 28.07.2025).

New permanent representative of Viet Nam presents credentials to director-general of UNOG // The United Nations Office at Geneva. URL: https://www.ungeneva.org/en/news-media/presentation-of-credentials/2012/09/new-permanent-representative-viet-nam-presents (дата обращения: 28.07.2025). (На вьет. яз.)

Nghị quyết số 03-NQ/TW, ngày 16/7/1998, của Ban Chấp hành Trung ương tại Hội nghị Trung ương 5 (khóa VIII) về Xây dựng và phát triển nền văn hóa Việt Nam tiên tiến, đậm đà bản sắc dân tộc [Резолюция V Пленума VIII созыва ЦК партии от 16 июля 1998 г. «О построении и развитии передовой вьетнамской культуры, проникнутой национальной самобытностью»] // Báo điện tử Đảng cộng sản Việt Nam [Интернет-газета Коммунистической партии Вьетнама]. URL: https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/he-thong-van-ban/van-ban-cua-dang/nghi-quyet-so-03-nqtw-ngay-16-71998-cua-ban-chap-hanh-trung-uong-tai-hoi-nghi-trung-uong-5-khoa-viii-ve-xay-dung-va-phat-1692 (дата обращения: 28.07.2025). (На вьет. яз.)

Phạm Nhi. Nhà thiết kế Lê Sĩ Hoàng và tình yêu áo dài Việt [Дизайнер Ле Ши Хоанг и его любовь к вьетнамскому аозай]. HTV, 16.02.2020. URL: https://www.htv.com.vn/nha-thiet-ke-le-si-hoang-va-tinh-yeu-ao-dai-viet (дата обращения: 28.09.2024). (На вьет. яз.)

Phạm Thảo Nguyên. Áo dài Lemur và bối cảnh Phong Hóa & Ngày Nay [Фам Тхао Нгуен. Ао зай Лемура и его образ на страницах еженедельников «Нравы» и «Сегодня»]. TP Hồ Chí Minh: Công ty TNHH Văn hoá Khai Tâm, 2018. 263 tr. (На вьет. яз.)

Thủ tướng Phạm Minh Chính và Phu nhân thăm chính thức Hàn Quốc [Премьер-министр Фам Минь Тинь и его супруга совершили официальный визит в Южную Корею] // Công an thành phố Đà Nẵng [Полиция города Дананг], 01.07.2024. URL: https://cadn.com.vn/thu-tuong-pham-minh-chinh-va-phu-nhan-tham-chinh-thuc-han-quoc-post297326.html (дата обращения: 28.07.2025). (На вьет. яз.)

Từ điển hiện vật văn hóa các dân tộc Việt Nam: dựa trên bộ sưu tập của Bảo tang Dân tộc học Việt Nam [Словарь предметов материальной культуры народов Вьетнама: на основе коллекции Вьетнамского музея этнологии] / Chủ biên Nguyễn Văn Huy. Hà Nội: NXB Giáo Dục, 2007. 772 tr. (На вьет. яз.)

Văn kiện Đảng toàn tập 1992 — 6-1993 [Полное собрание партийных документов 1992 — 6-1993]. Hà Nội: Chính trị Quốc gia — Sự thật, 2007. Tập. 7. 367 tr. (На вьет. яз.)

Việt Lan. Chọn trang phục APEC 2017 [Выбор костюмов для форума АТЭС 2017] // Thế Giới & Việt Nam [Мир и Вьетнам], 02.02.2017. URL: https://baoquocte.vn/chon-trang-phuc-apec-2017-43055.html (дата обращения: 28.07.2025). (На вьет. яз.)

Vũ Khuyên. Lễ đón Thủ tướng Phạm Minh Chính và phu nhân thăm chính thức Brunei [Церемония встречи премьер-министра Фам Минь Тиня и его супруги, прибывших с официальным визитом в Бруней]. VOV.VN, 10.02.2023. URL: https://vov.vn/chinh-tri/le-don-thu-tuong-pham-minh-chinh-va-phu-nhan-tham-chinh-thuc-brunei-post1001039.vov (дата обращения: 28.07.2025). (На вьет. яз.)

Y Ly. Các nhà lãnh đạo APEC mặc trang phục tơ tằm Việt [Лидеры стран АТЭС надели шелковые вьетнамские костюмы] // VnExpress, 10.11.2017. URL: https://vnexpress.net/cac-nha-lanh-dao-apec-mac-trang-phuc-to-tam-viet-3668591.html (дата обращения: 28.07.2025). (На вьет. яз.)

References

2006 Leaders' Declaration, Ha Noi, Viet Nam. *Asia-Pacific Economic Coopertaion*, 18.11.2006. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2006/2006_aelm (accessed: 18.07.2025).

Áo Dài Fashion Week 2026 (2026). URL: https://www.adfw.london/ (accessed: 15.06.2026).

Dạ Ly (2017). Ấn tượng áo dài: Cuộc thi hoa hậu áo dài đầu tiên [Imagining the ao dai: the first Miss Ao Dai contest]. *Thanh Niên* [*youth*], March 11. URL: https://thanhnien.vn/an-tuong-ao-dai-cuoc-thi-hoa-hau-ao-dai-dau-tien-185648518.htm (accessed: 18.07.2025). (In Vietnamese)

Đỗ Quyên (2023). Điều ít biết về người đẹp tài sắc nức tiếng Hà thành thập niên 90 từng làm tiếp viên hàng không [Little-known facts about the famous Hanoi beauty of the 1990s who worked as a flight attendant]. *Báo Sức Khỏe và Đời Sống — Cơ quan ngôn luận của Bộ Y tế* [*Health & Life Newspaper — Official Organ of the Ministry of Health*], April 03. URL: https://suckhoedoisong.vn/dieu-it-biet-ve-nguoi-dep-tai-sac-nuc-tieng-ha-thanh-thap-nien-90-tung-lam-tiep-vien-hang-khong-169230403165224951.htm (accessed: 18.07.2025). (In Vietnamese)

Đoàn Thị Tình (2006). Trang phục Việt Nam (Dân tộc Việt) [Vietnamese clothing (Viet people)]. Xuất bản lần thứ hai có bổ sung. Hà Nội: NXB Mỹ thuật. 215 tr.(In Vietnamese)

Duy Nam (2021). Nhan sắc của Hoa hậu Việt Nam đầu tiên ra sao sau 33 năm đăng quang? [What has become of the beauty of Vietnam's first beauty queen 33 years after her coronation?]. *Tiền Phong*,

July 26. URL: https://tienphong.vn/nhan-sac-cua-hoa-hau-viet-nam-dau-tien-ra-sao-sau-33-nam-dang-quang-post1359148.tpo (accessed: 18.07.2025). (In Vietnamese)

Hạnh Phương (2011). Quốc phục: có giải pháp, thiếu quyết định [National costume: there is a solution but there is no resolution]. *VietNamNet*, January 30. URL: https://vietnamnet.vn/quoc-phuc-co-giai-phap-thieu-quyet-dinh-7863.html (accessed: 18.07.2025). (In Vietnamese)

Khâm định Đại Nam hội điển sự lệ [Supremely approved Dai Nam law code]. Tập VI. Quyển 78. Huế: NXB Thuân Hóa, 1993. 569 tr. (In Vietnamese)

Leshkowich A.M. (2003). The ao dai goes global: How international influences and female entrepreneurs have shaped Vietnam's national costume, in S. Niessen, A.M. Leshkowich, C. Jones (Eds.), *Re-Orienting Fashion: The Globalization of Asian Dress*. Oxford and New York: Berg. P. 79—115.

Lidery stran BRIKS sdelali foto v indiiskoi natsionalnoi odezhde — bandi [BRICS leaders posed for a photo in Indian national clothing — bandi]. *TASS*, 15.10.2016. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3707968 (accessed: 18.07.2025). (In Russ.)

Lieu Nhi T. (2000). Remembering 'the nation' through pageantry: Femininity and the politics of Vietnamese womanhood in the 'Hoa Hau Ao Dai' Contest. *Frontiers: A Journal of Women Studies*, 21 (1/2): 127—151.

Mazyrin V.M. (2007). *Reformy perekhodnogo perioda vo Vetname (1986—2006 gg.): napravleniya, dinamika, rezultaty* [*Reforms of the transition period in Vietnam (1986—2006): directions, dynamics, results*]. Moscow: Klyuch-S. 336 p. (In Russ.)

Minh Anh. (2023). Thủ tướng Chính phủ Phạm Minh Chính và Phu nhân đến thủ đô Ankara, bắt đầu chuyến thăm chính thức Thổ Nhĩ Kỳ [Prime Minister Pham Minh Chinh and his wife arrive in the capital Ankara, beginning an official visit to Turkiye]. *Năng Lượng Quốc tế* [*International Energy*], 29.11.2023. URL: https://nangluongquocte.petrotimes.vn/thu-tuong-chinh-phu-pham-minh-chinh-va-phu-nhan-den-thu-do-ankara-bat-dau-chuyen-tham-chinh-thuc-tho-nhi-ky-700582.html (accessed: 18.07.2025). (In Vietnamese)

Minh Mệnh chính yếu [Foundations of statehood in the Minh Menh era]. Tập II. Quyển XIII. Huế: NXB Thuận Hóa, 2009. 2126 tr. (In Vietnamese)

Minina Yu.D. (2016). Traditsionnyi vetnamskii kostyum ao zai kak sotsiokulturnyi fenomen v istorii razvitiya vetnamskogo obshchestva [Traditional Vietnamese ao dai costume as a sociocultural phenomenon in the history of the development of the Vietnamese society]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie* [*RSUH/RGGU Bulletin: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*], 3 (12): 82—92. (In Russ.)

Minina Yu.D. (2016). Traditsionnyi vetnamskii kostyum: sfera ispolzovaniya i istoricheskii kontekst (konets XX — XXI v.) [Traditional Vietnamese costume: field of use and historical context (late 20th — 21st centuries)]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [*Southeast Asia: Actual problems of development*], 30: 175—187. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science. (In Russ.)

Minina Yu.D. (2021). Simvolicheskaya model tsveta vetnamskogo natsionalnogo kostyuma aozai: istoricheskie predposylki i tolkovaniya [Symbolic color model of the Vietnamese national costume ao dai: historical background and interpretations]. *Vetnamskie issledovaniya* [*Russian Journal of Vietnamese Studies*], 5 (4): 106—130. (In Russ.)

Mitina E.I. (2021). Narodnyi kostyum kak simvol "russkosti" v dvoryanskoi kulture Rossii vtoroi poloviny XVIII — pervoi poloviny XIX v. [Folk costume as a symbol of "Russianness" in the noble culture of Russia in the second half of the 18th — first half of the 19th centuries], in: E.S. Uzeneva, O.V. Khavanova (Eds.), *Slavyanskii mir: obshchnost i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury. 25—26 maya 2021 g.* [Slavic World: Community and Diversity. Abstracts of the Conference of Young Scientists within the Framework of the Days of Slavic Writing and Culture. May 25—26, 2021]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Science. P. 104—108. (In Russ.)

New permanent representative of Viet Nam presents credentials to director-general of UNOG. The United Nations Office at Geneva. URL: https://www.ungeneva.org/en/news-media/presentation-of-credentials/2012/09/new-permanent-representative-viet-nam-presents (accessed: 18.07.2025).

Nghị quyết số 03-NQ/TW, ngày 16/7/1998, của Ban Chấp hành Trung ương tại Hội nghị Trung ương 5 (khóa VIII) về Xây dựng và phát triển nền văn hóa Việt Nam tiên tiến, đậm đà bản sắc dân tộc [Resolution of the 5th Plenum of the 8th Convocation of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam dated July 16, 1998, "On the Construction and Development of an Advanced Vietnamese Culture Imbued with National Identity"]. *Báo điện tử Đảng cộng sản Việt Nam. Hệ thống tư liệu — văn kiện Đảng* [*Online Newspaper of the Communist Party of Vietnam — Party Documents and Materials System*]. URL: https://tulieuvankien.dangcongsan.vn/he-thong-van-ban/van-ban-cua-dang/nghi-quyet-so-03-nqtw-ngay-1671998-cua-ban-chap-hanh-trung-uong-tai-hoi-nghi-trung-uong-5-khoa-viii-ve-xay-dung-va-phat-1692 (accessed: 18.07.2025). (In Vietnamese)

Nhat Lam (2006). APEC and Vietnam's great strides. *Thế Giới & Việt Nam* [*The World and Vietnam*], August 27. URL: https://en.baoquocte.vn/apec-and-vietnams-great-strides-55729.html (accessed: 18.07.2025).

Phạm Nhi (2020). Nhà thiết kế Lê Sĩ Hoàng và tình yêu áo dài Việt [Designer Le Si Hoang and his love for Vietnamese ao dai]. *HTV*, Februrary 16. URL: https://www.htv.com.vn/nha-thiet-ke-le-si-hoang-va-tinh-yeu-ao-dai-viet (accessed: 28.09.2024). (In Vietnamese)

Phạm Thảo Nguyên (2018). Áo dài Lemur và bối cảnh Phong Hóa & Ngày Nay [Lemur ao dai and its images in the Phong Hóa & Ngày Nay weeklies]. TP Hồ Chí Minh: Công ty TNHH Văn hoá Khai Tâm. 263 tr. (In Vietnamese)

Sokolov A.A. (2016). Chelovecheskii potentsial i modernizatsiya Vetnama: nauka i obrazovanie [Human potential and modernization in Vietnam: science and education], in: *XII sezd Kompartii Vetnama. Dokumenty i ekspertnye otsenki* [*12th Congress of the Communist Party of Vietnam. Documents and Expert Assessments*]. Moscow: Forum. P. 311—323. (In Russ.)

Sokolov A.A. (2017). Vetnamskaya kultura: sovremennyi kontekst [Vietnamese culture: the modern context]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. Vyp. 3. Kultura i politika: problemy vzaimosvyazi* [*Proceedings of the Institute of Oriental Studies of RAS. Issue 3. Culture and Politics: Problems of Interconnection*]. P. 135—163. (In Russ.)

Syunnerberg M.A. (2020). "U krasavits neschastlivaya sudba"? Istoriya konkursov krasoty vo Vetname. Chast I. Kategoriya krasoty i sudba krasavits v traditsionnom Vetname ["Do beautiful women have an unhappy fate?" The history of beauty contests in Vietnam. Part I. Category of beauty and the fate of beautiful women in traditional Vietnam]. *Yugo-Vostochnaya Aziya Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [*Southeast Asia: Actual problems of development*], III, 3 (48): 242—255. (In Russ.)

Syunnerberg M.A. (2020). "U krasavits neschastlivaya sudba"? Istoriya konkursov krasoty vo Vetname. Chast II. Konkursy krasoty sovremennogo tipa ["Do beautiful women have an unhappy fate?" The history of beauty contests in Vietnam. Part II. Modern-type beauty contests]. *Yugo-Vostochnaya Aziya Aziya: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Actual problems of development], III, 4 (49): 210—226. (In Russ.)

Thủ tướng Phạm Minh Chính và Phu nhân thăm chính thức Hàn Quốc [Prime Minister Pham Minh Chinh and his wife pay an official visit to South Korea]. *Công an thành phố Đà Nẵng* [*Da Nang City Police*], 01.07.2024. URL: https://cadn.com.vn/thu-tuong-pham-minh-chinh-va-phu-nhan-tham-chinh-thuc-han-quoc-post297326.html (accessed: 18.07.2025). (In Vietnamese)

Từ điển hiện vật văn hóa các dân tộc Việt Nam: dựa trên bộ sưu tập của Bảo tang Dân tộc học Việt Nam [Dictionary of cultural artifacts of Vietnamese ethnic groups: based on the collection of the Vietnam Museum of Ethnology] / Chủ biên Nguyễn Văn Huy. Hà Nội: NXB Giáo Dục, 2007. 772 tr. (In Vietnamese)

Văn kiện Đảng toàn tập 1992 — 6-1993 [Complete collection of party documents 1992 — 6-1993]. Hà Nội: Chính trị Quốc gia — Sự thật, 2007. Tập. 7. 367 tr. (In Vietnamese)

Việt Lan (2017). Chọn trang phục APEC 2017 [Selection of Outfits for the 2017 APEC Forum]. *Thế Giới & Việt Nam* [*The World and Vietnam*], Februrary 02. URL: https://baoquocte.vn/chon-trang-phuc-apec-2017-43055.html (accessed: 28.07.2025). (In Vietnamese)

Vũ Khuyên (2023). Lễ đón Thủ tướng Phạm Minh Chính và phu nhân thăm chính thức Brunei [Welcoming ceremony for Prime Minister Pham Minh Chinh and his wife during an official visit to Brunei]. *VOV.VN*, Februrary 10. URL: https://vov.vn/chinh-tri/le-don-thu-tuong-pham-minh-chinh-va-phu-nhan-tham-chinh-thuc-brunei-post1001039.vov (accessed: 18.07.2025). (In Vietnamese)

Y Ly (2017). Các nhà lãnh đạo APEC mặc trang phục tơ tằm Việt [APEC leaders wear Vietnamese silk costumes]. *VnExpress*, November 10. URL: https://vnexpress.net/cac-nha-lanh-dao-apec-mac-trang-phuc-to-tam-viet-3668591.html (accessed: 18.07.2025). (In Vietnamese)

Дата поступления статьи: 23.07.2025
Дата поступления в переработанном виде: 18.07.2026
Принята к печати: 17.08.2026

Received: July 23, 2025
Received in revised form: July 18, 2026
Accepted: August 17, 2026

DOI: 10.54631/VS.2026.103-707461

Le Van Tuyen, F. Kraus

The Emergence and Growth of Protestant House Churches in Vietnam since the Reforms of 1986[1]

Abstract. One of the most striking features of the religious landscape in post-Renovation Vietnam is the dramatic rise of Protestantism, with house churches as a crucial component. However, there is no consensus on the precise number of Protestants among policymakers, religious institutions, and scholars. Large-scale surveys are rare and often fail to capture the mechanisms behind the explosive growth of Protestant house churches. Based on 49 in-depth interviews and participant observation, this article seeks to explain what led to the emergence and subsequent explosive growth of Protestant house churches in the context of limited religious space in Vietnam. We argue that the growth of house churches in Vietnam can be partly explained by its socio-historical context, organizational structure, and strategies for recruiting new members, promoted by aid from foreign organizations.

Keywords: Protestantism, house churches, post-Renovation, converts, Vietnam

Authors: Le Van Tuyen, Ph.D. Candidate, Palacký University Olomouc, Department of Asian Studies, Faculty of Arts, Czech Republic; Researcher, Vietnam Academy of Social Sciences, Institute of Anthropology and Religious Studies, Hanoi, Vietnam. ORCID: 0000-0003-4064-9878. E-mail: letuyen.k53@gmail.com

Kraus Filip, Assistant Professor, Palacký University Olomouc, Department of Asian Studies, Director of the Sinophone Research Center, Faculty of Arts, Czech Republic. ORCID: 0000-0003-4660-2106. E-mail: filip.kraus@upol.cz

For citation: Le Van Tuyen, Kraus F. (2026). The Emergence and Growth of Protestant House Churches in Vietnam since the Reforms of 1986. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 97—108.

Ле Ван Туен, Ф. Краус

Возникновение и рост протестантских домашних церквей во Вьетнаме после реформ Доймой 1986 года[2]

Аннотация. Одной из наиболее ярких особенностей религиозного ландшафта Вьетнама периода реформ Дой мой является стремительный рост протестантизма, важной составляющей которого являются домашние церкви. Однако среди политиков, религиозных учреждений и ученых нет единого мнения относительно точного числа протестантов в этой стране. Крупномасштабные исследования

[1] This study was funded by the Palacký University in Olomouc, Faculty of Arts Individual Student Grant entitled "House churches: A weapon of the development of Protestantism in post-renovation of Vietnam" [IGA_FF_2022_050].

[2] Данное исследование было профинансировано Университетом Палацкого в Оломоуце, Чешская Республика, факультет искусств, в рамках индивидуального студенческого гранта под названием «Домашние церкви: оружие развития протестантизма в пост-обновленном Вьетнаме» [IGA_FF_2022_050].

редки и обычно не позволяют выявить механизмы, лежащие в основе взрывного роста протестантских домашних церквей. На основе 49 углубленных интервью и наблюдений за участниками автор данной статьи пытается объяснить, что привело к появлению и последующему взрывному росту протестантских домашних церквей в условиях ограниченного религиозного пространства во Вьетнаме. Утверждается, что рост домашних церквей в СРВ частично объясняется социально-историческим контекстом, организационной структурой конфессии и стратегиями привлечения новых членов, продвигаемыми иностранными организациями.

Ключевые слова: протестантизм, домашние церкви, период Обновления, новообращенные, Вьетнам

Авторы: Ле Ван Туен, аспирант, Университет Палацкого в Оломоуце, кафедра азиатских исследований факультета искусств, Чешская Республика; научный сотрудник, Вьетнамская академия общественных наук, Институт антропологии и религиоведения, Ханой, Вьетнам. ORCID: 0000-0003-4064-9878.
E-mail: letuyen.k53@gmail.com

Краус Филип, доцент, Университет Палацкого в Оломоуце, кафедра азиатских исследований, директор Центра синоязычных исследований факультета искусств, Чешская Республика. ORCID: 0000-0003-4660-2106.
E-mail: filip.kraus@upol.cz

Для цитирования: *Ле Ван Туен, Краус Ф.* Возникновение и рост протестантских домашних церквей во Вьетнаме после реформ Доймой 1986 года // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 97—108.

Introduction

Although Protestantism was officially introduced to Vietnam in 1911, the adherents numbered merely 200,000 as of 1975 [Tôn giáo và chính sách... 2015]. Existing scholarship highlights a significant expansion of Protestantism following the Doimoi (Đổi mới) Renovation of 1986 [Tâm Ngô 2016; Chung Van Hoang 2017]. It is plausible that the number of Protestants had already reached 1,400,000 by 2014 [Phan 2014]. This growth was marked by the rise of the Protestant House Church Movement, in which the number of such congregations surged from four in the late 1980s to 2,500 by 2009, encompassing 250,000 adherents [Reimer 2011: 71]. These house churches were estimated to constitute approximately one-fourth of Vietnam's evangelical Protestant demographic [Vietnam Observer 2001].

The introduction and growth of Protestantism in Vietnam have extensively captured scholarly attention. Nguyễn Thanh Xuân [2002, 2020a] offers foundational insights into Vietnamese Protestantism, Đoàn Triệu Long [2012] examines its introduction, and Nguyễn Xuân Hùng [2017] details its organizational development from 1911 to 1975. Further research by Nguyễn Hồng Dương [2014], Reimer [2011], and Phan [2014] focuses on the expansion of Vietnamese Protestantism in the twentieth and twenty-first centuries. Studies by Tâm Ngô [2016] and Rumsby [2023] examined the development of Protestantism among ethnic minorities in the Vietnamese highlands. A few scholars have examined the emergence of the House Church Movement, which separated from the Evangelical Church of Vietnam-South (ECVN-S) since the 1980s, but attributed its

growth either to foreign influence [Nguyễn Xuân Hùng 2011] or to the agency of the Holy Spirit [Reimer 2011]. Additionally, the rise of Protestant house churches and their strategies for recruiting new members were only briefly examined by Chung Van Hoang [2017]. Current scholarship, therefore, lacks a detailed analysis of the emergence of house churches and the reasons for their growth.

To advance the existing literature, this article first examines the history of the emergence of house churches, then analyzes their evangelical strategies and religious activities. It then explores the organizational structures of these congregations to illustrate why the model of small house churches may be more effective at attracting new converts than larger, traditional churches. On the one hand, we argue that the emergence of house churches in Vietnam can be understood within the socio-political context in which they emerged. On the other hand, we demonstrate that the success of Protestant house churches in Vietnam is also largely attributable to their organizational structures, religious practices, and evangelical strategies that resonate with new adherents. Additionally, because many house churches operate outside state oversight, practices deemed unorthodox by the Christian and Missionary Alliance (C&MA), such as performing miracles and divine healing, may be perceived as important factors contributing to the success of Protestant house churches in Vietnam.

The data for this study were collected primarily through the examination of church materials and interviews with pastors, religious scholars, and believers from house churches, conducted both online and in person. These interviews were conducted from July 2022 to September 2023 and were semi-structured, lasting between 45 minutes and three hours, in Vietnamese. Forty-nine interlocutors comprised four religious scholars, one religious freedom activist, 20 pastors (primarily male, with one female pastor, aged between forty and sixty on average), and twenty-four believers from Protestant house

Fig. 1. Worship hall at Phan Thế Hiển House Church in Ho Chi Minh City. *Photo* by Le Van Tuyen.

churches in Hanoi and Ho Chi Minh City. Of the interlocutors, 37 were male, and 12 were female, with varied educational and professional backgrounds. All interlocutors provided informed consent, agreeing to the use of their information publicly while requesting anonymity in the final analysis.

The Emergence of House Churches in Vietnam: A Historical Perspective

Protestantism was officially introduced to Vietnam by the Christian and Missionary Alliance in 1911. The first Vietnamese Protestant association, the Evangelical Church of French Indochina, was established in 1927. However, Protestantism did not receive support from the colonial government, and its following grew slowly [Hoang Phu Le 1972]. During the First Indochina War (1946—1954), members of the association remained politically neutral. The original name was changed to The Evangelical Church of Vietnam in 1950. After the Geneva Agreement of 1954, the Evangelical Church of Vietnam, like the country itself, was divided into Southern and Northern branches. This division created a unique situation. Approximately 1,000 Protestant believers from the North migrated to the southern Republic of Vietnam, where Protestant communities were represented by various organizations, including the French Reformed Church, the Christian and Missionary Alliance, the Worldwide Evangelization Crusade, and the Seventh-day Adventists. While the largest Protestant association in Vietnam, the Evangelical Church of Vietnam—South (ECVN-S), was not officially recognized until 2001, the Evangelical Church of Vietnam—North (ECVN-N) had operated with official recognition from the Democratic Republic of Vietnam since 1958 [Phan 2014: 15].

During the Second Indochina War, spirituality and religion were leveraged to mobilize the people in the Republic of Vietnam against the Northern Democratic Republic of Vietnam [Nguyen Phi Van 2018]. With international support, the number of Protestant believers in the South surged from 13,155 in 1953 to 250,000 in 1975 [Chung Van Hoang 2017]. However, following reunification in 1975, southern Protestant associations were dissolved, foreign pastors were expelled, and Protestant properties, including the seminary in Nha Trang and hundreds of churches, were confiscated and destroyed. Consequently, the number of baptized Protestants in Vietnam potentially declined to 180,000 [Nguyễn Thanh Xuân 2020b].

Simultaneously, the government sought to exert control over the ECVN-S. With central government support, a deacon from Gia Dinh Church, Nguyễn Thành Long, established the United Protestant Church (Hội thánh Tin lành thống nhất), intended as an umbrella organization for all Protestant associations and churches. However, Deacon Nguyễn Thành Long was not particularly popular among Vietnamese Protestants, and most churches hesitated to join such a centrally established organization with a political agenda. The association dissolved after the deacon's sudden death in 1976. Since then, only the ECVN-S has officially operated, while other denominations and churches have continued their practices in private homes.

In the early 1980s, two Protestant churches and their pastors gained prominence in the south: Pastor Nguyễn Hữu Cương and his An Đông Church in District 5, and Pastor Hồ Hiếu Hạ and his No. 7 Trần Cao Vân Church in District 1. Pastor Nguyễn Hữu Cương, with a strong formal education, had previously served as a teacher at the

Protestant Seminary in Nha Trang and was renowned for his exceptional oratory skills. When the seminary was confiscated in 1975, he moved to An Đông Church in District 5, Ho Chi Minh City, where he organized a dedicated group of believers and celebrated Holy Communion twice a week. This, along with his oratorical skills, attracted a large number of people, both regular believers and new converts. The growing number of followers at the church drew the attention of the local administration, leading to its closure. Subsequently, the church's followers moved to the No. 7 Trần Cao Vân Church led by Pastor Hồ Hiếu Hạ.

Pastor Hạ and his wife were highly successful in evangelical work in the Central Highlands before 1975. After 1975, the couple returned to Ho Chi Minh City, where he was appointed as pastor at the No. 7 Trần Cao Vân Church. This church, officially part of the ECVN-S, originally served as an international congregation. However, with the departure of most foreigners in 1975, it was nearly abandoned. After welcoming the believers from An Đông Church, the situation improved significantly. During the socio-economic and political challenges of the 1970s and 1980s, Pastor Hồ Hiếu Hạ's preachings provided people with a sense of tranquility, support, and hope. This was particularly appealing to those suffering under the new regime, and the church gained increasing popularity. For instance, women whose husbands were sent to re-education camps found consolation at the church. They would then visit their husbands and encourage them to believe in God and convert to Protestantism (In-depth interview, pastor, male, 72 years old). Between 1978 and 1983, up to 1,000 people were converted to the ECVN-S [Nguyen Huu Cuong 1995; Reimer 2011]. The growing number of followers and the popularity of the No. 7 Trần Cao Vân Church attracted the attention of local authorities, leading to severe restrictions on the church's activities and its closure in 1983.

Following the dissolution of the An Đông and No. 7 Trần Cao Vân Churches, the Tuy Lý Vương Church has experienced significant growth under the leadership of Pastor Đinh Thiên Tứ. Although Tuy Lý Vương Church was located in District 8, Hồ Chí Minh City, which was a less convenient location compared to the two aforementioned churches, Pastor Tứ's teaching message, which carried the popular characteristics that people readily understood, was able to fulfill the need to ease the uncertainty, anxiety, and worries of many people at that time. Moreover, he employed effective strategies to encourage church members to witness, focusing on presenting the Protestant faith to unreached people (In-depth interview, pastor, male, 72 years old).

On the one hand, this growth led the leadership of the Evangelical Church of Vietnam (South) to worry that the explosive growth of the Tuy Lý Vương church would result in its closure, as had the An Đông and Trần Cao Vân churches. Additionally, Pastor Đinh Thiên Tứ and other pastors exhibited signs of influence from Pentecostal and charismatic ideas and worship styles introduced to Vietnam in the early 1970s, which were forbidden under the CMA's theological and organizational stance. On the other hand, in 1984, with the agreement of Reverend Ông Văn Huyên, the president of the ECVN-S at that time, and the support of the government, Pastor Nguyễn Văn Quang, as the head of a new committee, proceeded to abolish the ECVN-S constitution and prepared to enact a new one. This quickly led to disagreement and division within the ECVN-S, and many young and capable pastors lost confidence in some ECVN-S leaders, feeling they had been betrayed. All of this led the ECVN-S leadership to expel

Pastor Đinh Thiên Tứ for insubordination on March 3rd, 1988. Many members of the thriving Tuy Lý Vương church left with Pastor Tứ. Their activities and worship continued in private houses, which quickly formed a network of house churches. Within a short period, this became the biggest house church group. It was the first group of Protestant house churches in Vietnam and became the forerunner of the present-day Christian Fellowship Church of Vietnam.

Within the same year, three ECVN-S pastors — Trần Đình Ái, Võ Văn Lạc, and Trần Mai — were also expelled due to their allowing and practicing speaking in tongues, among other things. Pastor Trần Đình Ái reconnected with the Assemblies of God, a group he had been part of before 1975, which led to the founding of another house church, the Vietnam Assemblies of God. Even though the Vietnam Assemblies of God was founded on April 30th, 1989, it did not hold its first meeting until January 1990, and did not elect the official executive Board of the General Assembly (Ban điều hành Tổng hội) until January 1990. Pastor Trần Đình Ái was selected as the president, Phạm Phú Á nh as the general treasurer, and other pastors, including Bùi Thanh Sê, Lý Xuân Hòa, and Dương Thành Lâm, were elected as board members. But in June 1990, due to internal conflicts, Pastor Vơ Văn Lạc split from the Vietnam Assemblies of God and founded the Vietnam Full Gospel Church (Hội thánh Phúc Âm Toàn Vẹn Việt Nam) [Tọa đàm lần 1... 2016]. In addition, Pastor Trần Mai, based at the Trương Minh Giảng church, founded the Inter-Evangelistic Movement as a house church.

Following its inception in 1988, house churches experienced rapid growth in the 1990s but slowed down in the 2000s. By 2009, approximately 250,000 adherents worshiped at least 2,500 home-based groups in the country [Reimer 2011]. House churches also had international relationships with the Assemblies of God, the Mennonite, the Methodist, and the Presbyterian denominations. There were also some other independently organized house churches, but they still received foreign aid. In

Fig. 2. Sunday morning service at one House Church in Hanoi.
Photo by Le Van Tuyen.

1994, to maintain and develop under difficult circumstances, some house churches were connected to establish the Vietnam Evangelical Fellowship (Hiệp hội thông công Tin lành Việt Nam). By 2009, this fellowship comprised 29 southern house churches that were cooperating effectively in their shared activities [Ibid]. However, some other house churches did not participate in the associations as previously mentioned; instead, they promoted independent activities.

In short, the practice of worshipping in private homes among Vietnamese Protestants may have existed before 1988, given the political context after 1975 reunification. However, it could only grow into a large movement with the appearance of the four Protestant house churches mentioned above. The emergence of these house church groups should be regarded as a significant milestone in the history of Vietnamese Protestantism. To some degree, until this moment, Vietnamese Protestantism can be divided into two segments: the Evangelical Church of Vietnam (both North and South), known as the traditional churches, which adhere to the theology of the Christian and Missionary Alliance, and Protestant house churches. In general, Protestant house churches were characterized by Pentecostalism and a strong emphasis on spiritual gifts, with many believers prioritizing speaking in tongues and divine healing.

Reasons for the Thriving of Protestant House Churches in Vietnam

In this section, we examine the reasons for the thriving of Protestant house churches since their emergence. First, we agree with previous scholars that the collapse of the socialist system worldwide paved the way for the resurgence of Protestantism and other religions. As part of the political, economic, and social transformation under Doimoi, the Vietnamese communist state acknowledged the spiritual needs of the population and permitted greater religious freedom [Nguyen 2017]. Consequently, Vietnamese individuals were no longer hesitant to participate in religious activities, leading to an increase in conversions to various religions, including Protestantism [Nguyễn Thanh Xuân 2020b: 365; Le Thi Lien 2024].

We secondly argue that Protestantism is particularly successful in helping individuals face the diverse challenges posed by a free-market economy. Protestantism introduced a sense of community and friendliness among its followers, instilling trust and hope to help them navigate challenging circumstances. It also laid a moral foundation for members to extend care and compassion to others, particularly those facing adversity [Mã Phúc Thanh Tươi 2013, Vũ Thị Thu Hà 2018]. Since 1986, Vietnam has undergone rapid socioeconomic changes, compelling its people to seek new socioeconomic identities and life goals [Salemink 2010]. In response to this evolving landscape, Vietnamese Protestant Churches organized myriad outreach programs, even including entrepreneurial classes that focused on the intersection of religious life and the economy. These initiatives helped people navigate the challenges posed by the new reality of the market economy. This is considered one of the primary reasons for the rapid growth of Protestantism in Vietnam during the Doimoi era.

We, however, argue that the mentioned factors were merely foundational prerequisites for the prosperity of Protestantism and its house churches in Vietnam since

1986. To truly comprehend the success of Protestant house churches, it is crucial to delve into their organizational structures, evangelical strategies, and religious practices, as these are instrumental in attracting Protestant believers and converting new adherents.

Our data indicates that many conversions occurred due to challenging life circumstances or severe illnesses among new converts, as reported by 36 out of 45 interlocutors. Individuals facing serious illnesses or difficult life situations often turn to God for assistance and healing. As C&MA traditional churches do not practice divine healing, potential converts usually opt for smaller groups, such as house churches. If one is fully healed through so-called divine healing, or if one's difficult situation is suddenly resolved by a miracle-like event, he usually converts to Protestantism. At the same time, he [and the other members of the group who witnessed the change] became living witnesses of divine healing (or miracle story), encouraging others to join the faith. 31 of our interlocutors mentioned being attracted to those stories or having direct experience of divine healing, speaking in tongues, or miracles.

It is clear that information about divine healing, speaking in tongues, and miracle stories is more readily accepted when shared by trusted people, ideally in smaller groups where the story can be explained more fully [rather than in large, formal settings in traditional churches]. In this process, the individual networks proved crucial for building trust and sharing those stories. The individual networks are also crucial in missionary activities, which frequently employ anthropological research methods such as snowball sampling. Believers practicing in a particular house church usually introduce their family members, then their friends, and others they trust to the church. Because of pre-existing trust, the invited people are easier to convert, and after conversion, they continue introducing their family members, friends, and others who may be suitable for conversion.

As Vala and O'Brien [2008] explained, in the case of political and religious movements, prospective converts participate in religious activities not because they believe its messages, but because they are often enticed by friends or family members. Our in-depth interviews show that the majority of the interlocutors (37 out of 45) first visited the Church with family members and close friends. Individual relationships help increase newcomers' feelings of trust and safety.

At this point, it is possible to apply social network theories to explain how Protestant house churches spread through pre-existing personal networks, thereby creating a sense of familiarity, facilitating discussion of unfamiliar beliefs, and addressing potential doubts about the religion. As in Snow et al. [1980], our data suggest that social networks account for a substantial amount of new members in the Protestant house churches in Vietnam. In other words, in Vietnamese Protestant house churches, followers' social networks are the richest sources of religious conversion.

Our findings are also consistent with those of Gerlach and Hine [1970] and Lofland and Stark [1965], who argue that outdoor evangelism proved ineffective in Pentecostal churches because newcomers tend to be confused when they go beyond the network of members [Snow et al. 1980]. As one of the interlocutors from Hanoi indicated, "if the success rate of personal evangelism and networks is 1/20, then the success rate of massive evangelism in traditional churches has a very low success rate, only about 1/100"

(in-depth interview, deacon, 29-year-old male). We observe that a new house church is usually established by a few families meeting together to worship God. The social capital of house churches is built on family, friends, and co-workers. Its activities usually start with Bible study. Then, the people are invited to participate in common prayers and community activities. The house church usually operates under the leadership of a pastor or a trained house church leader, often a family member of the house church followers. Over time, the group cultivated good relationships with other potential converts. At the end, the church may consist of 20—30 believers, led by one or two most active or trained members.

These small groups are ideal for evangelistic activities, such as Bible reading, collective prayer, and singing hymns. The intimate environment of small house churches also makes the believers (30 of 45) feel more comfortable when sharing personal experiences or making public confessions. We observe that after the worship services, the house church leader invites participants to share their problems and asks the house church followers to pray for help (Fieldote data). Most interlocutors indicate that it is easier for them to confess their own shortcomings and discuss sensitive issues (such as conflicts in one's marriage, unemployment, etc.) in a small group. Many interlocutors (25 of 45) clearly stated that they would not be able to do so in the big Church in front of several hundred people.

The appeal of house churches also lies in their ability to provide space for various forms of leisure, entertainment, and socialization. As a pastor shared: "Today, there are many forms of impersonal entertainment, such as watching TV, discussing on social media, or searching for information online. But in the past, attending church was an important form of socialization ... Many people who felt alone at home came to church just to be in contact with others" (In-depth interview, pastor, 51-year-old male).

The appeal of Protestant house churches to local people is enhanced by the fact that they are often founded to fill the gap left by the absence of large traditional churches in geographically remote areas. This means not only a substitution for the low density of Protestant churches in the Vietnamese countryside but also an alternative to overcrowded churches in big cities. For instance, the Hmong people from the Bắc Sơn Evangelical Church in the North had to travel more than 14 kilometers through the forest to reach their main church to celebrate the regular Holy Communion and worship God. The formation of house churches in their area immediately led to much higher local participation in Protestant activities.

Also, the other interlocutors (25 of 45) indicate that the time and spatial accessibility of the house churches are important factors in helping them participate actively in religious activities. As a female pastor shared: "My church's believers are mostly women. They have to travel up to an hour to reach our Church. But, they are usually in charge of domestic work, and the house church group saves their time, and they can take better care of their children and family."

To ensure the proper functioning of house churches, a relatively large number of religious leaders at various levels is needed. To ensure a sufficient number of leaders, house churches offer a range of educational programs to train and then ordain pastors. According to our interlocutors, it is relatively easy to provide training for various religious activities in small groups. Future pastors or leaders of house churches can learn

from their more experienced colleagues and immediately apply what they learn in their own house church group. As an interlocutor puts it: "It is very easy; we are learning by doing... but we would never be able to do it in big churches" (In-depth interview, pastor, 64-year-old male; deacon, male, 29-year-old male).

Finally, the limitation of traditional churches also contributed to the rapid growth of the Protestant house churches. Since its introduction by C&MA, following the church-based hierarchical model has revealed limitations, such as more formal, ritualistic worship. In contrast, house churches with a worship style that better addresses emotional needs through spiritual gifts, speaking in tongues, and divine healing, could gain new appeal.

Conclusion

More broadly, this article examines the religious transformation in post-Reforms Vietnam through the case of Protestant house churches. In doing so, it delves into the historical conditions that led to the emergence of the house church movement in Vietnam. Evidently, the movement originated with the expulsion of young pastors, including Đinh Thiên Tứ, Trần Đình Ái, Võ Văn Lạc, and Trần Mai, from the Evangelical Church of Vietnam (South) in 1988. However, the rapid expansion of Protestant house churches can be attributed to several other factors. This article contributes to the existing scholarship by arguing that the breakdown of the centrally planned economy and the post-socialist ideological void created space for the resurgence of religion in Vietnamese society. The growth of Protestantism can also be linked to its ability to provide solace to those navigating the challenges of the free market. Yet these were merely socio-economic and political prerequisites for the growth of religion since Vietnam's socio-economic transformation. The primary reasons for the success of Protestant house churches in Vietnam lie in their organizational structure and evangelical strategies.

The article argues that the close-knit nature of small-house church groups is highly effective at attracting new converts. This effectiveness stems either from the foundation of trusted family and friendship relationships or from the conducive environment within house churches for expressing and witnessing practices such as speaking in tongues, divine healings, and miracle stories — elements identified as particularly appealing to new converts. Additionally, factors such as the ease of access to house churches and a relatively robust system of religious training for leadership are recognized as contributors to the rapid growth of Protestant house churches in Vietnam since 1986.

This article, however, has some limitations. It has not yet exhaustively examined the relationship between house churches and traditional churches, nor the similarities and differences between these two forms of church organization. The ongoing development is bringing these two forms of church organization closer together; thus, there are overlapping reasons that could explain the growth of both. Moreover, this article has not yet explicitly defined whether this relationship is complementary or antagonistic, or how these two forms of religion complement or limit each other. Equally important, it is necessary to delve into the limitations of Protestant house churches. In addition, the thriving of house churches could be explained by their

participation in social activities to attract the community's attention or by aid from foreign organizations, as several studies noted. More importantly, future research should examine the rationale behind this aid.

References

Chung Van Hoang (2017). Evangelizing Post-Đổi Mới Vietnam: The Rise of Protestantism and the State's Response. *ISEAS Perspective,* 34: 1—8. URL: https://www.iias.asia/the-newsletter/article/evangelizing-post-doi-moi-vietnam-rise-protestantism-states-response (accessed: 01.07.2024).

Đoàn Triệu Long (2012). Đạo Tin Lành buổi đầu vào Việt Nam [Protestantism on the First Days Entered Vietnam]. *Nghiên cứu Tôn giáo* [*Religious Review*], 1: 43—49.

Gerlach Luther P., Virginia H. Hine (1970). *People, Power, Change: Movements of Social Transformation*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, p. 79—98. (In Vietnamese)

Hoang Phu Le (1972). A Short History of the Evangelical Church of Vietnam (1911—1965), New York University, p. 146—147.

Le Thi Lien (2024). Transformation in Beliefs and Religious Practices among Religious Followers in Present-Day Vietnam. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8(3): 57—69. DOI: 10.54631/VS.2024.83-636573.

Lofland John, Stark Rodney (1965). Becoming a World-Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective. *American Sociological Review,* 30(6): 862—75. URL: https://www.romolocapuano.com/wp-content/uploads/2016/01/Lofland-and-Stark-becoming-a-worldsaver.pdf (accessed: 30.06.2026).

Mã Phúc Thanh Tươi (2013). Đạo đức Tin lành và lối sống đạo đức của tín đồ tại Việt Nam hiện nay [Protestant Ethics and the Moral Lifestyle of Believers in Vietnam Today]. PhD Dissertation, Vietnam National University of Hanoi. (In Vietnamese)

Nguyen H.D. (2017). The Religious Policy of the State and Communist Party of Vietnam under Renovation. *Russian Journal of Vietnamese Studies,* 1(7): 329—347. URL: https://vietnamjournal.ru/2618-9453/article/view/84259 (accessed: 30.06.2026).

Nguyễn Hồng Dương (2014). Toát yếu về Tin Lành ở Miền Bắc Việt Nam giai đoạn 1911—1975 [Summary of Protestantism in Northern Vietnam During the Period 1911—1975]. *Nghiên cứu Tôn giáo* [*Religious Review*], 6: 82—90. (In Vietnamese)

Nguyen Huu Cuong (1995). The Growth of Certain Protestant Churches in Saigon under the Vietnamese Communist Government from 1975. Doctor of Ministry Dissertation, San Francisco Theological Seminary.

Nguyen Phi Van (2018). A Secular State for a Religious Nation: The Republic of Vietnam and Religious Nationalism, 1946—1963. *The Journal of Asian Studies,* 77 (3): 741—71. DOI: 10.1017/S0021911818000505.

Nguyễn Thanh Xuân (2002). *Bước đầu tìm hiểu đạo Tin Lành trên thế giới và ở Việt Nam* [*Initial Steps to Learn About Protestantism in the World and in Vietnam*]. Hanoi: Religious Publishing House. (In Vietnamese)

Nguyễn Thanh Xuân (2020a). *Tôn giáo và chính sách Tôn giáo ở Việt Nam* [*Religion and Religious Policy of Vietnam*]. Hanoi: Religious Publishing House. (In Vietnamese)

Nguyễn Thanh Xuân (2020b). The Development of Protestantism in Vietnam. *Journal of Political Theory,* 25, April 22. URL: http://lyluanchinhtri.vn/home/en/index.php/practice/item/715-protestantism-in-central-highlands-and-current-issues.html (accessed: 05.07.2025).

Nguyễn Xuân Hùng (2011). Hiện tượng gia tăng các Hội thánh tư gia Tin lành hoạt động độc lập — Những tiếp cận nghiên cứu ban đầu [The Phenomenon of Increasing Protestant House Churches Operating Independently — Initial Research Approaches]. In *Viện Khoa học xã hội Việt Nam, Đời sống*

tôn giáo ở Việt Nam và Trung Quốc [*Vietnam Academy of Social Sciences, Religious Life in Vietnam and China*], pp. 225—235. Hanoi: Encyclopedia Publishing House. (In Vietnamese)

Nguyễn Xuân Hùng (2017). Quá trình truyền giáo của đạo Tin Lành tại Việt Nam từ năm 1911 đến năm 1975 [The Missionary Process of Protestantism in Vietnam from 1911 to 1975]. PhD Dissertation, Vietnam Academy of Social Sciences. (In Vietnamese)

Phan Peter C (2014). "Christianity in Vietnam Today (1975—2013): Contemporary Challenges and Opportunities." *International Journal for the Study of the Christian Church* 14 (1): 3—21. DOI: 10.1080/1474225X.2014.882706.

Reimer Reg (2011). *Vietnam's Christians: A Century of Growth in Adversity*. William Carey. URL: https://books.google.com.vn/books?hl=vi&lr=&id=0E-JEAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR7&dq=Vietnam%E2%80%99s+Christians:+A+Century+of+Growth+in+Adversity&ots=6ZmAPRrPcB&sig=HxFSmFU_XonM9Bkm8O1dMF50iYc&redir_esc=y#v=onepage&q=Vietnam%E2%80%99s%20Christians%3A%20A%20Century%20of%20Growth%20in%20Adversity&f=false (accessed: 16.09.2026).

Rumsby Seb (2023). *Development in Spirit: Religious transformation and everyday politics in Vietnam's highlands*. University of Wisconsin Press. URL: https://books.google.com.vn/books?hl=vi&lr=&id=mT2xEAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR5&dq=Seb+Rumsby&ots=pZHtcHWHy8&sig=A1onihYESh1FrCkBrbD3ONMPG8M&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 16.09.2026).

Salemink Oscar (2010). Tìm kiếm sự an toàn tinh thần trong xã hội Việt Nam đương đại [Searching for Spiritual Security in Contemporary Vietnamese Society]. In *Hiện đại và động thái của truyền thống ở Việt Nam: Những cách tiếp cận nhân học* [*Modernity and the Dynamics of Tradition in Vietnam: Anthropological Approaches*], pp. 1—22. Vietnam National University Press of Ho Chi Minh. (In Vietnamese)

Snow David A., Louis A. Zurcher Jr., Sheldon Ekland-Olson (1980). Social Networks and Social Movements: A Microstructural Approach to Differential Recruitment. *American Sociological Review,* 45 (5): 787—801. DOI: 10.2307/2094895.

Tâm Ngô (2016). *The new way: Protestantism and the Hmong in Vietnam*. University of Washington Press. URL: https://books.google.com.vn/books?hl=vi&lr=&id=ZFBADAAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=T%C3%A2m+Ng%C3%B4+New+way&ots=C8zvbMwWAe&sig=RnOB9wRbArC3GzihUV-I0AnY24s&redir_esc=y#v=onepage&q=T%C3%A2m%20Ng%C3%B4%20New%20way&f=false (accessed: 16.09.2026).

Tọa đàm lần 1 — 2016 — Nhân dịp Lễ cảm tạ, Kỷ niệm 100 năm Hội thánh Tin lành Hà Nội [1st Seminar — 2016 — On the Occasion of the Thanksgiving Day and the 100th Anniversary of the Hanoi Protestant Church]. Cộng đồng Tin lành tại Hà Nội [The Protestant community in Hanoi]. Hanoi: Cộng đồng Tin lành tại Hà Nội, 2016. (In Vietnamese)

Tôn giáo và chính sách tôn giáo ở Việt Nam [*Religion and Religious Policy of Vietnam*]. Ban Tôn giáo Chính phủ [Government Committee for Religious Affairs]. Hanoi: Religious Publishing House, 2015. 125 p. (In Vietnamese)

Vala Carsten T., O'Brien Kevin (2008). Recruitment to Protestant House Churches. In *Popular Protest in China*, edited by Kevin O'Brien, pp. 108—125. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Vietnam Observer (2001). Dimensions of the Protestant Movement in Vietnam and Religious Freedom Restrictions and Abuses They Suffer. October 15. Cited in Human Rights Watch. 2002. *Repression of Montagnards: Conflicts over Land and Religion in Vietnam's Central Highlands*. URL: https://www.hrw.org/reports/vietnam0402.pdf (accessed: 01.07.2026).

Vũ Thị Thu Hà, ed. (2018). *Giá trị và chức năng của Tin lành trong vùng dân tộc thiểu số ở Việt Nam hiện nay* [*The Value and Function of Protestantism in Ethnic Minority Areas in Vietnam Today*]. Hanoi: Social Publishing House, p. 112—130. (In Vietnamese)

Дата поступления статьи: 15.05.2026 Received: May 15, 2026
Дата поступления в переработанном виде: 14.09.2026 Received in revised form: September 14, 2026
Принята к печати: 16.09.2026 Accepted: September 16, 2026

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИЙ

О защите диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук Мартыновой Еленой Святославовной (ФГАУН Институт Китая и современной Азии (ИКСА РАН) на тему «Интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии и перспективы формирования Большого Евразийского партнерства»

On the defense of the thesis for the degree of Candidate of Political Sciences by Elena Svyatoslavovna Martynova (Institute of China and Modern Asia (ICSA RAS) on the topic "Integration processes in Southeast Asia and prospects for the formation of a Large Eurasian Partnership"

Защита диссертации по специальности 5.5.4. — Международные, глобальные и региональные исследования — состоялась 25 сентября 2026 г. на заседании Диссертационного совета 99.1.121.02 на базе Институт Китая и современной Азии (ИКСА РАН) и Института Латинской Америки (ИЛА РАН).

Цель диссертационного исследования — выявление перспектив институционального оформления Большого Евразийского партнерства на основе сравнительного анализа интеграционных процессов в АСЕАН и ЕАЭС. Работа содержит анализ динамики развития таких Международных институтов многостороннего сотрудничества (МИМС) как АСЕАН и ЕАЭС в целях определения насколько эти организации являются эффективными, и сможет ли их конструктивное взаимодействие составить основу формирующегося Большого Евразийского партнерства. По мнению диссертанта, сотрудничество по линии ЕАЭС—ОС—АСЕАН может стать «ядром» для формирования БЕП. Концепция создания БЕП подразумевает поиск общего знаменателя, который мог бы объединить различные страны региона вопреки всему, что их разъединяет. Такой подход напрямую перекликается со стратегией и тактикой АСЕАН. А сопряжение АСЕАН и ЕАЭС как «ядра» БЕП могло бы позволить решить многие задачи, стоящие перед этими объединениями.

Научный руководитель: Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник ИКСА РАН.

Ведущая организация: Федеральное государственное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» (НГТУ).

Оппоненты:

Сумский Виктор Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований Федерального государственного бюджетного научного учреждения Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН).

Королев Александр Сергеевич, кандидат политических наук, доцент департамента международных отношений факультета международных отношений и мировой политики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Основные публикации по теме диссертации

1. Мартынова Е.С. Сотрудничество России и АСЕАН в контексте формирования Большого Евразийского партнёрства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Том IV, Том IV, № 4 (53). С. 20—36.

2. Мартынова Е.С. Глобальные трансрегиональные инициативы в современной мировой политике: эволюция внешнеполитических стратегий ведущих держав в Азии и позиция АСЕАН // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Том II, № 2 (51). С. 30—48.

3. Мартынова Е.С. Сотрудничество России и АСЕАН в контексте формирования Большого Евразийского партнёрства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Том IV, № 4 (53). С. 20—36.)

4. Мартынова Е.С. Факторы институциональной динамики региональной интеграции на примере АСЕАН и ЕАЭС // Россия и новые государства Евразии. 2024. № I (LXII). С. 42—57.

5. Мартынова Е.С. Торгово-экономическое сотрудничество ЕАЭС и АСЕАН: что «пятерка» и «десятка» могут предложить друг другу // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. Том 3, № 3 (64). С. 24—37.

О защите диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук Во Тиен Зунгом (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)» на тему «Совершенствование методики проектирования жестких покрытий гражданских аэродромов для условий Вьетнама»

On the defense of the thesis for the degree of Candidate of Technical Sciences In Tien Dung (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI)" on the topic "Improving the methodology of designing rigid surfaces of civil airfields for the conditions of Vietnam"

Защита диссертации по специальности 2.1.8. — Проектирование и строительство дорог, метрополитенов, аэродромов, мостов и транспортных тоннелей состоялась 17 сентября 2026 г. на заседании диссертационного совета 24.2.328.02 на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный автомобильно-дорожный технический университет (МАДИ)».

Целью диссертационной работы является совершенствование методики проектирования и расчета жестких аэродромных покрытий, с учетом перспективразвития гражданской авиации Вьетнама. Научная новизна работы заключается в следующем: разработан алгоритм расчета краевой зоны плиты с различными граничными условиями при действии нагрузок от колеса самолета, алгоритм реализован в виде программного модуля; разработанная методика расчета позволяет исследовать напряженно-деформированное состояние плиты жесткого аэродромного покрытия при наиболее характерных для аэропортов Вьетнама условия; впервые обоснован и применен метод компенсирующих нагрузок к расчету аэродромного покрытия жесткого типа для условий Вьетнама. При проведении анализа подробно рассмотрены особенности существующей сети гражданских аэропортов Вьетнама и перспективы ее развития, сделан исторический обзор формирования гражданской авиации Вьетнама, включающий довоенный и послевоенный периоды, Особое внимание уделено основным проблемам, выявленным в настоящее время при эксплуатации жестких аэродромных покрытий аэропортов Вьетнама.

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент Татаринов Владимир Владимирович, ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», доцент кафедры «Аэропорты, инженерная геология и геотехника.

Ведущая организация: Федеральное государственное унитарное предприятие «Государственный проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт гражданской авиации «Аэропроект» (ФГУП ГПИ и НИИ ГА «Аэропроект»)

Официальные оппоненты: Овчинников Игорь Георгиевич, доктор технических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», профессор базовой кафедры АО «Мостострой-11»;

Попов Владимир Аркадьевич, кандидат технических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе ООО «Газпромнефть — Промышленные инновации».

Основные публикации по теме диссертации

1. Оценка неровности аэродромных покрытий по методу федерального авиационного агентства / Хиеу Ван Нгуен, До Ван Тзуй, Во Тиен Зунг, В.В.Татаринов // Наука и техника в дорожной отрасли. 2021. № 4 (98). С. 27—29.

2. Оценка вероятности аварийных ситуаций аэропорта Кон Дао во Вьетнаме/ Нгуен Ван Хиеу, Зыонг Зуй Кань, Нгуен Хыу Лам, Во Тиен Зунг, В.В. Татаринов // Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного техническогоуниверситета (МАДИ). 2023. № 4(75). С. 13—19.

3. Расчет жесткого аэродромного покрытия методом компенсирующих нагрузок в условиях Вьетнама / В.В. Татаринов, Во Тиен Зунг // Транспортное строительство. 2026. № 1. С. 42—44.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Адекватно оценивать уровень цифровизации Вьетнама

Adequately Assess the Level of Digitalization in Vietnam

Уважаемая редакция!

Моё внимание привлекла опубликованная в вашем журнале статья **Е.А. Разумова «Китай и Вьетнам: сотрудничество и конкуренция в эпоху цифровизации» (№ 1/2026, с. 21—31).** Она посвящена актуальной проблеме цифровой трансформации стран Юго-Восточной Азии и Китая. Статья Е.А. Разумова раскрывает отношения между СРВ и КНР в цифровой сфере через концепцию «асимметричного сотрудничества-конкуренции». Заслуживает положительной оценки анализ этих отношений через призму четырёх областей: инфраструктуры, стандартов, инвестиций и образования. Все они рассматриваются в рамках «Цифрового Шелкового пути» — практической стратегии Пекина в области технологий и внешнеэкономической политики в киберпространстве Юго-Восточной Азии.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в статье практически отсутствует анализ с точки зрения внутренней специфики цифровой экономики Вьетнама. В списке литературы автора очень мало источников, отражающих цифровизацию, цифровой суверенитет, кибербезопасность и стратегию развития инфраструктуры сетей 5G/6G именно во Вьетнаме. На этих пробелах хотелось бы остановиться поподробнее.

Об анализе правовой базы в сфере цифровых технологий

Автор интерпретирует Закон о кибербезопасности (2018 г.) и Постановление правительства СРВ № 13 о защите персональных данных (2023 г.), прежде всего, как средство противодействия доминированию Китая (с. 25). Однако в контексте

глобальной цифровизации это правильнее рассматривать как общемировую тенденцию, направленную на защиту прав потребителей. Многие страны мира уже приняли подобные правовые акты, такие как Общий регламент по защите данных Европейского союза, Закон о защите прав потребителей штата Калифорния (США), Закон о защите персональных данных Сингапура и Закон о защите персональной информации Японии. Вьетнам не разрабатывал эти законы самостоятельно с целью противостояния доминированию Китая: правовая база Вьетнама по защите персональных данных (действующая в соответствии с Постановлением правительства № 13/2023/NĐ-CP) частично основана на Общем регламенте по защите данных Европейского союза, например, в отношении права на удаление данных и права на доступ к данным, но сохраняются различия в отношении права на перенос данных. Кроме того, положения, закрепленные в этих правовых рамках, применяются ко всем иностранным технологическим корпорациям во Вьетнаме на равных условиях, а не разделяются на отдельные положения, предназначенные исключительно для китайских компаний.

Автор считает, что китайская модель представляет собой единый блок с одной общей целью. Однако следует проводить разграничение между национальными интересами КНР и коммерческими интересами китайских компаний. На самом деле, национальные интересы Китая часто связаны со стратегическими целями, такими как безопасность данных, геополитическое влияние, контроль над технологиями или расширение национальной власти. Между тем интересы крупных китайских технологических компаний во Вьетнаме обычно сосредоточены на выручке, доле рынка, затратах, доступе к потребителям и соблюдении законодательства Вьетнама, чтобы успешно конкурировать с другими иностранными компаниями.

О внутреннем цифровом потенциале Вьетнама

Во-первых, автор не учел, что Вьетнам относится к числу шести стран мира, способных самостоятельно производить сетевое оборудование 5G. В ряду этих шести стран выделяются Швеция, где находится компания Ericsson и Финляндия, известная благодаря корпорации «Nokia». Китай представлен двумя крупными компаниями: Huawei (поставщиком оборудования 5G с крупнейшей долей рынка в мире) и ZTE. Южная Корея известна в основном корпорацией Samsung, поставляющей большое количество базовых станций и сетевого оборудования в Азию и Северную Америку. В США такие корпорации, как Qualcomm, Cisco и Mavenir, занимают монопольное положение в сфере чипсетов и управляющего программного обеспечения, а также лидируют в развитии открытых сетей Open RAN. И, наконец, Вьетнам, где концерн «Viettel» успешно разработал чип 5G DFE с вычислительной мощностью 1000 миллиардов операций в секунду, полностью соответствующий международным стандартам 3GPP (3rd Generation Partnership Project) [Chip 5G DFE Viettel... 2025].

Во-вторых, по состоянию на середину 2026 г. общее количество станций 5G во всей телекоммуникационной сети Вьетнама превысило отметку в 40 тыс., из

которых около 2500 (6 %) были произведены самостоятельно и введены в коммерческую эксплуатацию в соответствии с международными стандартами. Инфраструктура 5G во Вьетнаме в целом обеспечила покрытие примерно 92 % населения страны всего за чуть более года (в то время как в развитых странах для достижения 80 % покрытия обычно требуется 2—3 года) [Trọng Đạt, Huy Quang 2026]. То, что Вьетнам обеспечил почти всё население страны помощью станций 5G стало не результатом массового импорта или вовлечения в китайскую программу «Цифровой Шелковый Путь», а следствием того, что Вьетнам дождался благоприятных результатов развития данных технологий, когда цена базовой станции 5G снизилась с 50 000 до 30 000 долл. США, и только тогда принял решение о вложениях в эту сферу [там же]. Вьетнамские станции Open RAN помогли сэкономить до 24 % электроэнергии по сравнению с традиционным оборудованием, а процесс стандартизации технологии осуществляется через такие международные организации, как МСЭ и 3GPP, что обеспечивает бесперебойную работу сети по всему миру.

Следует также подчеркнуть, что китайские компании Huawei и ZTE не являются «ключевыми поставщиками оборудования для строительства сетей 5G» во Вьетнаме, как утверждает Е.А. Разумов (с. 24). Рынок более чем 40 тыс. коммерческих базовых станций 5G во Вьетнаме поделен следующим образом: на долю Ericsson и Nokia приходится, по оценкам, 75—85 % всех станций 5G во Вьетнаме, а на долю компании Samsung — менее 5 %. Кроме того, в рамках контракта компании Viettel на развертывание сети 5G RAN (от 50 до 100 тыс. станций к концу 2024 г.) компании Ericsson [Nguyên Bảo 2024] и Nokia [Nokia wins 5G deal... 2024] получили подряды на две трети объема работ, причем на долю Ericsson приходится большая часть. Остальную часть выполняет Qualcomm. В этом ключевом тендере не участвуют такие китайские компании, как Huawei и ZTE.

В-третьих, автор приписал Армейский промышленно-телекоммуникационный концерн «Viettel» попытку Вьетнама уменьшить зависимость от Китая. На самом деле место этого концерна во вьетнамской экономике совсем другое. Согласно данным за 2025 год группа «Viettel» с капиталом 8,9 млрд долл. США заняла первое место по стоимости телекоммуникационного бренда в Юго-Восточной Азии и 16-е место в мире. Выручка группы составила 7,5 млрд долл., а прибыль — 2 млрд долл. [Viettel Profile 2025] «Viettel» также освоила технологию 5G и экспортирует телекоммуникационные технологии на международный рынок, обслуживая более 130 млн клиентов по всему миру в Азии (Мьянма, Камбоджа, Лаос, Восточный Тимор), Африке (Камерун, Бурунди, Танзания, Мозамбик) и Америке (Гаити, Перу). Как видно, сама по себе эта корпорация уже является глобальной, а не региональной [Hạ An 2025].

В отчете Gartner Magic Quadrant 2025 по инфраструктуре 5G RAN компания Viettel High Tech отнесена к группе поставщиков с узкоспециализированными компетенциями [Gartner Recognizes Viettel 2025]. Это первый случай, когда технологическая компания в ЮВА самостоятельно разработала оборудование 5G и была отмечена на глобальной телекоммуникационной арене [Lần đầu thiết... 2025]. Viettel High Tech оказалась в одном рейтинге с крупными международными компаниями, специализирующимися на нишевых беспроводных решениях,

такими как Rakuten, Fujitsu и Comba. Совсем недавно, к 2026 г., компания Viettel High Tech успешно произвела и вывела на рынок станции 5G под лозунгом «Сделано во Вьетнаме, произведено Viettel», которые сертифицированы Министерством информации-связи СРВ как соответствующие международным стандартам.

Правительство СРВ всегда считало, что телекоммуникационная инфраструктура является информационной артерией страны, аналогично транспортной и энергетической инфраструктуре [Việt Nga 2024]. Компания Viettel High Tech не только закупает или собирает продукцию, но и самостоятельно разрабатывает программное обеспечение для центральных подразделений и дистрибьюторских сетей, полностью заменяя программное обеспечение, лицензии на которое пришлось бы приобретать у таких компаний, как Ericsson, Huawei или Nokia. Использование Вьетнамом на 100 % собственных технологий Viettel не только позволяет сэкономить крупные суммы на инвестициях в развитие внутренней инфраструктуры, но и обеспечивает высочайший уровень информационной безопасности как для населения, так и для государственных органов, а также открывает возможности для экспорта оборудования и программного обеспечения на другие внешние рынки.

Кроме того, акционерное общество «Группа VNG» (первая технологическая «единорог»-компания Вьетнама) также описывается автором как небольшой стартап (с. 27), хотя в настоящее время эта группа уже не зависит от мелких раундов привлечения средств, а является публичной компанией с глобальным притоком капитала. В компании работает более 4000 инженеров, экспертов и высококвалифицированных специалистов в разных городах Юго-Восточной Азии — в Хошимине, Бангкоке, Куала-Лумпуре, Маниле, Сингапуре, Тайбэе и Шанхае.

Еще с одним утверждением автора трудно согласиться. Е.А. Разумов считает, что обучение вьетнамских специалистов компанией Huawei приведет к их зависимости от китайского подхода (с. 26). Однако это не совсем верно, поскольку сертификаты HCIA/HCIP, получаемые по программам Huawei, основаны на общих базовых знаниях в области телекоммуникационных сетей в соответствии с учебным планом Академии Huawei ICT [Huawei ICT Academy Brochure 2025]. С технической точки зрения вьетнамские инженеры по-прежнему смогут без труда работать с оборудованием таких компаний, как Cisco, Ericsson и Nokia. Даже две основные архитектуры развертывания сетей 5G — NSA (Non-Standalone) и SA (Standalone) — стандартизированы на глобальном уровне в рамках 3GPP. Это международный альянс, занимающийся совместной разработкой стандартов мобильной связи, в который входят партнеры из США, Европы, Южной Кореи, Японии, а также Китая и Индии. Таким образом, не только Китай обладает правом на установление технических требований. Любое 5G-оборудование, соответствующее стандарту 3GPP, обладает базовой совместимостью, и любой инженер сможет легко с ним работать, если в сети используется архитектура Open RAN. Компания Viettel внедряет архитектуру Open RAN, в которой аппаратное и программное обеспечение разделены, путем объединения американских чипов (Qualcomm), вьетнамского программного обеспечения (Viettel) и обеспечения совместимости с японским оборудованием (NEC/Docomo), что является ярким примером архитектуры с участием многих поставщиков.

Завершая изложение замечаний по статье Е.А. Разумова, хотела бы еще раз отметить высокий уровень проведенного им исследования и посоветовать ему и другим российским авторам больше опираться на вьетнамские источники при изучении тех или иных проблем Вьетнама.

Автор: Нгуен Тхи Хай Ань, старший лаборант-исследователь, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН. ORCID: 0009-0001-2887-1452. E-mail: nguyen@iccaras.ru

Для цитирования: *Нгуен Тхи Хай Ань*. Адекватно оценивать уровень цифровизации Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 112—117.

Author: Nguyen Thi Hai Anh, Senior Research Assistant, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Center for Vietnam and ASEAN studies. ORCID: 0009-0001-2887-1452. E-mail: nguyen@iccaras.ru

For citation: Nguyen Thi Hai Anh (2026). Adequately Assess the Level of Digitalization in Vietnam. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 112—117.

Список литературы

Gartner Recognizes Viettel: Vietnam Joins the Ranks of 5G Technology Leaders // PR Newswire, 15.10.2025. URL: https://www.prnewswire.com/ae/news-releases/gartner-recognizes-viettel-vietnam-joins-the-ranks-of-5g-technology-leaders-302585029.html (дата обращения: 20.08.2026).

Hạ An. Viettel lần đầu tiên xuất khẩu thiết bị 5G sang Trung Đông [Viettel впервые экспортировал оборудование 5G на Ближный Восток] // VTC News, 07.03.2025. URL: https://vtcnews.vn/viettel-lan-dau-tien-xuat-khau-thiet-bi-5g-sang-trung-dong-ar930158.html (дата обращения: 15.08.2026). (На вьет. яз.)

Huawei ICT Academy Brochure // Huawei, 2025. URL: https://e.huawei.com/en/documents/others/4a5e490ebf5b4e51ab1600994aeb3d8f (дата обращения: 10.08.2026).

Lần đầu thiết bị viễn thông của Việt Nam chinh phục “tiêu chuẩn vàng” toàn cầu [Впервые вьетнамское телекоммуникационное оборудование покорило глобальный «золотой стандарт»] // Vietnam Plus, 21.10.2025. URL: https://www.vietnamplus.vn/lan-dau-thiet-bi-vien-thong-cua-vietnam-chinh-phuc-tieu-chuan-vang-toan-cau-post1071680.vnp (дата обращения: 15.08.2026). (На вьет. яз.)

Nguyên Bảo. Viettel mở rộng hợp tác với Ericsson trong triển khai mạng 5G [Viettel расширяет сотрудничество с Ericsson в развертывании сети 5G] // Nhân dân [Нянзан], 15.10.2024. URL: https://nhandan.vn/viettel-mo-rong-hop-tac-voi-ericsson-trong-trien-khai-mang-5g-post836936.html (дата обращения: 15.08.2026). (На вьет. яз.)

Nokia wins 5G deal with Viettel Group in Vietnam // Nokia, 23.09.2024. URL: https://www.nokia.com/newsroom/nokia-wins-5g-deal-with-viettel-group-in-vietnam/ (дата обращения: 15.08.2026).

Trọng Đạt, Huy Quang. Việt Nam triển khai 5G nhanh top đầu thế giới [Вьетнам входит в число мировых лидеров по темпам развертывания 5G] // VnExpress, 31.07.2026. URL: https://vnexpress.net/viet-nam-trien-khai-5g-nhanh-top-dau-the-gioi-5103721.html (дата обращения: 20.08.2026). (На вьет. яз.)

Việt Nga. Hạ tầng viễn thông là hạ tầng chiến lược, trọng yếu [Телекоммуникационная инфраструктура является стратегической и ключевой инфраструктурой]. Bộ Khoa học và Công nghệ [Министерство науки и технологий], 29.12.2024. URL: https://mst.gov.vn/ha-tang-vien-thong-la-ha-tang-chien-luoc-trong-yeu-197250106155153051.htm (дата обращения: 18.08.2026). (На вьет. яз.)

Viettel Profile 2025 // Viettel, 2025. URL: https://viettel.com.vn/media/viettel/documents/Viettel_Profile-2025-trangdoi.pdf (дата обращения: 25.07.2026).

References

Gartner Recognizes Viettel: Vietnam Joins the Ranks of 5G Technology Leaders. *PR Newswire*, 15.10.2025. URL: https://www.prnewswire.com/ae/news-releases/gartner-recognizes-viettel-vietnam-joins-the-ranks-of-5g-technology-leaders-302585029.html (accessed: 20.08.2026).

Hạ An (2025). Viettel lần đầu tiên xuất khẩu thiết bị 5G sang Trung Đông [Viettel exports 5G equipment to the Middle East for the first time]. *VTC News*, March 07. URL: https://vtcnews.vn/viettel-lan-dau-tien-xuat-khau-thiet-bi-5g-sang-trung-dong-ar930158.html (accessed: 15.08.2026). (In Vietnamese)

Huawei ICT Academy Brochure. *Huawei*, 2025. URL: https://e.huawei.com/en/documents/others/4a5e490ebf5b4e51ab1600994aeb3d8f (accessed: 10.08.2026).

Lần đầu thiết bị viễn thông của Việt Nam chinh phục "tiêu chuẩn vàng" toàn cầu [For the first time, Vietnamese telecommunications equipment conquers the global "gold standard"]. *Vietnam Plus*, 21.10.2025. URL: https://www.vietnamplus.vn/lan-dau-thiet-bi-vien-thong-cua-viet-nam-chinh-phuc-tieu-chuan-vang-toan-cau-post1071680.vnp (accessed: 15.08.2026). (In Vietnamese)

Nguyên Bảo (2024). Viettel mở rộng hợp tác với Ericsson trong triển khai mạng 5G [Viettel expands partnership with Ericsson on 5G network deployment]. *Nhân dân* [*Nhandan*], October 15. URL: https://nhandan.vn/viettel-mo-rong-hop-tac-voi-ericsson-trong-trien-khai-mang-5g-post836936.html (accessed: 15.08.2026). (In Vietnamese)

Nokia wins 5G deal with Viettel Group in Vietnam. *Nokia*, 23.09.2024. URL: https://www.nokia.com/newsroom/nokia-wins-5g-deal-with-viettel-group-in-vietnam/ (accessed: 15.08.2026).

Trọng Đạt, Huy Quang (2026). Việt Nam triển khai 5G nhanh top đầu thế giới [Vietnam is among the world's fastest deployers of 5G]. *VnExpress*, Jule 31. URL: https://vnexpress.net/viet-nam-trien-khai-5g-nhanh-top-dau-the-gioi-5103721.html (accessed: 20.08.2026). (In Vietnamese)

Việt Nga (2024). Hạ tầng viễn thông là hạ tầng chiến lược, trọng yếu [Telecommunications infrastructure is a strategic and vital infrastructure]. *Bộ Khoa học và Công nghệ* [*Ministry of Science and Technology*], December 29. URL: https://mst.gov.vn/ha-tang-vien-thong-la-ha-tang-chien-luoc-trong-yeu-197250106155153051.htm (accessed: 18.08.2026). (In Vietnamese)

Viettel Profile 2025. *Viettel*, 2025. URL: https://viettel.com.vn/media/viettel/documents/Viettel_Profile-2025-trangdoi.pdf (accessed: 25.07.2026).

СОБЫТИЯ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

СОБЫТИЯ

59-я встреча министров иностранных дел АСЕАН
59th ASEAN Foreign Ministers' Meeting

18—24 июля, в Маниле, столице Филиппин, состоялась ежегодная встреча министров иностранных дел стран АСЕАН (AMM-59), сопровождавшаяся серией мероприятий. Встреча состоялась под председательством Филиппин под девизом «Совместно управляя нашим будущим» в рамках года АСЕАН «Наше общее будущее». По итогам встреч было заключено совместное коммюнике. Основные пункты:

• Приверженность построению гибкого, инновационного и ориентированного на нужды людей сообщества.

• Координация стратегических планов трех опор сообщества (политико-безопасной, экономической и социально-культурной) для построения динамичного и ориентированного на человека региона.

• Процесс интеграции Восточного Тимора в качестве полноценного 11-го члена ассоциации.

• Утвержден стратегический план действий Сети умных городов АСЕАН (ASCAP) на период 2026—2035 годов.

• Приверженность принципам Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (ТДМ/TAC), 50-летний юбилей которого отмечается в рамках мероприятий.

• Поддержка пяти пунктов консенсуса по Мьянме для скорейшего мирного урегулирования кризиса.

• Обеспечение безопасности мореплавания и противодействие нетрадиционным угрозам, киберпреступности и терроризму

Министры также выразили глубокую озабоченность ситуацией на Ближнем Востоке, приняв отдельное заявление по этому вопросу. Помимо участников из стран АСЕАН мероприятие посетили и приняли участие представители других стран и организаций, таких как: Россия, США, Япония, Австралия, Индия, Ка-

нада, Китай, Республика Корея, Новая Зеландия, Великобритания и ЕС. В рамках встреч Германия и Катар получили статус партнеров по секторальному диалогу, а Турция официально стала 12-м полноправным партнером АСЕАН по диалогу. Польша, Румыния, Швеция и Литва присоединились к принципам Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии.

22 июля состоялись переговоры Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова с коллегами из стран АСЕАН. Стороны обсудили выполнение решений юбилейного саммита Россия-АСЕАН, который прошёл 17—18 июня 2026 года в Казани в честь 35-летия отношений. Главные итоги и темы обсуждений:

- Возобновление молодежных саммитов в формате Россия—АСЕАН.
- Необходимость реформы международной валютно-финансовой системы.
- Продолжение тесного взаимодействия в сфере продовольствия, энергетической безопасности, борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью.
- Отмечалась позитивная роль, которую в процессе развития сотрудничества в этом регионе могут сыграть АСЕАН, ЕАЭС и ШОС в продвижении интеграционных процессов и строительства на этой основе Большого Евразийского партнерства.

С.В. Лавров также провел встречу с Госсекретарём США М. Рубио и министрами иностранных дел Пакистана, Индии, Бангладеш, Шри-Ланки, Бразилии, Египта.

Источники: URL: https://asean.org/joint-communique-of-the-59th-asean-foreign-ministers-meeting/
URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2128432/

День АСЕАН
ASEAN Day

8 августа 2026 года исполняется 59 лет со дня подписания Бангкокской декларации 1967 года. Этот день является официальным днем рождения АСЕАН. Решение о ежегодном праздновании принято в мае 2005 года.

Празднование прошло в штаб-квартире АСЕАН в Джакарте, столице Индонезии. Церемония началась с исполнения гимна АСЕАН и последующей видеопрезентацией под названием «Вместе строим наше будущее». С приветственным словом выступили генеральный секретарь АСЕАН др. Као Ким Хорн и министр иностранных дел Республики Индонезия Сугионо.

В рамках программы Дня АСЕАН была проведена торжественная церемония, посвященная 50-летию Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. Также прошли культурные мероприятия, которые продемонстрировали участникам образцы кулинарного наследия региона, культурного разнообра-

зия и совместных инициатив, способствующих построению Сообщества АСЕАН.

В этом году День АСЕАН подчеркивает решимость ассоциаций вместе преодолевать возникающие вызовы и использовать возможности как единое Сообщество, руководствуясь Видением Сообщества АСЕАН до 2045 года и духом единства, солидарности и сотрудничества, которые определяли АСЕАН на протяжении почти шести десятилетий.

Источник: URL: https://asean.org/59th-asean-day/

18-е консультации Старших должностных лиц по экономике Россия—АСЕАН

18th ASEAN-Russia Senior Economic Officials Meeting

10 августа 2026 года в Маниле завершились 18-е консультации Старших должностных лиц по экономике Россия—АСЕАН. Российскую делегацию возглавил Никита Владимирович Кондратьев, директор Департамента многостороннего экономического сотрудничества и специальных проектов Минэкономразвития России. Мероприятие прошло под председательством Мари Шерилин Акийи, директора Департамента международных торговых отношений Минторгпрома Филиппин.

Центральной темой консультаций стала подготовка к утверждению нового базового документа — Стратегической программы торгово-инвестиционного сотрудничества России и АСЕАН, которая предполагает увеличение товарообмена до 45 млрд долларов к 2035 году. Документ охватывает такие новые сферы кооперации, как креативная экономика, цифровая трансформация, таможенное сотрудничество и защита окружающей среды. Подписание предлагается во время проведения 15-й встречи Министров экономики России и АСЕАН в сентябре этого года.

Глава российской делегации подчеркнул роль России в обеспечении энергетической и продовольственной безопасности региона Юго-Восточной Азии в условиях ближневосточного кризиса.

В ходе консультаций стороны обсудили сотрудничество по линии Финансового Фонда Диалогового Партнерства Россия—АСЕАН. Глава российской делегации сообщил о недавнем старте совместного проекта «Умные и устойчивые города Россия—АСЕАН». Кроме того, готовится к реализации проект по анимации — в октябре на фестивале «Анимур» в Хабаровске пройдет совместный со странами АСЕАН маркет анимационного кино. Анонсированный проект вызвал живой интерес среди делегатов АСЕАН.

Источник: URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_zapuskaet_pervyy_proekt_po_kreativnoy_ekonomike_s_asean.html

Правовой форум АСЕАН 2026

ASEAN Law Forum 2026

18—19 августа 2026 года в Ханое Министерство юстиции Вьетнама провело Правовой форум АСЕАН 2026

Главные темы форума

• Основной темой стало применение искусственного интеллекта (ИИ) в правовой и судебной деятельности, национальный суверенитет в сфере ИИ, управление ИИ в АСЕАН, арбитраж в цифровую эпоху, человекоцентричный подход и интеллектуальное государственное управление.

• Участники обсуждали формирование современной правовой экосистемы для инновационного и процветающего сообщества АСЕАН.

• Эксперты рассмотрели повышение потенциала применения ИИ и улучшение нормативно-правовой базы государств-членов.

Источник: URL: https://ru.vietnamplus.vn/.vnp

Бизнес-диалог на полях Восточного экономического форума

Business Dialogues at the Eastern Economic Forum

2—3 сентября, на полях Восточного экономического форума (ВЭФ) во Владивостоке состоялся бизнес-диалог между представителями России и АСЕАН. Как отмечает директор Департамента многостороннего экономического сотрудничества и специальных проектов Минэкономразвития России Никита Владимирович Кондратьев, за первое полугодие 2026 года товарооборот России и стран АСЕАН вырос почти на 10 %. Наиболее высокие темпы роста отмечены во взаимной торговле с Филиппинами — 60 %, Таиландом — 32 %, Вьетнамом — 14 %.

Во время мероприятия представители государственных структур и бизнеса России и стран АСЕАН обсудили перспективы развития сотрудничества в сфере торговли, логистики, кибербезопасности, умных городов, космических технологий, инвестиций и платежных систем, технологических и инфраструктурных проектах. Проводится большая работа по снятию торговых барьеров и расширению соглашений о зонах свободной торговли, частности — в России уже ратифицировано Соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Индонезией.

Заместитель Министра цифрового развития и связи Республики Союз Мьянма Мин Зейяр Хлайн подчеркнул, что в данный момент страна разрабатывает национальную стратегию цифрового развития, предусматривающую перевод государственных услуг в онлайн-формат, а также совместно с Россией реализует проект по внедрению электронной системы единого окна для Таможенной службы Мьянмы.

Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Данияр Иманалиев на полях Восточного экономического форума провел переговоры с делегацией Секретариата Шанхайской организации сотрудничества. Д. Иманалиев предложил и далее развивать межинтеграционный диалог, в качестве конкретных шагов он выдвинул инициативу о проведении отдельных мероприятий в форматах «ЕАЭС—АСЕАН—ШОС» и «ЕАЭС—ШОС—БРИКС». По мнению министра ЕЭК, такое многостороннее взаимодействие способствует синергии интеграционных процессов.

Источники: URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rf_tovarooborot_rossii_i_stran_asean_vyros_na_10_za_pervoe_polugodie_2026.html
URL: https://www.ritmeurasia.ru/news--2026-09-03--eek-predlagaet-meroprijatija-v-format ah-90055

58-я встреча министров экономики АСЕАН

58th ASEAN Economic Ministers Meeting

19 сентября в Маниле, Филиппины, состоялась 58-я встреча министров экономики АСЕАН (AEM). По итогам мероприятия состоялась официальная церемония передачи полномочий Сингапуру, который примет председательство на следующий период.

Ключевые события:

• Участники подчеркнули важность скорейшего внедрения Второго протокола о внесении поправок в Соглашение АСЕАН о торговле товарами (ATIGA).

• Подтверждена нацеленность на своевременное подписание и реализацию Рамочного соглашения АСЕАН о цифровой экономике (DEFA) и одобрена дорожная карта ASEAN Single Window (ASW) 2.0 для расширения обмена электронными торговыми документами.

• Особое внимание было уделено диверсификации рынков и укреплению связей в цепочках поставок на фоне глобальных рисков в энергетической и продовольственной сферах.

• Страны-участницы договорились активизировать обмен информацией для заблаговременного реагирования на внешние экономические колебания.

• Была утверждена региональная инвестиционная стратегия развития индустрии полупроводников, призванная закрепить за АСЕАН статус ключевого мирового производственного узла и обезопасить цепочки поставок.

В последующие дни (20—22 сентября) министры АСЕАН провели ряд встреч с внешними партнерами по диалогу с Китаем, США, ЕС, Японией, Республикой Корея и Швейцарией. Также состоялись консультации с представителями Евразийской экономической комиссией (ЕЭК). Стороны обсудили реализацию масштабной Программы сотрудничества между ЕАЭС и АСЕАН на 2026—2030 годы, сделав акцент на совместных инициативах в сфере цифровизации, развития ин-

фраструктуры, энергетики, а также обеспечения продовольственной безопасности.

В рамках мероприятия 22 сентября прошла 15-я консультация министров экономики России и АСЕАН в г. Пасай, Филиппины. На ней стороны одобрили Стратегическую программу торгового и инвестиционного сотрудничества на 2026—2035 гг. Новая программа охватывает 11 направлений, среди которых торговля и инвестиции, цифровая трансформация, наука и технологии, транспорт, сельское хозяйство, энергетика, горнодобывающая отрасль, климат, циркулярная экономика, туризм и креативная экономика. Министры также обсудили проекты, которые уже реализуются в рамках партнёрства АСЕАН и России. В частности, речь шла о развитии цифровых навыков, создании умных и устойчивых городов и сотрудничестве в сфере анимации.

Источники:

URL: https://asean.org/joint-media-statement-of-the-58th-asean-economic-ministers-aem-meeting/
URL: https://eec.eaeunion.org/news/eek-prinimaet-uchastie-v-konsultatsiyakh-ministrov-ekonomiki-stran-asean/
URL: https://bigasia.ru/asean-i-rossiya-utverdili-programmu-torgovogo-sotrudnichestva-do-2035-goda

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Joint Statement on Deepening the Comprehensive Strategic Partnership between Viet Nam and Australia

Abstract. The full text of the Joint Statement on deepening the comprehensive strategic partnership between Vietnam and Australia on the occasion of the state visit by General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Viet Nam and State President of Vietnam To Lam on August 11, 2026 to Canberra, Australia, is given.

Совместное заявление об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства между Вьетнамом и Австралией

Аннотация. Приводится полный текст Совместного заявления об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства между Вьетнамом и Австралией, принятого по случаю государственного визита 11 августа 2026 года Генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама и Президента Вьетнама То Лама в Канберру, Австралия.

1. On the occasion of his visit to Australia, His Excellency To Lam, General Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Viet Nam and State President of Viet Nam, met the Honourable Anthony Albanese MP, the Prime Minister of Australia in Canberra, on the traditional land of the Ngunnawal peoples.

2. Leaders reaffirmed the strength of the Viet Nam-Australia Comprehensive Strategic Partnership (CSP) built on mutual strategic trust and understanding over more than 50 years. They welcomed the substantial progress in deepening the CSP, reflecting the increasing convergence of strategic interests and agreed that cooperation should be ambitious and forward-looking.

Deepening Political, Defence, Security and Justice Cooperation

3. Leaders reaffirmed their commitment to further strengthen political trust and mutual understanding through promoting frequent high-level exchanges and contacts, maintaining and effectively utilising existing dialogue and consultation mechanisms, and promoting exchanges among relevant agencies, parliaments, localities, businesses and people of the two countries.

4. Leaders acknowledged the two countries' close defence and security ties, which contribute to peace, stability and development of the region. Leaders welcomed the updated Joint Vision Statement on Further Defence Cooperation. They reiterated their commitment to further strengthen defence and security engagement, including through dialogue and consultations, personnel training, inter-service cooperation, information sharing, military medicine, peacekeeping cooperation, maritime security, search and rescue and counter-terrorism. They agreed to continue multinational operational exchanges building on Viet Nam's participation in Exercise KAKADU in 2024 and 2026, and observation of Exercise TALISMAN SABRE in 2025.

5. Leaders highlighted bilateral maritime cooperation under Australia Southeast Asia Maritime Partnerships to address shared maritime challenges in accordance with the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS). Leaders welcomed progress of an Australia-Viet Nam Maritime Law Enforcement Agreement and a Cooperation and Mutual Assistance Agreement to enhance operational capability between agencies and contribute to regional security.

6. Leaders agreed to step up cooperation in countering transnational organised crime such as cybercrime, online scams, drug trafficking and smuggling, people smuggling and human trafficking and terrorism financing. Both sides acknowledged Viet Nam's role in hosting the signing ceremony for the United Nations Convention against Cybercrime and recognised the importance of fostering regional and international cooperation to prevent and combat cybercrime.

7. Leaders agreed to promote cooperation in the legal and judicial fields and effectively implement the 2024 Statement of Intent on Continued Cooperation between the Attorney-General's Department of Australia and the Ministry of Justice of Viet Nam. They also agreed to promote cooperation in mutual legal assistance, extradition and transfer of sentenced persons under the signed treaties between the two countries.

Enhancing Economic Engagement

8. Leaders welcomed the progress of economic, trade and investment relations after 5 years of implementation of the Enhanced Economic Engagement Strategy (EEES). They agreed to strengthen trade and investment ties and enhance economic resilience, including through Invested: Australia's Southeast Asia Economic Strategy to 2040, to facilitate greater market access for each other's products and business-to-business engagement. They recognised the role of Australia's Deal Team in Ho Chi Minh City and Ha Noi to mobilise capital to finance development at scale in Viet Nam and acknowledged Viet Nam is a key focus of Australia's blended finance portfolio, receiving over a third ($83 million) of Australia's financing.

9. Leaders welcomed the Memorandum of Understanding on Cooperation in Agriculture and Sustainable Development and close cooperation in agriculture, fisheries and forestry as well as on advancing market access, including agreement to reinstate access for Australian kangaroo and deer meat to Viet Nam so trade can commence to Viet Nam as soon as possible in 2026.

10. Leaders emphasised the importance of resilient and diversified supply chains, including in critical minerals. They welcomed initiatives to deepen high-quality and sustainable investment, including Export Finance Australia's (EFA) $1.3 billion in finance to support infrastructure development and exports to Viet Nam since 2017.

11. Leaders reaffirmed their commitment to a predictable, transparent, open, inclusive, fair, sustainable and rules-based multilateral trading system, with a reformed World Trade Organization at its core. Australia welcomed Viet Nam's joining of the Multi-Party Interim Appeal Arbitration Arrangement. They reaffirmed their commitment to strengthening regional economic architecture and Australia reaffirmed support for Viet Nam as Chair of the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership 2026 and host of the Asia-Pacific Economic Cooperation 2027.

Harnessing Knowledge and Connecting People

12. Leaders recognised the strong and deepening people-to-people ties at the heart of the bilateral relationship. They affirmed that education, training and people-to-people links remain fundamental pillars of the bilateral relationship. Leaders agreed to strengthen cooperation in higher education, vocational education and training, joint research, student and academic exchanges, and professional development. Viet Nam recognises the valuable contribution of Aus4Skills over the past 10 years to human resource development and knowledge exchange, and welcomes a further 9-year investment (2026—2035).

13. Leaders agreed to further promote youth, cultural, sporting and tourism exchanges, thereby strengthening the social foundations of the bilateral relationship. They agreed to continue to facilitate business and leisure travel between our countries. Leaders reaffirmed their commitment to the Consular Agreement between Australia and Viet Nam, to facilitate friendly relations and cooperation between our two nations.

14. Leaders welcomed the Protocol to Amend and Supplement the Air Services Agreement. They welcomed education and research connections between the two countries and a Memorandum of Understanding on Cooperation in Vocational Education and Training. They appreciated RMIT's contribution to international education in Viet Nam over a 26-year period and welcome stronger cooperation of Australian universities in contributing to the building of high-quality workforces in Viet Nam. They also welcomed the announcement of an amended Investment Registration Certificate for RMIT University's campus in Hanoi.

15. Leaders renewed their commitment to promote and protect human rights in accordance with international law and to strengthen and contribute to the work of the United Nations Human Rights Council and its mechanisms. They affirmed that both countries would continue sincere, frank and constructive conversations, including through our annual Human Rights Dialogue. They committed to cooperating to foster inclusive societies that embrace and provide equal opportunities and respect for the human rights of all people, without discrimination of any kind.

Strengthening Climate, Environment and Energy Cooperation

16. Leaders discussed the prolonged impact of disruptions to global energy supply chains on their respective economies and welcomed the Joint Statement on Economic Resilience Cooperation and convening of the Ministerial Energy and Minerals Dialogue. They affirmed that accelerating the energy transition, including through electrification and renewable energy deployment, are critical enablers for each country to strengthen economic resilience, and welcomed increased cooperation between energy regulators. Viet Nam also appreciated Australia's contribution and support for the ASEAN Power Grid.

17. Leaders agreed to continue strengthening cooperation in environmental protection, address climate change, and emissions reductions, thereby contributing to the achievement of the Sustainable Development Goals and international climate commitments. They recognised the importance of urgent climate action to deliver on the Paris Agreement, including successive Nationally Determined Contributions (NDCs) that reflect the highest possible ambition. They committed to enhance

cooperation on NDC implementation, support the clean energy transition, and reach net zero by 2050. Leaders reaffirmed their shared commitment to enhancing cooperation in integrated water resources management (IWRM), water accounting and data-driven water governance, digital transformation, drought risk management, and the restoration of water resources and aquatic ecosystems, with the aim of advancing water security and strengthening climate resilience.

18. Viet Nam welcomed Australia's leadership as COP31 President of Negotiations and support of Fiji and Tuvalu to host Pre-COP under the COP31 Pacific Partnership.

19. Viet Nam welcomed the implementation of Aus4Adaptation and recognised the contribution of this program in building capacity for adaptation to climate change in the Mekong Delta.

20. Leaders reaffirmed their commitment to deepening collaboration to address shared marine environmental challenges through marine science and monitoring, sustainable marine resource management and maritime domain awareness. They welcomed Australia's Partnerships for Infrastructure program, including maritime decarbonisation, and recognised their commitment to the High Seas Biodiversity Treaty (BBNJ) to promote the conservation and sustainable use of marine biodiversity.

Supporting Science, Technology, Innovation and Digital Transformation

21. Leaders welcomed deepening cooperation in science, technology and innovation, and work on digital transition and inclusion, including promoting the safe, secure and responsible development and deployment of emerging technologies. They welcomed the Joint Statement on the Enhancement of Science, Technology and Innovation Connectivity between Australia and Viet Nam.

22. Leaders welcomed the signing of a Health Cooperation Memorandum of Understanding to strengthen collaboration on health care, medical science and research.

Reinforcing Regional and International Cooperation

23. Leaders reaffirmed unwavering support for multilateralism, ASEAN and international law, including the United Nations Charter, which underpin regional peace, security and stability.

24. Leaders reaffirmed their commitment to a peaceful, stable and prosperous Indo-Pacific region that is inclusive, resilient and free from coercion, where sovereignty is respected and competition is managed responsibly. They reaffirmed the importance of strengthening collective capacity to respond to changing dynamics and emerging challenges in the Indo-Pacific region.

25. Leaders reaffirmed the importance of ASEAN centrality and the vital role of ASEAN and ASEAN-led mechanisms in maintaining an open, transparent, resilient, inclusive and rules-based regional architecture, which, inter alia, helps promote dialogue, cooperation, confidence building and transparency so as to reduce the risk of misunderstanding and miscalculation, to prevent crisis and conflict. They agreed to continue working closely to deepen the ASEAN — Australia Comprehensive Strategic Partnership, which is marking its 5th anniversary this year, and reaffirmed the importance of effectively implementing the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific

(AOIP). They acknowledged the ASEAN Future Forum as a key initiative driving important discussions on ASEAN's future.

26. Australia reaffirmed its strong support for ASEAN centrality, unity and cohesion, as well as ASEAN's leading role in promoting dialogue, cooperation and confidence-building in the region. Leaders recalled their commitment in the ASEAN-Australia Joint Leaders' Statement on Conflict Prevention and Crisis Management in the ASEAN-led Regional Architecture to strengthen cooperation through ASEAN-led mechanisms to promote open communication and dialogue, promote strategic trust, and maintain transparent, predictable and responsible conduct in order to reduce the risk of misunderstanding and miscalculation and prevent conflict in the region.

27. Leaders called for the implementation of the ASEAN Five Point Consensus on Myanmar. They called for immediate cessation of violence; unhindered humanitarian access; and genuine and inclusive dialogue.

28. Leaders expressed concern about the situation in the South China Sea and re-emphasised the importance of upholding peace, security, stability, freedom of navigation and overflight, unimpeded lawful commerce, respect for legal and diplomatic processes and peaceful resolution of disputes, without resorting to the threat or use of force, in accordance with international law, particularly the 1982 UNCLOS. They reaffirmed the UNCLOS sets out the comprehensive legal framework within which all activities in the ocean and seas must be carried out. They reiterated the importance of the full and effective implementation of the 2002 Declaration on the Conduct of the Parties in the South China Sea in its entirety. They noted that any Code of Conduct on the South China Sea must be effective, substantive, in accordance with international law, particularly the UNCLOS, and not affect the enjoyment of the rights of any state under international law. They also highlighted the critical role that straits used for international navigation and sea lanes of communication play to global trade and economic security.

29. Leaders agreed to advance cooperation through the Mekong — Australia Partnership (MAP) to strengthen resilience and promote inclusive and sustainable development in the Mekong subregion.

Источник: URL: https://www.pm.gov.au/media/joint-statement-deepening-comprehensive-strategic-partnership-between-viet-nam-and-australia

Совместное заявление о дальнейшем укреплении российско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства на новом этапе

Abstract. The full text of the Joint Statement on Further Strengthening the Russia-Vietnam Comprehensive Strategic Partnership in the New Era, published on September 9, 2026, on the occasion of the state visit to the Russian Federation by To Lam, General Secretary of the CC of the CPV and President of the SRV is given.

Joint Statement on Further Strengthening the Russia-Vietnam Comprehensive Strategic Partnership in the New Era

Аннотация. Приводится полный текст Совместного заявления о дальнейшем укреплении российско-вьетнамских отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства на новом этапе, опубликованного 9 сентября 2026 г. по случаю государственного визита в Российскую Федерацию Генерального секретаря ЦК КПВ, Президента СРВ То Лама.

ОСНОВЫ, ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. Отношения между Россией и Вьетнамом, установленные в 1950 году, всегда характеризовались братской дружбой, глубоким доверием и готовностью к взаимопомощи, что особенно ярко проявилось в годы вооруженной борьбы героического вьетнамского народа за свободу и независимость.

В 2001 году они были выведены на уровень стратегического партнерства, а в 2012 году — получили статус всеобъемлющего стратегического партнерства.

2. Стороны подтверждают, что российско-вьетнамские отношения традиционной дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства прошли испытание временем и остаются прочными, несмотря ни на какие вызовы современности, сохраняя бесценное наследие народов двух стран. Расширение и углубление двусторонних связей — долгосрочный стратегический выбор и внешнеполитический приоритет России и Вьетнама.

3. Россия и Вьетнам, опираясь на имеющиеся успехи и стремясь использовать существующий потенциал и богатый опыт сотрудничества в различных областях, продолжат работу по дальнейшей активизации и диверсификации отношений в интересах народов двух стран, а также по обеспечению мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире в целом.

4. Россия и Вьетнам выстраивают сотрудничество на основе взаимного доверия, долгосрочного планирования и эффективного взаимодействия, углубленной стратегической координации, базовых принципов международного права и Устава Организации объединенных Наций (ООН), равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, стремятся к продолжению тесной кооперации во всех сферах двусторонних отношений и в рамках многосторонних форматов.

5. Стороны единодушно выступают за развитие на новом этапе отношений всеобъемлющего стратегического партнерства, которые характеризуются высо-

ким политическим доверием и стратегической значимостью, основаны на справедливых и устойчивых торгово-экономических и инвестиционных связях, где взаимодействие в сферах обороны и безопасности является стратегической опорой, энергетика, добыча нефти и газа — стратегически прорывными направлениями, наука и технологии, инновации, подготовка кадров — движущей силой, культура и гуманитарные обмены — связующим звеном. Такие отношения не подвержены изменениям международной конъюнктуры и отвечают жизненным интересам народов, регионов и деловых кругов двух стран.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Политика и дипломатия

6. Стороны подтверждают, что отношения высокого политического доверия являются ключевой и прочной основой для развития многопланового сотрудничества в различных сферах, а регулярный и содержательный политический диалог путем делегационных обменов и контактов на высшем и высоком уровнях носит доверительный и конструктивный характер, способствует поступательному продвижению двусторонних связей, реализации достигнутых договоренностей и определению новых перспективных тем и направлений кооперации.

7. Стороны договорились наращивать сотрудничество между ведущими политическими партиями посредством обменов делегациями и кооперации в области подготовки и повышения квалификации кадров, обменов специалистами, совместных научных исследований, политико-идеологической работы с молодежью и продвижения культурных ценностей, самобытного литературного и художественного наследия двух стран.

8. Стороны продолжат укреплять межпарламентские связи путем делегационных обменов и контактов между руководством законодательных органов России и Вьетнама; повышать эффективность действующих координационных механизмов, а также их функции контроля за исполнением положений соответствующих международных договоров, двусторонних соглашений и обязательств, принятых на высшем уровне; совершенствовать правовую базу и создавать благоприятные условия для ключевых совместных проектов кооперации в стратегически важных сферах; способствовать активизации взаимодействия профильных комитетов и депутатских групп дружбы парламентов, продолжению координации действий и взаимной поддержки в рамках международных и региональных межпарламентских форумов.

Оборона и безопасность

9. Стороны подтверждают, что сотрудничество в области обороны и безопасности является особо важной составляющей всеобъемлющего стратегического партнерства, и подчеркивают, что оно не направлено против третьих стран и осуществляется в четком соответствии с международным правом. Стороны высоко оценивают важный вклад России и Вьетнама в обеспечение глобального мира и стабильности, в том числе участие СРВ в миротворческих операциях ООН, а также в мероприятиях по реагированию на стихийные бедствия и в поисково-спасательной деятельности при ликвидации последствий природных катастроф.

10. Стороны условились активизировать делегационные обмены, в первую очередь на высоком уровне, в целях реализации подписанных документов и повышения эффективности действующих механизмов, укреплять сотрудничество между видами и родами войск, в области гуманитарного разминирования, обеспечения морской безопасности и безопасности судоходства, подготовки кадров и повышения квалификации специалистов, а также в сферах науки и техники, военных технологий на новых направлениях.

11. Стороны настроены на укрепление сотрудничества по противодействию экстремизму и радикализации, особенно молодого поколения. В данном контексте они подчеркивают необходимость усиления взаимодействия между компетентными органами двух стран, в том числе путем обмена передовым опытом.

12. Стороны на основе Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 6 сентября 2018 года продолжат координировать усилия по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в террористических, экстремистских и иных преступных целях, а также для вмешательства во внутренние дела государств и подрыва их суверенитета, а также усилят обмен информацией и опытом в области противодействия замыслам и деятельности недружественных стран и их специальных служб, которые направлены на вмешательство во внутренние дела, а также на оказание воздействия на государственные, политические и законодательные институты.

Стороны намерены наладить практическое сотрудничество в области ИКТ, включая продвижение инициативы создания регионального центра по борьбе с киберпреступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе под эгидой Управления ООН по наркотикам и преступности, подчеркивают важность разработки под эгидой ООН универсальных юридически обязывающих норм в целях построения справедливой и равноправной системы международной информационной безопасности, приветствуют успешное проведение 25—26 октября 2025 года церемонии подписания Конвенции ООН против киберпреступности и выступают за ее скорейшее вступление в силу.

Стороны готовы к расширению взаимодействия в области предупреждения преступности и борьбы с ней во всех ее формах и проявлениях, включая преступления с использованием ИКТ, а также к продолжению сотрудничества по линии правоохранительных органов двух стран.

Торговля и экономика

13. Стороны будут уделять особое внимание развитию торгово-экономической кооперации, продолжат тесную и эффективную координацию в рамках Межправительственной Российско-Вьетнамской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, ее подкомиссий и рабочих групп в целях реализации Комплексного плана развития российско-вьетнамского сотрудничества до 2030 года и других совместных договоренностей, предусматривающих увеличение взаимного товарооборота, в том числе за счет активи-

зации кооперации в таких областях, как наука и технологии, цифровизация, «зеленая» энергетика, морская экономика и противодействие изменению климата.

14. Стороны продолжат использовать преимущества Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, от 29 мая 2015 года, работать над устранением ограничений во взаимной торговле; содействовать экспортерам и инвесторам обеих стран, укреплять эффективную координацию в финансово-банковском секторе, промышленном производстве, сельском хозяйстве и в сфере ИКТ, включая искусственный интеллект.

15. Вьетнамская Сторона будет поощрять инвестиции из России в проекты с высокой добавленной стоимостью, связанные с передачей технологий, внедрением инноваций, подготовкой кадров. Россия изучит перспективы расширения инвестиций во Вьетнам в различных отраслях, включая энергетику (в том числе возобновляемую), перерабатывающую промышленность, циклическую экономику, сферу ИКТ, логистику, инфраструктурное строительство, высокотехнологичное сельское хозяйство, фармацевтику, здравоохранение, туризм и культуру.

Российская Сторона будет содействовать предприятиям Вьетнама в инвестировании в такие отрасли российской экономики, как текстильная промышленность, производство потребительских товаров и мебели, художественные промыслы, туризм.

Топливно-энергетический комплекс

16. Стороны считают кооперацию в области топливно-энергетического комплекса стратегическим прорывом росийско-вьетнамских отношений, способствующим обеспечению энергетической безопасности обеих стран. Исходя из этого, Стороны договорились повышать эффективность реализуемых проектов и расширять кооперацию в нефтегазовом секторе в России и во Вьетнаме в соответствии с положениями законодательства двух стран и международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года. Будет ускорена работа по перспективным темам поставок российской нефти и сжиженного природного газа, а также по созданию в СРВ инфраструктуры, необходимой для приема, переработки и хранения углеводородов.

Стороны продолжат изучение возможностей привлечения российских организаций к модернизации действующих во Вьетнаме электростанций и строительству новых генерирующих мощностей, в том числе офшорных ветроэлектростанций.

17. Стороны отмечают, что подписание 23 марта 2026 года в Москве Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в сооружении атомной электростанции на территории Социалистической Республики Вьетнам открыло новую страницу российско-вьетнамских отношений. Возведение и эксплуатация электростанции исходя из абсолютного приоритета ядерной и радиационной безопасности на основе лучших российских практик, взаимоприемлемых сроков реализации и уровня локализации, а также в интересах экономической эффек-

тивности позволит обеспечить стабильную выработку электроэнергии, подготовить высококвалифицированных вьетнамских специалистов, создать новые рабочие места и в целом придать импульс социально-экономическому и технологическому развитию Вьетнама.

Стороны продолжат реализацию проекта по строительству на территории Вьетнама Центра ядерной науки и технологий, который также является важным объектом сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях.

Транспортная отрасль

18. Стороны подтвердили заинтересованность в развитии тесного взаимодействия в области транспорта по таким темам, как строительство метрополитена во Вьетнаме, модернизация железных дорог, условились активизировать мультимодальные перевозки различных грузов железнодорожным и морским транспортом между Вьетнамом, Китаем и Россией, изучить возможность участия в инициативе Международного транспортного коридора «Север—Юг», а также использования Трансарктического транспортного коридора.

19. Стороны будут расширять взаимодействие по линии Морской коллегии Российской Федерации и профильных министерств и ведомств Вьетнама в морской сфере, включая торговое судоходство, судостроение, развитие портовой инфраструктуры, подготовку кадров, морские научные исследования, защиту морских экосистем.

Промышленность и сельское хозяйство

20. Стороны будут создавать благоприятные условия для деятельности российских и вьетнамских инвесторов, реализующих свои проекты в области промышленности и сельского хозяйства на территории Вьетнама и России соответственно.

21. Стороны отметили важность наращивания кооперации в области сельского, рыбного и лесного хозяйства, имея в виду увеличение поставок качественной сельскохозяйственной продукции и ее продвижение на рынки друг друга, стимулирование деловых кругов двух стран к созданию профильных совместных предприятий.

Наука и технологии, образование и подготовка кадров, здравоохранение

22. Стороны подтвердили намерение продолжать сотрудничество в областях науки и технологий, образования и подготовки кадров, высоко оценили мероприятия, проводимые в 2026 году в рамках Года российско-вьетнамского сотрудничества в области науки и образования.

23. Стороны условились укреплять ключевую роль науки и технологий, инноваций и цифровой трансформации, наращивать взаимодействие в области совместных исследований, особенно по таким направлениям, как атомная энергетика, ИКТ, включая ИИ, биотехнологии, новые материалы, энергетика и автоматизация, высокотехнологичное сельское хозяйство, а также договорились о продвижении кооперации в передаче технологий.

24. Вьетнамская Сторона выразила признательность за ежегодное предоставление Правительством Российской Федерации квоты на обучение граждан Вьетнама по многим востребованным специальностям в интересах экономического развития страны, в первую очередь по таким направлениям, как стратегические технологии, фундаментальные исследования, квантовые вычисления, атомная энергетика и по вспомогательным отраслям. Стороны будут обмениваться специалистами, учеными, оказывать поддержку и создавать благоприятные условия для налаживания межвузовских и академических связей, контактов между технологическими компаниями по вопросам изучения, продвижения и использования технологий, способствующих развитию, перехода к модели «обучения, интегрированного с реализацией проектов». Россия направляет специалистов для проведения во Вьетнаме краткосрочных курсов обучения и повышения квалификации в областях культуры и искусства, а также по профильным направлениям физической культуры и спорта.

Стороны подчеркнули важность изучения и преподавания русского языка во Вьетнаме и вьетнамского языка в России, договорились ускорить начало деятельности образовательной организации «Центр русского языка имени А.С. Пушкина» в г. Ханое, содействовать созданию российского образовательного учреждения во Вьетнаме, строительство которого и управление которым будет осуществляться за счет Правительства Российской Федерации и в соответствии с законодательством двух стран.

25. Отмечена важность дальнейшей поддержки деятельности Совместного Российско-Вьетнамского Тропического научно-исследовательского и технологического центра для проведения прикладных и фундаментальных исследований, изучения моря, в том числе с использованием научно-исследовательского судна «Профессор Гагаринский», безвозмездно переданного Вьетнамской Стороне Российской Федерацией в 2025 году.

26. Стороны признают, что состоявшийся 65 лет назад, 12 апреля 1961 года, первый полет в космос человека — советского гражданина Юрия Алексеевича Гагарина — стал прорывом цивилизационного масштаба, открывшим человечеству ранее недостижимые перспективы.

Стороны выступают за использование космических систем и соответствующей наземной инфраструктуры, а также достижений космической науки, технологий и услуг исключительно в мирных целях и в интересах устойчивого развития, в том числе для мониторинга изменения климата, предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, рационального природопользования, развития сельского хозяйства, транспорта, связи и цифровизации.

27. Стороны выразили готовность активизировать сотрудничество в сфере здравоохранения, расширять практику подготовки и повышения квалификации медицинских и фармацевтических кадров, проведения совместных научных исследований, конференций, обменов специалистами по различным профилям, содействовать осуществлению совместных проектов между научно-исследовательскими организациями и фармацевтическими компаниями России и Вьетнама, способствовать инвестированию в совместные разработки и производство лекарственных препаратов и биомедицинских технологий, а также развивать

диалог между регулирующими органами двух стран в области фармацевтики, лабораторного контроля, научных исследований, взаимовыгодной передачи технологий, повышать доступность современных востребованных лекарственных средств, в том числе рассмотреть возможность использования лицензированных результатов, полученных Российской Федерацией и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), в процессе оценки регистрационных досье на лекарственные препараты для их обращения во Вьетнаме и наоборот, в соответствии с вьетнамским законодательством и международными договорами, членом которых является СРВ.

Гуманитарное сотрудничество

28. Стороны намерены эффективно реализовывать Программу сотрудничества в области культуры между Министерством культуры Российской Федерации и Министерством культуры, спорта и туризма СРВ на 2025—2027 годы, регулярно проводить дни и фестивали культур, недели кино в обеих странах, совместно организовать проведение «Русских сезонов» во Вьетнаме в 2027 году, а также содействовать проработке вопроса создания вьетнамского культурного центра в России.

29. Стороны продолжат сотрудничество в области физической культуры и спорта, будут выступать против политизации спорта и использования знаковых спортивных событий в качестве инструмента для дискриминации спортсменов, способствовать равноправному международному взаимодействию в сфере спорта, основанному на принципах олимпизма.

30. Стороны будут поддерживать дальнейшее наращивание связей в области использования трудовых ресурсов, туристических обменов между двумя странами путем увеличения числа регулярных прямых и чартерных авиарейсов, упрощения процедур въезда/выезда для въезжающих в Россию граждан Вьетнама с перспективой установления безвизового режима для носителей общегражданских паспортов, а также путем повышения качества туристических услуг, проведения конференций, выставок, форумов и других мероприятий, направленных на продвижение туристического потенциала**.**

Стороны подтвердили намерение и впредь создавать благоприятные условия для проживания, работы и учебы граждан России во Вьетнаме и граждан Вьетнама в России.

31. Стороны приветствуют расширение гуманитарных связей, поддержание и развитие контактов между редакциями ведущих средств массовой информации и профессиональными журналистскими объединениями, архивными службами, обществами дружбы и другими общественными организациями, высказываются за сохранение национальной самобытности, культурно-цивилизационного многообразия и защиту традиционных ценностей.

32. Стороны намерены наращивать усилия по развитию взаимодействия в информационной сфере в целях продвижения объективного образа двух стран и распространения сведений о российско-вьетнамском всеобъемлющем стратегическом партнерстве в глобальном медийном пространстве, укреплять координацию по вопросам противодействия распространению ложной информации о

межгосударственных отношениях и информационным кампаниям третьих сторон, в том числе с опорой на соответствующий инструментарий.

33. Стороны будут содействовать раскрытию потенциала сотрудничества между регионами в двустороннем и многостороннем форматах, в том числе посредством проведения российско-вьетнамского форума по межрегиональному сотрудничеству, в целях укрепления межгосударственных связей в целом в социально-экономической, культурно-гуманитарной и других сферах, а также выстраивания единого пространства для диалога в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

34. Стороны последовательно подтверждают закрепленные в Уставе ООН итоги Второй мировой войны, противостоят попыткам искажения и фальсификации истории Второй мировой войны, подчеркивают важность патриотического воспитания и обеспечения преемственности поколений, сохранения памяти о борьбе с нацизмом, фашизмом, милитаризмом.

Стороны также придают большое значение бережному отношению к общей истории двух стран.

Стороны поддерживают формирование более справедливого и устойчивого многополярного миропорядка, основанного на приверженности государств соблюдению общепризнанных принципов и норм международного права, что расширит перед государствами и их объединениями пространство возможностей для осуществления взаимовыгодного, равноправного и взаимоуважительного международного сотрудничества. Стороны пришли к единому мнению, что каждое государство имеет право самостоятельно определять модель своего развития, политическую, экономическую и социальную систему в соответствии с национальными условиями и волей народа.

35. Стороны не поддерживают введение односторонних принудительных мер, не соответствующих международному праву и не утвержденных Советом Безопасности ООН, а также не поддерживают проведение разделительных линий по идеологическим соображениям.

Стороны убеждены в необходимости неукоснительного соблюдения принципа суверенного равенства государств и международных обязательств, касающихся иммунитетов государств и их собственности (включая суверенные резервы), не поддерживают инициативы, связанные с блокировкой, использованием или изъятием активов и собственности иностранных государств.

36. Стороны выражают обоюдный настрой на укрепление взаимодействия в рамках ООН, включая Генеральную Ассамблею ООН, не поддерживают политизацию работы специализированных учреждений системы ООН и других международных структур, отстаивают центральную координирующую роль ООН в вопросах обеспечения мира, безопасности и устойчивого развития.

Стороны выступают за повышение эффективности деятельности ООН, а также за ее демократизацию и реформирование, продолжат тесное сотрудничество в рамках ООН и других многосторонних объединений, будут оказывать друг

другу поддержку на выборах в международные структуры и их исполнительные органы.

37. Стороны выступают за взаимовыгодное сотрудничество государств на площадке ЮНЕСКО, нацеленное на развитие связей в сферах образования, науки, культуры, спорта, информации и коммуникации, подтверждают совместный настрой на укрепление потенциала этой Организации в качестве универсального межправительственного гуманитарного форума, сохранение подлинно многостороннего взаимоуважительного и профессионального диалога.

38. Стороны готовы способствовать объединению усилий мирового сообщества для противостояния традиционным и новым вызовам безопасности, включая терроризм, экстремизм и радикализацию, транснациональную преступность, вооруженные конфликты, незаконное производство и оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, провоцирование извне государственных переворотов, изменение климата, стихийные бедствия, эпидемии.

39. Стороны будут прилагать усилия для обеспечения информационной и продовольственной безопасности, а также для эффективной реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

40. Стороны поддерживают усилия по формированию архитектуры равной и неделимой безопасности на всем пространстве Евразийского континента на основе уважения международного права и Устава ООН и с учетом необходимости устранения причин конфликтов в целях обеспечения мира, стабильности, развития и законных интересов всех государств Евразии. Для достижения этих целей Стороны призывают укреплять двустороннее и многостороннее сотрудничество посредством диалога и координации действий.

Стороны отмечают инициативу разработки Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке.

41. Стороны содействуют международным усилиям по контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению оружия массового уничтожения в целях построения мира, свободного от такого оружия и более безопасного для всех, подчеркивают необходимость предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве, выступают за скорейший запуск переговоров по соответствующему международному юридически обязывающему инструменту на основе проекта договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, а также поддерживают дальнейшее продвижение инициативы/политического обязательства о неразмещении первыми оружия в космосе.

42. Стороны отмечают важность полного и эффективного соблюдения и укрепления всеми государствами — участниками Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 года и Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 года.

43. Стороны считают необходимым наращивать общерегиональные усилия по созданию в Азиатско-Тихоокеанском регионе всеобъемлющей, открытой, прозрачной архитектуры равной и неделимой безопасности и сотрудничества на

основе международного права, включая принципы неприменения силы или угрозы силой, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела друг друга. Стороны выступают против действий, наносящих ущерб углублению и расширению общерегионального диалога.

44. Стороны подтверждают намерение укреплять взаимодействие и координацию в рамках форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) как ключевой экономической площадки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, функционирующей на деполитизированной и недискриминационной основе. Россия всецело поддерживает Вьетнам в успешном проведении Форума АТЭС в 2027 году. Вьетнам приветствует и поддерживает заявку России на проведение Форума АТЭС в 2035 году. Стороны призывают членов АТЭС положительно рассматривать поступающие заявки на основе консенсуса в интересах обеспечения дальнейшей эффективной деятельности Форума.

45. Стороны подтверждают всеобъемлющий и единый характер Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которая является правовой основой любой деятельности на море и в океане и играет основополагающую роль для развития сотрудничества в национальном, региональном и международном форматах, а также отмечают необходимость поддержания целостности Конвенции. Договорились координировать действия по обеспечению безопасности и свободы судоходства, воздушной навигации и торговли, выступать за сдержанность и отказ от применения силы или угрозы силой, решать разногласия мирными средствами в соответствии с Уставом ООН и нормами международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года.

Российская Федерация поддерживает полное и эффективное выполнение Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море 2002 года и приветствует усилия, способствующие созданию благоприятной среды для продвижения переговорного процесса по принятию эффективного и субстантивного кодекса поведения в Южно-Китайском море, соответствующего международному праву, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года.

46. Российская Федерация поддерживает центральную роль Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в региональной архитектуре Азиатско-Тихоокеанского региона, высоко оценивает приоритеты и принципы Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии от 24 февраля 1976 года Россия и Вьетнам принимают активное и конструктивное участие и плотно координируют работу в асеаноцентричных механизмах взаимодействия, таких как Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Совещание министров обороны государств — членов АСЕАН с диалоговыми партнерами, продолжают оказывать поддержку национальным инициативам, выдвигаемым в рамках этих объединений и представляющим взаимный интерес.

Стороны условились укреплять и углублять стратегическое партнерство России и АСЕАН, продвигать всеобъемлющее, эффективное и взаимовыгодное сотрудничество, в том числе в сферах, в которых Стороны обладают значительным потенциалом и преимуществами, включая энергетику, торговлю и инвестиции, ИКТ, борьбу с терроризмом и транснациональной преступностью, взаимодейст-

вие в области обороны, морскую деятельность, науку и технологии, образование, подготовку кадров и трудовых ресурсов.

Стороны также договорились содействовать выполнению Комплексного плана действий по реализации стратегического партнерства Россия — АСЕАН на 2026—2030 годы.

47. Стороны выступают за углубление региональной экономической интеграции и реализацию инициатив, касающихся межрегиональной взаимосвязанности, включая проект Большого Евразийского партнерства, а также за укрепление экономического взаимодействия АСЕАН и ЕАЭС, в том числе в соответствии с Программой сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и АСЕАН на 2026—2030 годы. Стороны будут способствовать наращиванию связей между АСЕАН, ЕАЭС и Шанхайской организацией сотрудничества.

48. Россия высоко оценивает равноудаленную и объективную линию Вьетнама в отношении украинского кризиса, приветствует готовность подключиться к усилиям по содействию поиску путей для его политико-дипломатического урегулирования и восстановления региональной стабильности с учетом законных интересов безопасности всех суверенных государств.

Москва и Ханой привержены международному праву и принципам Устава ООН во всей их совокупности, полноте и взаимосвязи, стремятся содействовать урегулированию конфликта вокруг Украины на основе полного устранения его причин в целях поиска долгосрочного мирного решения. Стороны выражают глубокую озабоченность в отношении гражданских жертв и призывают участников международного сообщества воздержаться от поставок вооружений в зону конфликта.

49. Стороны условились изучить возможность налаживания российско-вьетнамского морского диалога в целях укрепления доверия, взаимопонимания и создания механизма регулярного взаимодействия по морской проблематике и развития практического сотрудничества в сферах, представляющих взаимный интерес.

50. Стороны отмечают, что государственный визит Генерального секретаря ЦК КПВ, Президента СРВ То Лама в Российскую Федерацию имеет исключительно важное значение для продвижения всеобъемлющего стратегического партнерства и развития взаимовыгодного сотрудничества в различных областях.

Генеральный секретарь ЦК КПВ, Президент СРВ То Лам поблагодарил Президента Российской Федерации В.В.Путина за радушный прием и пригласил его посетить Вьетнам с ответным визитом. Президент Российской Федерации поблагодарил за приглашение.

Источник: URL: http://kremlin.ru/supplement/6555

DOI: 10.54631/VS.2026.103-717626

Е.А. Канаев

Опыт, которым нельзя пренебречь (рецензия на сборник научных трудов В.М. Мазырина «На пути прогресса: Вьетнам в XXI веке»)

Мазырин В.М. На пути прогресса: Вьетнам в XXI веке. Статьи разных лет: в 2 т. / В.М. Мазырин; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М.: ИКСА РАН, 2026.

Аннотация. Предметом рецензии является сборник научных трудов д.э.н., профессора В.М. Мазырина «На пути прогресса: Вьетнам в XXI веке» в двух томах, представляющий собой результат 50-летней профессиональной деятельности автора. В сборник вошли статьи В.М. Мазырина, опубликованные им в разные годы, в которых проводится осмысление истории, социально-экономического и политического развития Вьетнама, а также основных направлений его внешней политики и международной среды, в которой эта политика осуществляется. Наработки профессора В.М. Мазырина по методологии регионоведения придают сборнику особую ценность.

Ключевые слова: Вьетнам, история, политика, экономика, безопасность, Юго-Восточная Азия, многостороннее сотрудничество, методология регионоведения.

Автор: Канаев Евгений Александрович, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Центр азиатско-тихоокеанских исследований, г. Москва.
ORCID: 0000-0002-7988-4210. E-mail: kanaev@imemo.ru

Для цитирования: *Канаев Е.А.* Опыт, которым нельзя пренебречь (рецензия на сборник научных трудов В.М. Мазырина «На пути прогресса: Вьетнам в XXI веке») // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 140—148.

E.A. Kanaev

The Experience That Cannot Be Neglected (a review on the article collection "Towards Progress: Vietnam in XXI Century" written by V.M. Mazyrin)

Mazyrin V.M. Towards progress: Vietnam in XXI century. Research published in 2006—2025. Moscow, ICCA RAS, 2026.

Abstract. The review focuses on the article collection of Professor of Economics V.M. Mazyrin "Towards progress: Vietnam in XXI century. Research published in 2006—2025" in two volumes which is the result of his 50-year professional activity. The research consists of V.M. Mazyrin's articles written in various years in which the author analyzes Vietnam's history, social, economic and political development, as well as main directions of its foreign policy and the international milieu as an external contour in which this policy is implemented. Professor Mazyrin's reflections on the methodology of Regional Studies make the article collection especially valuable.

Keywords: Vietnam, history, policy, economy, security, Southeast Asia, multilateral cooperation, methodology of regional studies.

Author: Kanaev Evgeny A., Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Center for Asia Pacific Studies, Moscow.
ORCID: 0000-0002-7988-4210. E-mail: kanaev@imemo.ru

For citation: Kanaev E.A. (2026). The Experience That Cannot Be Neglected (a review on the article collection "Towards Progress: Vietnam in XXI Century" written by V.M. Mazyrin). *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 140—148.

Выход в свет двухтомника доктора экономических наук, профессора В.М. Мазырина «На пути прогресса: Вьетнам в XXI веке», куда вошли его избранные произведения, стал знаковым событием для сообщества российских и зарубежных вьетнамистов, а также специалистов смежных направлений и всех, интересующихся вопросами истории и современного развития этой прекрасной страны. Для такой оценки есть весомые основания.

Во-первых, Владимир Моисеевич посвятил свою профессиональную деятельность изучению одной страны, не меняя научную специализацию. Отсюда — глубокие и академически выверенные оценки различных событий Вьетнама на протяжении его послевоенной истории. Это выгодно отличает профессора В.М. Мазырина от специалистов, неоднократно менявших направления своих исследований, зачастую не внеся заметного вклада ни в одно из них. Что же касается автора рецензируемого сборника, то высокое качество его оценок базируется именно на возможности их многократного уточнения — когда специалист занимается чем-то одним, постоянные рефлексии на эту тему, с содержательной корректировкой своих же более ранних оценок и подбором оптимальных формулировок, становятся его фоновым состоянием. А количество, как известно, переходит в качество — в данном случае размышлений и выводов на их основе.

Во-вторых, автор анализирует не только различные аспекты развития собственно Вьетнама, но и международный контекст, это развитие формирующий.

Раздел IV «Региональное сотрудничество» посвящен осмыслению процессов, определивших эволюцию Юго-Восточной Азии и шире — Азиатско-Тихоокеанского региона на разных исторических этапах. Есть в сборнике и компаративные исследования, например, статья «Сравнение моделей рыночных реформ во Вьетнаме и Китае» (т. 1, с. 132—145). Хотя эта работа структурно не относится к Разделу IV, она интегрирует исследования особенностей модернизации Вьетнама в более широкий контекст. Последнее тем важнее, что упомянутая статья была опубликована в 2012 г., а уже год спустя КНР объявила о запуске своей мегастратегии — «Инициативы пояса и пути», успешность реализации которой стала в растущей степени определяться готовностью к ней стран-реципиентов. То обстоятельство, что исследование как модернизации Вьетнама, так и контекста его развития проводил один и тот же специалист, придает сборнику структурную и содержательную целостность, а выводам вошедших в него работ — логичный и последовательный характер.

В-третьих, профессор В.М. Мазырин предлагает читателю анализ не только тенденций развития Вьетнама и окружающего его международного пространства, но и оригинальные наработки по методологии исследований. Это проявляется, в частности, на примере статьи «Источники и методология исследования экономической интеграции стран Юго-Восточной Азии» (т. 2, с. 127—135). Для специалиста ознакомиться с такими работами полезно хотя бы потому, что они носят не отвлеченно-умозрительный, а доказательный характер. Последнее обусловлено практикой, поскольку Владимир Моисеевич не только подготовил множество научных трудов как ученый-вьетнамист, но и принял участие в различных мероприятиях по развитию связей между Советским Союзом и впоследствии Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам.

Структура рецензируемого двухтомника носит логичный характер, оставляя ощущение последовательности, целостности и законченности изложения материала. Сборник состоит из шести разделов, в которых анализируются вопросы, связанные с историей, политическими, социальными и экономическими особенностями развития Вьетнама, его взаимодействием с соседними государствами, региональным сотрудничеством и российско-вьетнамскими экономическими отношениями. В заключительный раздел вошли статьи профессора В.М. Мазырина, опубликованные на английском языке. В основу структуры двухтомника положен, таким образом, проблемный подход.

В **первый том** рецензируемого труда вошли разделы I—III.

Раздел I содержит избранные труды, где рассматриваются исторические, политические и социальные процессы во Вьетнаме. Не пересказывая содержание каждой из вошедших в раздел работ (читатель может ознакомиться с ними в первоисточнике), отметим широкий взгляд и внимание к деталям их автора. Большой профессиональный интерес вызывает анализ национальной политики СРВ и проблем ее автономии. Автор подчеркивает: поскольку процессы консолидации этнических групп имеют и внешнеполитическое измерение, необходим подход, учитывающий интересы сопредельных стран, т. к. на их территории проживают родственные народы. Отдельное внимание уделено тому, при помощи каких именно инструментов вьетнамское руководство не позволяет существующим

проблемам перейти в крупный внутриполитический кризис (об этом речь идет в статье «Сохранение межнационального мира во Вьетнаме: достижения и проблемы», подготовленной совместно с О.В. Егоруниным, с. 15—29).

Проводя разбор факторов успешности экономической модернизации страны, автор предлагает расширить причины перехода к политике «Дой мой», уделив больше внимания внешнеполитическому измерению заинтересованности вьетнамского руководства в проведении реформ (это проанализировано в статье «Мифы и реальность советского влияния на Вьетнам», с. 65—78). Примечательно, что профессор В.М. Мазырин далек от того, чтобы рассматривать развитие СРВ исключительно в благостно-идиллическом ключе, указывая на социальные издержки развития вьетнамской модели модернизации. Об этом, в частности, речь идет в статье «Коррупция во Вьетнаме и меры по ее ограничению: тревожный вызов для КПВ» (с. 52—64), подготовленной совместно с Е.В. Кобелевым.

Не менее значима попытка автора уточнить ряд спорных моментов в советско-вьетнамских отношениях во время Второго индокитайского конфликта (статья «О роли Советского Союза в войне Вьетнама против США (1965—1975) и попытках фальсификации истории», также написанная совместно с Е.В. Кобелевым, с. 79—89), нацеленная на развенчание мифов и предвзятых трактовок исторических событий. Тому, что такая предвзятость наблюдается сплошь и рядом, удивляться, к сожалению, не приходится. Тем важнее с ней бороться, и отрадно, что специалисты высокого класса играют в этом заметную роль.

В Разделе II речь идет об общих вопросах экономического развития Вьетнама. Для раздела характерна сбалансированность между преимущественно обзорно-прогностическими материалами, хотя сильная аналитика присутствует и здесь (примером чего служит, в частности, статья «Итоги развития экономики СРВ в 2016—2020 гг. и перспективы до 2045 г.», с. 209—221), и проблемно-концептуальными (например, «Две системы, два пути развития экономики Вьетнама» и «Проявления мирового экономического кризиса и меры по борьбе с ними в СРВ», с. 222—233 и 361—372 соответственно). В работах не только проведен анализ проходящих в СРВ экономических процессов и проблем, с которыми сталкивается страна, но и представлены рекомендации по повышению эффективности политики, проводимой руководством СРВ. Примечательна взвешенная позиция автора относительно настоящего и будущего вьетнамской экономики в контексте либерально-рыночной парадигмы ее развития (статья «Экономика Вьетнама в 2023 г.: плоды развития в неолиберальной парадигме», с. 170—179). Их профессор В.М. Мазырин оценивает весьма скептически, указывая, что «...время глобализации по-американски прошло, а ее потенциально негативные последствия стали перевешивать видимые выгоды» (с. 178). Отдельной заслугой автора можно считать подготовку статьи «Две системы, два пути развития экономики Вьетнама» (с. 222—233), где представлен основательный бэкграунд экономической политики двух вьетнамских государств до объединения страны в 1976 г. Такая ретроспектива позволяет лучше понять особенности развития СРВ и проводимых там преобразований уже на современном этапе. В частности, профессор В.М. Мазырин фиксирует эволюцию модели развития СРВ от государственного капитализма к так называемому периферийному капитализму, при ко-

тором вьетнамская экономика тяготеет к сотрудничеству преимущественно с наиболее развитыми странами, поставляя туда сырье, готовую продукцию и дешевую рабочую силу, но оставаясь зависимой от этих государств в технологическом отношении (с. 233).

Украшает рецензируемый труд и статья «Вьетнамоведение в России: история и современность» (с. 157—169), в которой прослеживается смена фокуса отечественных исследователей, работавших в советские и постсоветские годы, при изучении различных аспектов экономического развития Вьетнама, а также состояния источниковой базы, терминологии, концептуальных подходов и методов таких изысканий.

Раздел III сборника посвящен рассмотрению особенностей внешнеэкономической деятельности СРВ. Представлено региональное (ТТП[1]), трансрегиональное (ЕАЭС и ЕС) и глобальное (ВТО) измерение политики страны. Хотя профессиональный интерес представляет каждая из вошедших в раздел статей, акцент автора на ЕАЭС представляется, по крайней мере — специалисту из РФ, логичным и уместным. Здесь отметим, что В.М. Мазырин далек от оптимистичных ожиданий относительно перспектив такого сотрудничества и на с. 375—376 обоснованно сетует: «Характерной чертой российских и вьетнамских авторов является приукрашивание реальной картины, преувеличение достигнутых результатов» (статья «Соглашение о свободной торговле ЕАЭС с Вьетнамом: ожидания и реальность», с. 375—393). С этим можно согласиться, тем более что в период активизации российской политики в ЮВА к анализу (или, уместнее сказать, псевдоанализу) тем, связанных с субрегионом, подключились конъюнктурщики всех мастей без серьезных профессиональных и, шире, интеллектуальных наработок. Что же касается профессора В.М. Мазырина, то он, напротив, не видит серьезных оснований для прорыва в диалоге между СРВ и ЕАЭС, указывая на ряд присущих такому сотрудничеству ограничений. Частный пример, иллюстрирующих общую картину, представлен в той же статье, где автор пишет: «Интеллектуальная собственность, которую на должном уровне генерирует среди членов Союза только Россия, пока не востребована СРВ ввиду полного доминирования на местном рынке продукции, ноу-хау, политического лоббирования Запада. К исключениям относятся обращения силовых органов за поддержкой в обеспечении кибербезопасности...» (с. 389).

Столь же академически выверенный анализ характерен и для остальных статей рассматриваемого раздела. В частности, в работе «Соглашение о свободной торговле между Вьетнамом и Евросоюзом: мотивы, обязательства, ожидания» (с. 424—437) выявлены основные стимулы, подтолкнувшие стороны к созданию ЗСТ, проблемы на пути реализации задуманного, характер и динамика экономического сотрудничества сторон, ожидаемые эффекты от ЗСТ и иные моменты, позволяющие детально разобраться в особенностях рассматриваемой проблемы и ее эволюции. Наконец, в статье «Экономические последствия участия Вьетнама в ВТО» (с. 470—487) автор предлагает читателю комплексный и нюансирован-

[1] Соответствующая статья впервые была опубликована в 2018 г.; учитывая период технологического цикла публикации, термин ВПТТП еще не вошел в научный оборот.

ный анализ развития вьетнамской экономики после вступления страны в ВТО, показывая динамику развития различных секторов и выявляя обусловившие ее внешние и внутренние факторы.

В целом раздел позволяет отделить информационный шум от содержательной оценки реальных, а не декларативных возможностей, которые могут предоставить государству интеграционные площадки в стимулировании его экономического развития, причем на примере страны, добившейся по части последнего впечатляющих успехов.

Второй том начинается с Раздела IV, где речь идет о региональном сотрудничестве. Структурно раздел состоит из двух подразделов — Восточной Азии и Юго-Восточной Азии. В каждом из них материал не замыкается исключительно на СРВ, расширяясь на международный контекст развития страны. К последнему уместно отнести статьи «КАФТА — новый формат экономического взаимодействия в Восточной Азии» (с. 57—69), «Внешнеполитические нарративы стран АСЕАН» (с. 80—96), «Ход и предпосылки создания Экономического сообщества АСЕАН» (с. 136—151). В раздел вошли материалы и по Вьетнаму — как, например, «Вьетнам в АТЭС: опыт и результаты участия» (с. 45—56). Такие исследования важны для понимания эволюции как внешней экосистемы, в которой происходит развитие СРВ, так и отношений Вьетнама с другими странами, прежде всего с Россией, поскольку позволяют последней эффективно координировать перспективные планы в диалоге с азиатско-тихоокеанскими партнерами.

Однако при всей важности этих работ все же, на взгляд рецензента, наиболее ценной составляющей рассматриваемого раздела является статья «Источники и методология исследования экономической интеграции стран Юго-Восточной Азии» (с. 127—135). В ней профессор В.М. Мазырин ставит вопрос об обновлении методологии исследования интеграционных формирований, причем значимость его выводов и обобщающих оценок далеко выходит за рамки собственно Юго-Восточной Азии. Речь идет о соотношении глобализации и регионализации на различных этапах исторического периода после окончания холодной войны, появлении новых элементов во взаимодействии политики и экономики в стимулировании процессов многостороннего экономического сотрудничества, а также новых форм торговой либерализации и протекционизма. Такие обобщения имеют особую ценность, поскольку многосторонние форматы, проекты и инициативы претерпевают серьезную трансформацию (рецензент говорит об этом предметно, поскольку углубленно изучает политику АСЕАН и входящих в нее стран в цифровом пространстве), и обновление теоретико-методологического инструментария исследователя этих процессов — веление времени.

В Раздел V вошли статьи профессора В.М. Мазырина, подготовленные им в разные годы, в которых рассматриваются эволюция, состояние и перспективы российско-вьетнамских экономических отношений. Здесь уместно отметить критическую оценку автором как характера развития такого сотрудничества, так и достигнутых к настоящему времени результатов. В частности, в статье «Сдержки экономического сотрудничества между Россией и Вьетнамом» (с. 163—174) В.М. Мазырин отмечает, что «...экономические отношения, несмотря на определенный прогресс, ...все сильнее уступают по объемам, качеству и влиянию кон-

курентам России» (с. 163). Есть у Москвы и Ханоя существенные расхождения в подходах к роли Пекина в современной мировой политике и экономике, равно как к процессу глобализации в целом (с. 164—165). Не менее важно несовпадение взглядов РФ и СРВ на процессы глобализации, а также сферы их геополитических интересов (с. 165—166). Это проецируется на ряд направлений российско-вьетнамского сотрудничества, разобранных в последующих статьях раздела: от двусторонней торговли и причин ее стагнации (с. 175—190) до различных направлений укрепления производственно-технологических связей и создания новых платежных инструментов, а также формирования особых экономических зон (с. 191—207). Анализируются перспективы сотрудничества между двумя странами с точки зрения их возможностей координировать перспективные планы своего развития, примером чего служит статья «Экономический рост Вьетнама и возможности расширения его сотрудничества с Россией» (с. 225—238). В целом профессор В.М. Мазырин склоняется к точке зрения, и в этом рецензент с ним согласен, что развивать отдельные направления российско-вьетнамского диалога — будь то взаимная торговля или совершенствование финансовых инструментов ее поддержки — бессмысленно без выстраивания всеобъемлющей экосистемы сотрудничества, где экономика, безопасность, культурно-гуманитарные обмены и иные направления дополняют друг друга, создавая эффект мультипликатора. Без этого не произойдет «перехода количества в качество», примером чему служит, по мнению В.М. Мазырина, диссонанс между военно-политической и экономической сферами сотрудничества Москвы с Ханоем. С этим трудно не согласиться, учитывая статус отношений РФ и СРВ как всеобъемлющее стратегическое партнерство и динамично развивающиеся связи в военно-технической сфере при скромных масштабах торгово-экономических обменов. В целом, прочтение вошедших в раздел статей подталкивает к выводу, что лицам, принимающим решения по ключевым вопросам российской политики в отношении Вьетнама, необходимо активнее привлекать к их выработке экспертов, равно как избегать заведомо невыполнимых обещаний (например, о стремлении кратно нарастить объемы взаимной торговли через пять или десять лет). Как показывает практика, такие обещания не выполняются в силу именно тех причин, о которых год за годом говорят ведущие эксперты страны.

Раздел VI рецензируемого сборника состоит из трудов профессора В.М. Мазырина на английском языке. В содержательном плане основные выводы и обобщающие оценки, в общем и целом, созвучны представленным в предыдущих разделах двухтомника. Тем не менее раздел имеет особую ценность.

Во-первых, он кратно расширяет целевую аудиторию не только рецензируемого сборника, но и исследователей российско-вьетнамских отношений и развития Вьетнама. При всех пробуксовках и попятных движениях, характерных для российской политики на азиатско-тихоокеанском пространстве, Россия остается там заметным игроком хотя бы в силу развитых и диверсифицированных поставок вооружений и военной техники в страны региона. Соответственно, целеполагание и практические аспекты политики РФ будут скрупулезно изучаться зарубежными специалистами — и здесь наработки уважаемого российского профессора окажутся весьма кстати.

Во-вторых, в современных условиях «отмены России» и откровенной фальсификации исторических событий, касающихся как Российской Федерации, так и Советского Союза, очень полезны контрмеры — рассчитанные как на массовую, так и на профессиональную аудиторию. На внимание последней нацелена статья, подготовленная В.М. Мазыриным совместно с австралийским исследователем А. Фьордом (Adam Fforde) "Soviet Influence on Vietnamese Development Policy — Some Myths" («Советское влияние на вьетнамскую политику развития — некоторые мифы») (с. 313—334), где с опорой на репрезентативную источниковую базу проводится детальный разбор и опровержение некоторых из таких мифов.

Наконец, в-третьих, раздел может и должен послужить инструментом научной дипломатии в российско-вьетнамских отношениях, повышая осведомленность об их истории и современном состоянии у молодых вьетнамских ученых, дипломатов и иных специалистов, причастных к разработке и проведению внешней политики СРВ. Приходится признать, что русский язык сейчас изучается в СРВ далеко не так интенсивно, по сравнению с тем, как это было во время существования СССР, и молодые вьетнамцы получают информацию о событиях вьетнамо-советского и вьетнамо-российского сотрудничества преимущественно из англоязычных материалов. Тем более значим и ценен англоязычный раздел опубликованного двухтомника.

Формат рецензии предполагает выявление недостатков работы и обсуждение каждого из них. В случае со сборником трудов В.М. Мазырина это нецелесообразно. Дело даже не в том, что критика невьетнамистом мэтра именно вьетнамских исследований выглядела бы натужно и нелепо. Главное — в другом: рецензируемая работа является именно сборником статей, пусть и объединенных общей структурой и логикой, а не диссертацией или монографией, где ставится исследовательский вопрос, предлагается авторская гипотеза как ответ на него, определяется актуальность темы исследования и пр. Что же касается рецензируемого сборника, то он представляет собой, скорее, фиксацию научной мысли на различных этапах страноведческих исследований одним из ведущих специалистом своего направления. Можно было бы, конечно, поискать мелкие недочеты в каждой из вошедших в сборник статей, равно как в его структуре (например, заявить: если автор проводит анализ отношений Вьетнама с Японией на с. 44—51 первого тома, то было бы целесообразно столь же подробно рассмотреть отношения Вьетнама с другими внерегиональными странами), но такое малодостойное критиканство выглядело бы, учитывая профессиональную репутацию рецензента, откровенно несолидно, вызвав лишь недоумение коллег. Так что делать этого мы не будем. В целом же содержательно, структурно и по форме подачи материала подготовленный научный труд является ценным вкладом в исследование как особенностей развития Вьетнама, так и региональных факторов, определяющих его контекст. Именно это определяет научную и практическую ценность подготовленного сборника.

Внимательное прочтение рецензируемого двухтомника ставит перед специалистом вопрос: в чем состоит «большая идея» проделанной работы? Издать фундаментальный научный труд, состоящий из работ одного из лучших в мире вьетнамистов, как дань уважения его профессиональной деятельности? Безусловно,

но этим дело не ограничивается. Представить подробную и одновременно концептуально оформленную информацию о стране, а в ряде случаев — готовые рекомендации, лицам, принимающим решения по выработке и проведению политики РФ в отношении СРВ? Тоже верно, но и этим «большая идея» не исчерпывается. Облегчить жизнь студентам, специализирующимся на изучении Вьетнама и Юго-Восточной Азии, — чтобы им не нужно было тратить время и силы на поиски фундаментальных исследований по стране? В том числе, но и этот момент не полностью закрывает замысел публикации двухтомника. Думается, что упомянутая «большая идея», она же — «добавленная стоимость» сборника, состоит в том, чтобы показать, как небольшая страна, не имеющая избытка ресурсов, может на постоянной основе добиваться впечатляющих успехов, считая такой путь своим естественным состоянием. Это включает ответы, которые дает профессор В.М. Мазырин на ряд фундаментальных вопросов применительно к вьетнамской «истории успеха». Как совмещать идеологию и политическую целесообразность, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам? Как выстраивать отношения с крупными странами и интеграционными форматами, добиваясь максимальной отдачи от каждого из них? Как оптимально сочетать во внешнеполитическом планировании и в политической практике участие в глобализации и регионализации, используя вторую в качестве страховки от неизбежных издержек первой? Как эффективно осуществлять процессы экономической модернизации и купировать ее неизбежные социальные издержки? Наконец, как сделать себя нужным большому количеству партнеров, развивая с ними отношения без рывков, в режиме плавного и непрерывного созидания? Ответы на эти вопросы раскрывают причины, в силу которых небольшая и не самая богатая страна смогла совершить впечатляющий модернизационный прорыв, в то время как государства, гораздо более обеспеченные ресурсами, «топчутся на месте» десятилетиями. Содержательные особенности, динамику и внешний контекст эволюции именно этих факторов двухтомник профессора В.М. Мазырина стремится раскрыть и донести до своей аудитории.

В общем и целом, рецензируемый сборник представляет собой фундаментальный научный труд, автор которого, в силу своей широкой эрудиции и профессионального опыта, идет существенно дальше как отечественных, так и большинства зарубежных исследователей по масштабности и глубине анализа. По этой причине подготовленный двухтомник будет востребован в самых разных сферах — от университетов и «фабрик мысли» в России и других странах до практических ведомств, причастных к выработке и проведению внешней политики РФ.

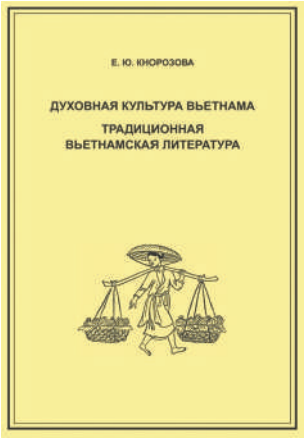
Дата поступления статьи: 03.08.2026
Дата поступления в переработанном виде: 03.08.2026
Принята к печати: 18.08.2026

Received: August 03, 2026
Received in revised form: August 03, 2026
Accepted: August 18, 2026

DOI: 10.54631/VS.2026.103-703820

А.Л. Федорин

Вьетнамская духовная культура и литература как предмет многолетних плодотворных исследований



Кнорозова Е.Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционная вьетнамская литература / отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН, 2025. 431 с. — (Rara orientalia. Вып. 3/9). ISBN 978-5-336-00355-0

Аннотация. Монография Е.Ю. Кнорозовой «Духовная культура Вьетнама. Традиционная вьетнамская литература» обобщает многолетнюю работу автора по изучению литературы Вьетнама и процесса ее формирования и развития, начиная с глубокой древности и вплоть до начала XX в. Монография базируется на конкретных переводах и исследованиях многочисленных текстов, которыми сама автор занималась на протяжении десятилетий, а также скрупулезном учете практически всех доступных ей работ и переводов, принадлежащих перу российских и иностранных ученых и писателей. Книга представляет собой фактически полный обзор письменных произведений, созданных в этой стране, вобрав в себя не только опыт и знания самой Е.Ю. Кнорозовой, но и многочисленные наработки ее предшественников и современников, и вполне способна стать новейшим учебником для преподавания соответствующих дисциплин. Полнота охвата материала, убедительные и безупречные аргументы в пользу выводов и заключений автора, безусловно, обеспечат этой книге долгую жизнь в качестве опоры для исследований аналогичных и смежных проблем.

Ключевые слова: духовная культура, вьетнамская литература, вьетнамская мифология, история Вьетнама.

Автор: Федорин Андрей Львович, доктор ист. наук, в.н.с., Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Центр изучения культуры Китая, г. Москва. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

Для цитирования: *Федорин А.Л.* Вьетнамская духовная культура и литература как предмет многолетних плодотворных исследований // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 149—153.

A.L. Fedorin

Vietnamese Spiritual Culture and Literature as the Subject of Many Years of Fruitful Research

Knorozova E. Yu. Spiritual Culture of Vietnam. Traditional Vietnamese Literature / Ed. N.V. Kolpakova. St. Petersburg: BAN, 2025. 431 p. (Rara Orientalia, 3/9). ISBN 978-5-336-00355-0

Abstract. E.Yu. Knorozova's monograph "The Spiritual Culture of Vietnam. Traditional Vietnamese Literature" summarizes the author's many years of research on Vietnamese literature and its formation and development from ancient times to the early 20th century. The monograph is based on specific translations and studies of numerous texts that the author has been working on for decades, as well as a meticulous account of almost all the works and translations available to her by Russian and foreign scholars and writers. The book is a comprehensive review of the written works created in this country, incorporating not only the author's own experience and knowledge, but also the numerous contributions of his predecessors and contemporaries. It can serve as a valuable resource for teaching related disciplines. The completeness of the material covered, as well as the author's convincing and flawless arguments in support of his conclusions, will undoubtedly ensure that this book will have a long life as a reference for research on similar and related issues.

Keywords: spiritual culture, Vietnamese literature, Vietnamese mythology, history of Vietnam.

Author: Fedorin Andrey L., Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Scienses, Chinese Culture Research Center, Moscow. ORCID: 0000-0003-0336-0055. E-mail: ffeedd@list.ru

For citation: Fedorin A.L. (2026). Vietnamese Spiritual Culture and Literature as the Subject of Many Years of Fruitful Research. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 149—153.

Монография Е.Ю. Кнорозовой состоит из предисловия, одиннадцати глав, заключения и обширных приложений. Отдельные разделы в ее основной части посвящены Индии и традиционному Вьетнаму, жанрам вьетнамского фольклора, классификации вьетнамской традиционной литературы, буддизму и ранним вьетнамским библиотекам, библиографиям, антологиям. Особое внимание уделено «Сочинению на родном языке о десяти видах бесприютных душ-*хон*» и «Запискам о Небесном Юге, сделанным в часы досуга». Оставшиеся главы повествуют об истоках вьетнамской традиционной художественной прозы, вьетнамской традиционной прозе малых форм, традиционной поэзии, традиционном романе в стихах и прозе. В приложении об изучении вьетнамской литературы в России детально описаны труды отечественных авторов, посвященные традиционной прозе и классической поэзии Вьетнама, литературным произведениям в «Полном собрании исторических записок Дайвьета», вьетнамской поэзии и прозе нового и новейшего времени. К явным успехам автора можно отнести и библиографию русскоязычных работ по литературе Вьетнама и переводов вьетнамских ли-

тературных произведений на русский язык, самую полную и подробную из всех, что были когда-либо изданы.

В книге содержится глубокий анализ многочисленных произведений литературы Вьетнама самых разных жанров с упором на наиболее важные и характерные. История последовательного формирования и развития вьетнамской литературы дается на фоне аналогичных процессов в соседних и близких по культуре странах. При этом обширные отступления от основной темы не вызывают раздражение, но позволяют окончательно сформировать картину происходившего в этой сфере, понять ее общие и особенные черты, место этих процессов в русле культурного развития региона. В своей работе Е.Ю. Кнорозова активно использует собственные ранее опубликованные исследования, но при этом не позволяет себе просто переписывать уже изданное, как это нередко случается с подобными трудами у других авторов. Данный текст — это не повторение пройденного, но новый этап в исследовании проблем, ранее уже привлекших ее внимание (Чан Нгуен Дан и его сборник «Нефритовый ручей» (с. 245—254), Ле Нгуен Чынг и его «Сны южного старца» (с. 151—160), образ журавля (с. 270—277), образ луны (с. 255—268) и т. д.). Вызывает уважение глубокая эрудиция, прекрасное знание работ знаменитых предшественников и современников (Н.И. Никулин, М.Н. Ткачев, Т.Н. Филимонова) и умелое их использование при подготовке монографии. В этой связи особой похвалы заслуживает библиографическая часть работы, по-видимому, одна из самых полных и обстоятельных из всех литературных библиографий по данной теме, когда-либо появлявшихся у нас. То же самое можно сказать и о приложениях, в частности, о разделе «Переводы вьетнамской литературы на русский язык», поскольку в последнее время тексты таких переводов выходят в неизвестных издательствах мизерным тиражом и иногда остаются вне поля зрения даже специалистов, или о разделах «Вьетнамская поэзия XX—XXI вв.» и «Вьетнамская прозаическая литература нового и новейшего времени», где исследование доведено буквально до сегодняшнего дня.

Подводя итог, можно сказать, что книга эта безоговорочно очень полезная и важная для российской вьетнамистики и будет самым активным образом использоваться, причем не только в качестве просто учебного пособия, но и как своеобразная «филологическая энциклопедия», где можно найти информацию по очень многим вопросам. Во всяком случае у меня она постоянно находится под рукой.

Присутствуют ли в рецензируемой работе недостатки и неточности? Безусловно, присутствуют. Но почему-то совсем не хочется заострять на них внимание, поскольку в целом они особо не влияют на восприятие текста, не мешают его пониманию и никоим образом не бросают тень на глубину монографии и ее несомненные достоинства. Впрочем, на двух моментах я все же остановился бы, причем это будут не столько замечания, сколько «мысли вслух», сформировавшиеся в процессе прочтения предложенного текста.

Первое — это заголовок: «Традиционная вьетнамская литература». Нигде в работе, включая ее подробное и продуманное предисловие, автор не указывает, что он имеет в виду под этим термином, хотя для вьетнамистов это очень важно. Ведь существенная часть описываемых в монографии работ была написана на

неродном для их составителей языке — китайском (*ханване* или *ханвьете*, кому как нравится), который они явно не использовали в общении и в повседневной жизни. Бóльшая часть населения страны, исключая элиту, не могли воспринять такую литературу ни путем прочтения, ни даже на слух. Можно ли ее считать в таком случае вьетнамской? Или же это часть дальневосточной литературы в целом, включающая аналогичные опусы не только китайских, но и корейских и японских авторов (во всяком случае, именно это было доказано К.Ю. Леоновым для поэзии Дайвьета XI—XIV вв.)? Аналогичные ситуации ведь есть и в литературе других стран. Являются ли блестящие произведения древнегреческих авторов, написанные на латинском языке в имперский период, частью традиционной греческой литературы? Не начинается ли традиционная вьетнамская литература лишь с появлением полномасштабных произведений на национальном языке, *номе*? Можно ли отнести к традиционной литературе романы, написанные вьетнамскими писателями в XX в. на *куокнгы* (с. 301—303), пусть даже по форме и содержанию многие из них мало чем отличаются от своих предшественников? У меня нет готовых ответов на эти вопросы. Но дать их для себя очень важно. А пока я бы назвал эту монографию (особенно с учетом приложений) «Очерки литературы Вьетнама», причем именно так, а не «Очерки вьетнамской литературы».

И вторая проблема, на которую я хотел бы обратить внимание, это произведения в жанре *шилу* (實錄, вьет. thực lục, «правдивое повествование»). В данной монографии и в некоторых других своих работах автор все тексты с этим детерминативом в названии объединяет в единую группу. Между тем такое обозначение во Вьетнаме носят две совершенно разные категории исторических источников. Первая из них — традиционная и неотъемлемая часть имперского культа. Еще с древности на Дальнем Востоке при дворе любой династии всегда существовала группа чиновников-историков, которая вела «ежедневные записи» о всем, что происходило в стране и в столице, а затем сокращала их, объединяя в «правдивое повествование» (*шилу*), носящее характер анналов. Это всегда была секретная рукопись в одном экземпляре, которую никто кроме авторов во времена правления действующей монархии не имел права читать. Данное ограничение касалось даже самого императора. Известен случай, когда император Ле Тхань-тонг (прав. в 1460—1497 гг.) потребовал, чтобы ему все-таки показали написанное. Чиновники вынуждены были это сделать, но потом оставили в том же *шилу* негативную оценку этого разового неправомерного действия.

После падения династии и прихода к власти следующей, уже она создавала специальную комиссию, которая на основании этих *шилу* и других материалов составляла официальную летопись правления предшественников. Позднее эти *шилу*, как правило, так или иначе прекращали свое существование. В Китае исключение составило «Правдивое повествование» династии Мин (*Мин шилу*), сохранившееся до наших дней и опубликованное. Кроме того, после падения династии Цин (1644—1911) и образования республики уже никто не стал писать историю предыдущей династии, и ее место в череде династийных хроник заняло именно *Цин шилу*.

Примерно такая же ситуация сложилась и во Вьетнаме. Здесь династийные *шилу* вели по крайней мере начиная с династии Поздние Ли (1010—1225), все они не сохранились. Исключение составляло лишь «Правдивое повествование о Дайнаме» (*Дайнам тхыклук*), доведенное до 40-х гг. XX в., сохранившееся по той же самой причине, что и *Цин шилу*: традиционную историю династии Нгуен (1802—1945) писать уже никто не собирался.

Во Вьетнаме тем же термином, что и указанные выше подробные династийные хроники, называли совершенно иной жанр государственных текстов: как правило, это были повествования об удачных войнах с последовательным их описанием от начала и до конца. Судьба их была совершенно иной. Они, не менее подробные, но весьма специализированные и охватывающие непродолжительный промежуток времени, были призваны прославить действующих правителей и полководцев, и немедленно становились широкодоступными, распространяемыми чаще всего в виде ксилографов. Вопрос о том, как и когда появился этот вид текстов во Вьетнаме, требует дополнительного изучения. До нас дошел *Лам-шон тхыклук* о победе Ле Лоя над династией Мин (правда, в поздней редакции), аналогичные работы, к сожалению, не сохранившиеся, были изданы и при императоре Ле Тхань-тонге, сначала о походе на Чампу, потом на запад, на лаосские племена. Известны еще несколько подобных источников времен династии Поздние Ле (1428—1789) о гражданских войнах XVIII в. (*Биньнам тхыклук*, *Биньтай тхыклук*, *Биньбак тхыклук*). То есть, несмотря на совпадающие обозначения жанра, подобные тексты никак нельзя рассматривать как родственные.

Чтение предложенной для рецензии монографии заставило задуматься и над рядом других важных и сложных проблем развития литературы Вьетнама, и это замечательно. Значит, написана она не напрасно и обязательно займет достойное место среди своих предшественниц.

Дата поступления статьи: 05.03.2026
Дата поступления в переработанном виде: 09.05.2026
Принята к печати: 30.07.2026

Received: March 05, 2026
Received in revised form: May 09, 2026
Accepted: Jule 30, 2026

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

DOI: 10.54631/VS.2026.103-705281

Е.Р. Сигаури-Горский

Творческий и жизненный путь Нгуен Куок Диня: к 110-летию со дня рождения выдающегося вьетнамского ученого-правоведа

Аннотация. В статье раскрыта научная и политическая биография выдающегося вьетнамского ученого-правоведа и дипломата Нгуен Куок Диня, подробно анализируется разработанная им международно-правовая доктрина. Показано, что теоретические взгляды Нгуен Куок Диня формировались под влиянием французского солидаризма, но при этом отличались стремлением к синтезу социологического подхода в юридической науке с формально-юридической определенностью правового позитивизма. Рассматриваются отдельные позиции ученого, в том числе его критика волюнтаризма, объективистская концепция формирования обычных норм международного права, скептическое отношение к императивным принципам международного права; предлагается критическая оценка этих положений. Делается вывод о значении научного наследия Нгуен Куок Диня как важной страницы в истории мировой международно-правовой мысли и вьетнамской юридической науки.

Ключевые слова: Нгуен Куок Динь, социологические подходы к международному праву, солидаризм, история политических и правовых учений Вьетнама, история международного права, теория международного права.

Автор: Сигаури-Горский Егор Русланович, с.н.с., Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, г. Москва. ORCID: 0000-0002-6879-3065. E-mail: sigauri-gorskiy@iccaras.ru

Благодарности: автор выражает глубокую благодарность м.н.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН М.Н. Щербенко за помощь в переводе и работе с источниками на вьетнамском языке.

Для цитирования: *Сигаури-Горский Е.Р.* Творческий и жизненный путь Нгуен Куок Диня: к 110-летию со дня рождения выдающегося вьетнамского ученого-правоведа // Вьетнамские исследования. 2026. Т. 10. № 3. С. 154—167.

E.R. Sigauri-Gorsky

The Life and Scholarly Work of Nguyễn Quốc Định: On the 110th Anniversary of the Birth of an Outstanding Vietnamese Legal Scholar

Abstract. The article examines the intellectual and political biography, as well as the international legal doctrine of Nguyễn Quốc Định, an outstanding 20th-century Vietnamese legal scholar and diplomat. It is shown that Nguyễn Quốc Định's theoretical views were shaped under the influence of French solidarism, yet were distinguished by an aspiration to synthesize the sociological approach with formal legal certainty of legal positivism. His critique of voluntarism, his objectivist conception of the formation of customary norms of international law, and his skeptical attitude towards peremptory principles of international law are analyzed; a critical assessment of these positions is offered. The article concludes on the significance of Nguyễn Quốc Định's scholarly legacy as an important chapter in the history of global international legal thought and Vietnamese legal science.

Keywords: Nguyễn Quốc Định, sociological approaches to international law, solidarism, history of political and legal thought in Vietnam, history of science of international law, theory of international law.

Author: Sigauri-Gorsky Egor R., Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Centre for Vietnam and ASEAN Studies. ORCID: 0000-0002-6879-3065. E-mail: sigauri-gorskiy@iccaras.ru

Acknowledgments: The author expresses deep gratitude to M.N. Shcherbenko, Junior Research Fellow at the Center for Vietnam and ASEAN Studies of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, for her assistance in translating and working with sources in Vietnamese.

For citation: Sigauri-Gorsky E.R. (2026). The Life and Scholarly Work of Nguyễn Quốc Định: On the 110th Anniversary of the Birth of an Outstanding Vietnamese Legal Scholar. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 10 (3): 154—167.

Введение

Творческий и жизненный путь профессора, доктора международного права Нгуен Куок Диня (1916—1976) является примером сложной судьбы патриота и интеллектуала, ведущего свою деятельность в непростое время не только для родной страны, но и для всего международного сообщества государств. Нгуен Куок Динь стал первым вьетнамцем, выдержавшим экзамен на получение французской академической степени *агреже* (*agrégé*) в области юридических наук. Однако, как отмечено во вьетнамских источниках, соответствующее звание было присуждено ученому лишь в 1949 г., ввиду того что Нгуен Куок Динь помогал руководителям ДРВ Хо Ши Мину и Фам Ван Донгу во время их рабочей поездки во Францию для переговоров с французским правительством. Будучи одним из авторитетных вьетнамцев, проживавших во Франции, проф. Динь взял на себя инициативу помогать делегации президента Хо Ши Мина, сопровождая ее во время встреч с французскими официальными лицами и представителями вьетнамской диаспоры [Học giả... 2017]. В разное время Нгуен Куок Динь был профессором международного права на юридическом факультете и факультете эко-

Нгуен Куок Динь.
Источник: [Daillier 2014].

номических наук Университета Кан-Нормандия, профессором юридических факультетов университетов Тулузы, Парижа, Ханоя, Сайгона. При этом, как отмечено во французской литературе, помимо международного права, ученый также занимался исследованиями в области методологии общественных наук и политической социологии [Daillier 2014].

Самая известная работа Нгуен Куок Диня «Международное публичное право» (Droit international public, 1975) практически стала учебным пособием по данной теме для нескольких поколений правоведов как во Франции, так и в ряде других стран[1].

Вместе с тем некоторые современные оценки, появившиеся во вьетнамских СМИ, в частности, о том, что ученый «создал доктрину международного права, признанную миром и ставшую фундаментом для принятия последующих международных договоров» [Chuyện còn ít biết... 2022], представляются несколько завышенными. Во-первых, ни одному выдающемуся ученому-правоведу не удалось когда-либо создать некую «единую общепризнанную доктрину международного права». Во-вторых, «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций» играют конкретную роль в регулировании межгосударственных отношений, выступая в качестве вспомогательного источника при определении применимых норм международного права [Vylegzhanin,

[1] Этот труд неоднократно переиздавался с комментариями и дополнениями французских ученых, см., напр.: [Nguyen Quoc Dinh 1994], переведен с французского на другие языки, в том числе русский [Нгуен Куок Динь, Дайе, Пелле 2000].

Sigauri-Gorsky 2025], что предусмотрено Ст. 38 Статута Международного суда ООН — неотъемлемой части Устава ООН[1].

На дипломатической работе Нгуен Куок Динь представлял Южный Вьетнам на Женевской конференции 1954 г., конференциях ООН по морскому праву (1958 и 1960 гг.), Женевской конференции по Лаосу (1961—1962 гг.), Конференции ООН по дипломатическим сношениям и иммунитетам 1961 г., Конференции ООН по консульским сношениям и иммунитетам в Вене 1963 г. В 1966—1975 гг. являлся представителем Республики Вьетнам в ЮНЕСКО.

Материалы и методы исследования

Данная статья подготовлена в рамках историко-правового исследования с особым акцентом на анализ доктринального материала, т. е. научных публикаций Нгуен Куок Диня. Биографический метод призван помочь реконструировать интеллектуальную и профессиональную деятельность ученого. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления его международно-правовой доктрины с научными идеями других представителей зарубежной и отечественной науки международного права. Системный подход применен для целостного осмысления теоретической концепции международного права, разработанной ученым, как сложного явления, включающего теоретико-правовые, философско-правовые, социолого-правовые элементы.

Политико-правовая позиция Нгуен Куок Диня на посту министра иностранных дел Государства Вьетнам (Южного Вьетнама) на Женевской конференции 1954 г.

Первоначально, когда французская сторона направила приглашение правительству Бао Дая к участию в Женевской конференции, Нгуен Куок Динь отклонил его, указав, что Франции «прежде следовало бы предоставить полную независимость Государству Вьетнам», в противном случае последнее «предстало бы как находящееся в подчинении у Франции, не обладающее полным суверенитетом, что являлось бы абсолютно неприемлемым» [Fishel 1974: 353]. Напомним, что на тот момент Франция сохраняла за собой права в отношении дипломатических и военных вопросов правительства Южного Вьетнама, ссылаясь на Ст. 62 Конституции 1946 г.[2] В ответ представители Франции указали, что завершить договорный процесс по предоставлению полной независимости не представляется возможным до начала конференции. По настоянию Нгуен Куок Диня, император Бао Дай в конечном итоге согласился на участие своего правительства в конференции, но только при условии, что официальное приглашение поступит совместно от США и Франции, что продемонстрировало бы отношению к Государству Вьетнам как к «суверенному и равному партнеру» [Fishel 1974: 354].

[1] Статут Международного суда ООН. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/sicj/icj_statute_r.pdf

[2] Constitution de 1946, IVe République. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutio яns-dans-l-histoire/constitution-de-1946-ive-republique

В ходе первого этапа конференции (с 8 мая по 19 июня 1954 г.) Нгуен Куок Динь постулировал, что «Государство Вьетнам — единственное государство, обладающее полномочиями представлять Вьетнам. Армия Вьетминя может присоединиться к общим вооруженным силам после свободных всеобщих выборов». Однако это предложение министра было воспринято как «необоснованное и нереалистичное» [Pham Duc Thuan, Tran Minh Thuan 2024: 5]. Нгуен Куок Динь выступал категорически против любых попыток политико-правового и географического разделения страны демаркационными линиями. Известно также, что он возлагал надежды на достижение эффективного и непредвзятого внешнего контроля за выборами со стороны ООН [Geneva Accords... 2011: B-11]. Так, в своем заявлении от 9 июня 1954 г. Нгуен Куок Динь указывает следующее: «Мы продолжаем отстаивать контроль со стороны Организации Объединенных Наций потому, что мы верим в ее беспристрастность и нейтральность» [Советский Союз и Вьетнам... 2017: 366] Обратим внимание, что эти позиции министра критически рассматривается в работе Ю.Я. Михеева, однако автор не указывает конкретно, что данные констатации принадлежали именно Нгуен Куок Диню [Михеев 1977: 40].

После Женевской конференции 1954 г., имевшей неблагоприятные для Государства Вьетнам результаты, Нгуен Куок Динь возвращается к научной работе в области теории и практики международного права, обосновывая оригинальную социологическую юридическую доктрину, тяготеющую к солидаризму, о котором пойдет речь далее.

Основы солидаризма как общественно-политического, философского и юридического учения

Солидаризм в конце XX в. стал одним из наиболее «популярных социальных идеалов», заняв прочное место в интеллектуальной среде того времени [Zeldin 1973: 654], являясь своего рода промежуточным звеном между коллективистскими идеями социализма и индивидуализмом [Fouillée et al. 1916: 94]. В литературе отмечается, что «концептуально солидаризм восходит к философии немецкого романтизма. Он появился как реакция на разочарование в либерализме и ценностях Французской революции 1789 г.» [Идеология... 2010: 12]. Ранняя популярность солидаризма как политической идеологии и политической философии, впрочем, как отмечает А.Н. Окара, не спасла его от последующего забвения «не только теоретиками, но даже историками идей и идеологий» [Окара 2013: 147]. Центральным понятием для этого направления общественной мысли выступает «солидарность», т. е. «сотрудничество во имя достижения общих целей, совпадение интересов, взаимные поддержка и уважение» [Философия права... 2021: 649].

Идеи солидаризма распространились на широкий круг социально-гуманитарных наук. В социологии, социальной и политической философии — дисциплинах, где берет начало рассматриваемое учение, ключевыми фигурами этого направления являлись О. Конт и Э. Дюркгейм, П. Леру и С. Бугле [Солидаризм... 2017; Шацкий 2018: 319—328, 492—525]; в науке о внутригосударственном праве

и политическом устройстве государства — Л. Дюги, Л. Буржуа, П.И. Новгородцев, Г.К. Гинс, Б.А. Кистяковский [Москаленко 2024]; в науке международного права — Ж. Ссель и Н. Политис, а также, с некоторыми оговорками, Нгуен Куок Динь и А. Альварес [Левин 1958: 65—69; Koskenniemi 2004: 256—353].

Так как главным предметом исследований проф. Нгуен Куок Диня является именно право, остановимся подробнее на солидаристких представлениях об общей теории права и международном праве. Не будет преувеличением утверждать, что из всех правоведов, представляющих данное направление, центральной фигурой в общей теории права выступает упомянутый выше французский ученый-юрист Л. Дюги. Излагая свое учение о праве, Дюги писал: «Однако идея общественного правила отнюдь не метафизична. Оно не выходит за пределы общества. Оно является элементом общества или, вернее, оно и есть само общество. Мы подчиняемся этому правилу не потому, что оно создает некий высший долг, а просто потому, что мы так или иначе являемся членами общества и, следовательно, неизбежно подлежим его социальной дисциплине. Очевидно, например, что социальное правило, запрещающее такие деяния, как убийство, грабеж и поджог, существовало как норма права еще до того, как было сформулировано в позитивном законодательстве. Каждому из нас ясно, что оно имеет обязательный характер, не трансцендентный и абстрактный, а основанный на фактах социальной жизни» [Duguit 1919: 71].

Дюги, подобно другим представителям социологического правопонимания, выводил происхождение права не из суверенной воли государства, а из социального факта — социальной солидарности, являющейся объективной потребностью общества. Право он рассматривал как нормативное выражение этой солидарности, выполняющее функцию социальной организации, что противостоит взгляду на право, как на продукт произвольного усмотрения законодателя. Как отмечено отечественными правоведами, рассматриваемые французским юристом «социальные правила» не являются моральными нормами, но их «можно и нужно считать правовыми нормами» [История... 2006: 754]. Однако правом, по мнению Дюги, является только право в объективном смысле[1] и лишь тогда, когда оно «соответствует норме солидарности» [История... 1960: 841], при том что право, согласно его учению, не идентично закону, но оно оформляется и охраняется государством, получая воплощение, формулирование и приведение в действие в законе (как в форме своего бытия) [Баскин 2006: 38; Антология... 1999: 594].

В международно-правовой науке, в свою очередь, основным продолжателем учения Л. Дюги выступал член Комиссии международного права ООН, член Постоянной Палаты Третейского Суда проф. Ж. Ссель. На основе его концепций солидаризм укрепился среди социологических подходов к международному праву в качестве одного из трех ключевых направлений, наряду с объективистским и субъективистским подходами [Kolb 2016: 110]. Для проф. Сселя подлинным субъектом международного права выступает индивид, а не государство. Следуя

[1] Субъективное право в привычном юридическом смысле Дюги отрицал. Он пишет: «Собственник капиталист облечен определенной социальной функцией. Я отрицаю его субъективное право собственности, но я утверждаю его социальный долг» [Антология... 1999: 594].

социологическому объективизму Дюги, Ссель выводит международное право из «объективного права», состоящему из норм, «обусловленных социальной реальностью» [Oxford Handbook... 2012: 1162]. Опираясь на социологию Э. Дюркгейма, Ж. Ссель утверждает, что давление разделения труда в международном обществе ставит под сомнение легитимность классического международного правопорядка, основанного на суверенитете государств. В русле идей Дюги он разворачивает «спор дисциплин» между юриспруденцией и другими социальными науками, причем последние ассоциируются с индивидом, социальным благом, человечеством и ценностями интернационализма, тогда как первая предстает «идеалистической фиксацией на устаревших концепциях». Противопоставляя социологические подходы к международному праву юридическому позитивизму, ученый отдает приоритет «сообществу перед индивидом», а следовательно, «международному сообществу перед государствами». Эмпирически он обосновывает, что государства могут оказываться во власти коллективных интересов, более сильных, чем интерес отдельного государства. Ж. Ссель поддерживает идею о том, что государственные должностные лица обязаны видеть в себе не просто слуг своего государства, но и проводников «объективного права» международного общества, в более широких интересах которого они должны действовать. Наконец, он выступает за создание международных институтов, призванных отслеживать рост объективного права, отражающего усиливающуюся интеграцию международного сообщества в соответствии с экономическим и социальным развитием международного разделения труда [Carty. Sociological Theories...]. Впоследствии солидаристская доктрина международного права Ж. Сселя стала предметом как ограниченной рецепции, так и критического рассмотрения со стороны Нгуен Куок Диня, о чем мы поговорим далее.

Международно-правовая доктрина Нгуен Куок Диня: вопросы теории

Прежде всего, в своих теоретических построениях Нгуен Куок Динь отвергает волюнтаризм, то есть понимание международного права как производного исключительно от воли государств. Международное право, построенное лишь на согласовании воль государств, по его мнению, демонстрирует «изолированность государств в международном сообществе», так как в этих условиях государства неспособны брать на себя обязательства, выходящие за пределы их постоянно меняющихся представлений о собственном интересе» [Carty 2005: 528]. В противовес такому подходу вьетнамский правовед призывает к «реализации интеграции каждого государства в объективный мир международного сообщества». Это предполагает признание «объективных социальных связей, выходящих за пределы государственного суверенитета» [Там же]. Стремление Нгуен Куок Диня «преодолеть волюнтаризм» и обосновать функционирование международного права через «объективные социальные связи» было созвучно поискам многих западных юристов-международников середины XX в., однако его концепция не лишена внутренних противоречий. Само по себе существование объективных социальных связей (экономических, политических, культурных и т. д.) не поро-

ждает автоматически признания государствами для себя международно-правовых обязательств. Без конкретного юридического закрепления таких обязательств в международном договоре или обычной норме международного права любой «объективный мир международного сообщества» остается скорее социологической или философской абстракцией, чем отражением действительного состояния международного права. Кроме того, критика Нгуен Куок Динем волюнтаризма не учитывала, что воля государства в международном праве — это не просто произвольное усмотрение, что убедительно продемонстрировано в отечественной науке проф. Г.И. Тункиным [Тункин 2014: 185—192]. Вместе с тем признание им объективных социальных связей, выходящих за пределы государственного суверенитета, воплотилось в реальной практике государств — в частности, в европейской интеграции. В универсальном масштабе концепция «международного сообщества как целого» нашла, как представляется, также отражение в обязательствах *erga omnes* («по отношению ко всем»).

Практика международных организаций также подтвердила продуктивность подхода, акцентирующего «объективные связи». Деятельность ООН по поддержанию мира, международно-правовые режимы нераспространения ядерного оружия, универсальные международные договоры в сфере охраны окружающей среды строятся на признании того, что отдельное государство не может в одиночку решать глобальные проблемы, а его интерес объективно связан с интересами других участников. Таким образом, несмотря на теоретическую уязвимость в части абсолютизации «объективности», общая направленность мысли Нгуен Куок Диня оказалась созвучной магистральному пути развития современного международного правопорядка.

Нгуен Куок Динь выступал с критикой элементов естественно-правовой доктрины Л. Ле Фюра и социологии международного права Ж. Сселя. Метафизические основания международного права в доктрине первого признаются им столь же «дестабилизирующими», как и волюнтаристские подходы, а доктрина второго критикуется за радикальное отрицание реальной роли государства в международном правотворчестве в пользу индивидов, что оставляет материальные элементы права без возможности утверждения в формальных рамках [Carty 2005: 529]. По мнению вьетнамского ученого, социологическая теория международного права должна рассматривать право во всей полноте его политического, экономического и социального контекста, должна реалистически искать «чувство обязательности» (*sentiment of obligation*) в социальной среде, не сводясь к простой проекции «утопических надежд и убеждений ученых» [Там же].

Автор отвергает также волюнтаристскую концепцию формирования обычных норм международного права и утверждает собственный объективистский взгляд: формирование норм — это социологический процесс, который следует необходимой логике или отвечает социальной необходимости. Обычная норма возникает в результате «кристаллизации коллективного правосознания» (*cristallisation d'une prise de conscience juridique collective*), отмечал он. [Nguyen Quoc Dinh 1994: 325]. Такой подход, по мнению вьетнамского правоведа, позволяет обосновать всеобщую обязательность обычных норм международного права. Примечательно также, что автор критически оценивает существование импера-

тивных принципов международного права (*jus cogens*), полагая, что последние близки к «неприемлемому субъективизму» естественного права [Carty 2005: 530—531].

Предложенный взгляд, тем не менее, не представляется достаточно юридически обоснованным. Сама по себе такая «кристаллизация» не может породить обязательную обычную норму международного права без субъективного элемента (*opinio juris*), который проявляется в актах государств, их заявлениях, реакции на действия других государств. Как отмечено проф. А.Н. Вылегжаниным и проф. Р.А. Каламкаряном, «признание или принятие государством того или иного обычного правила в качестве нормы права обозначает выражение воли государства», согласие государства рассматривать такое обычное правило, обычную практику «как норму международного права» [Вылегжанин, Каламкарян 2012: 18]. Таким образом, «объективистский взгляд» вьетнамского юриста, сводящий формирование обычая к бессубъектному социологическому процессу, игнорирует решающую роль согласованной воли государств, без которого любая повторяющаяся практика остается лишь обыкновением, международной вежливостью или даже случайным совпадением поведения, но не приобретает качество правовой нормы. Критика же *jus cogens* опровергается не только положениями Венской конвенции о праве международных договоров (Ст. 53, 64)[1], но и практикой Международного Суда ООН. Ныне не будет преувеличением говорить о том, что существование императивных принципов международного права является общепризнанным [Абашидзе 2017: 27—29].

Нгуен Куок Динь также отдает предпочтение социологическому, но не юридическому определению государства. Именно оно, по его мнению, отражает фактическое, историческое происхождение государства. При этом он указывает, что для определения элементов государства из терминов «нация», «народ», «население» приемлем только последний. Возникновение же государства, согласно этому подходу, не регулируется международным правом [Carty 2007].

Следует иметь в виду, впрочем, что изложенные взгляды вьетнамского ученого являются во многом следствием своей эпохи, то есть раннего этапа истории современного международного правопорядка на основе Устава ООН (1950-е гг.). Лишь последующая практика государств, международных межправительственных организаций, международных органов по разрешению межгосударственных споров смогла эмпирически опровергнуть некоторые из высказанных им тезисов.

Заключение

Жизненный и творческий путь Нгуен Куок Диня представляет собой пример сочетания глубокой теоретической рефлексии с непосредственным участием в сложнейших политико-правовых процессах своего времени. Пройдя путь от профессора французских университетов до министра иностранных дел и дипломатического представителя, он неизменно стремился к утверждению суверенитета

[1] Венская конвенция о праве международных договоров. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

Вьетнама, используя для этого инструменты как дипломатии, так и науки международного права, что свидетельствует о последовательной патриотической позиции, подкрепленной юридическим профессионализмом.

Вклад вьетнамского правоведа в науку международного права не исчерпывается сугубо теоретическими построениями. Его работы по привилегиям и иммунитетам международных организаций, правовому режиму международных рек, международному морскому праву и проблемам контроля за соблюдением международных соглашений[1] сохраняют ценность как источники, фиксирующие состояние современного международного права в ранний период его прогрессивного развития. Вместе с тем, как отмечается вьетнамскими авторами, культурные ценности национальной солидарности, уважения к знаниям и общинной ориентации [Nguyen Duy Quynh 2025: 21], пронизывающие его деятельность, служат важным напоминанием о том, что за формально-юридическими конструкциями международного права всегда стоят живые судьбы народов и их стремление к независимости во внутренних и внешних делах.

Жизнь ученого оборвалась вскоре после падения Сайгона в апреле 1975 г., оставив неоконченными многие научные замыслы. Однако его наследие как теоретика, стоявшего у истоков современных дискуссий о соотношении социологического и позитивистского подходов в науке международного права, продолжает привлекать внимание исследователей, стремящихся осмыслить эволюцию международно-правовой мысли XX столетия.

В заключение с сожалением надо отметить, что, несмотря на широкое признание, его главный труд «Международное публичное право» по-прежнему, как следует из доступных источников, не переведен на вьетнамский язык, что является большим упущением для интеллектуального наследия вьетнамской юридической науки.

Список литературы

Абашидзе А.Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19—30. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-19-30.

Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3: Европа. Америка: XVII—XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд; руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. 829 с.

Баскин Ю.Я. Очерки по философии права: учеб. пособие. СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2006. 142 с.

Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. № 2. С. 5—29. DOI: 10.24833/0869-0049-2012-2-5-29.

Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. Вып. № 9. М.: Научный эксперт, 2010. 128 с.

[1] Эти работы опубликованы в различных изданиях Французского ежегодника международного права.

История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. 944 с.

История политических учений / под ред. С.Ф. Кечькьяна и Г.И. Федькина. М.: Госюриздат, 1960. 893 с.

Левин Д.Б. Основные проблемы современного международного права / под ред. Д.А. Гайдукова. М.: Госюриздат, 1958. 275 с.

Михеев Ю.Я. Индокитай: путь к миру (Индокитайские проблемы в свете современного международного права). М.: Международные отношения, 1977. 295 с.

Москаленко Г.Е. Развитие доктрины солидаризма во французской политико-правовой мысли XIX — начала XX в. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 4 (95). С. 340—345. DOI: 10.24412/1999-625X-2024-495-340-345.

Нгуен Куок Динь, Дайе П., Пелле А. Международное публичное право: в 2 т. Киев: Изд-во «Сфера», 2000.

Окара А.Н. Солидаризм: забытая идеология XXI в. // Политическая наука. 2013. № 4. С. 146—155.

Советский Союз и Вьетнам в годы первой Индокитайской войны. Женевская конференция. 1954 г.: Сб. документов и материалов / сост. О.А. Шашкова, А.В. Борисова, Е.В. Кобелев, И.Н. Ларина. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 678 с.

Солидаризм во Франции в период Третьей Республики: Леон Буржуа и Селестен Бугле / ред.-сост. А.Б. Гофман. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2017. 196 с.

Тункин Г.И. Теория международного права / под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2014. 416 с.

Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / ред. и сост. В.Н. Жуков. М.: Мир философии; Алгоритм, 2021. 904 с.

Шацкий Е. История социологической мысли / пер. с польского; общ. ред. А. Васильева. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 720 с.

Chuyện còn ít biết về Bác Hồ và Giáo sư Nguyễn Quốc Định [Малоизвестная история о дядюшке Хо и профессоре Нгуен Куок Дине] // SEAFIT. 18.05.2022. URL: https://seafit.org.vn/nhan-ngay-sinh-chu-tich-ho-chi-minh-19-5-1890-2022-chuyen-con-it-biet-ve-bac-ho-va-gs-nguyen-quoc-dinh/ (дата обращения: 27.03.2026). (На вьет. яз.)

Carty A. Conservative and Progressive Visions in French International Legal Doctrine // The European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No. 3. P. 525—537. DOI: 10.1093/ejil/chi129.

Carty A. Sociological Theories of International Law // Oxford Public International Law. URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e735 (дата обращения: 27.03.2026).

Carty A. The Yearning for Unity and the Eternal Return of the Tower of Babel // European Journal of Legal Studies. 2007. Issue 1. No. 4. URL: https://cadmus.eui.eu/server/api/core/ bitstreams/cc673af9-2787-5dda-a7df-6013931f4ca7/content (дата обращения: 27.03.2026).

Chuyện còn ít biết về Bác Hồ và Giáo sư Nguyễn Quốc Định // SEAFIT. 2022, 18 May. URL: https://seafit.org.vn/nhan-ngay-sinh-chu-tich-ho-chi-minh-19-5-1890-2022-chuyen-con-it-biet-ve-bac-ho-va-gs-nguyen-quoc-dinh/ (дата обращения: 27.03.2026). (На вьет. яз.))

Daillier P. Nguyen Quoc Dinh (1916—1976) // La Société française pour le droit international. Mise en ligne: octobre 2014. URL: https://sfdi.org/internationalistes/nguyen/ (дата обращения: 27.03.2026).

Duguit L. Law in the Modern State / transl. by F. Laski and H. Laski. New York: B.W. Huebsch, 1919. 245 p.

Fishel W.R. One Vietnam or Two? “A New Look at an Old Question” // The Virginia Quarterly Review. 1974. Vol. 50. No. 3. P. 348—367.

Fouillée A., Charmont J., Duguit L., Demogue R. Modern Legal Philosophy Series: Vol. VII: Modern French Legal Philosophy / transl. by F.W. Scott, J.P. Chamberlain. Boston: The Boston Book Company. 1916. 578 p.

The Geneva Accords 1954. [Part] III. Declassified per Executive Order 13526, Section 3.3 NND Project Number: NND 63316. By: NWD Date: 2011. URL: https://nara-media-001.s3.amazonaws.com/arcmedia/research/pentagon-papers/Pentagon-Papers-Part-III.pdf (дата обращения: 27.03.2026).

Học giả Nguyễn Quốc Định: Người Việt thành danh ở tuổi 34 trên đất Pháp [Ученый Нгуен Куок Динь: Вьетнамец, который сделал себе имя во Франции в возрасте 34 лет.] // Một Thế Giới [Один Мир]. July 20, 2017. URL: https://1thegioi.vn/hoc-gia-nguyen-quoc-dinh-nguoi-viet-thanh-danh-o-tuoi-34-tren-dat-phap-33671.html (дата обращения: 27.03.2026). (На вьет. яз.)

Kolb R. Theory of International Law. Bloomsbury Publishing PLC, 2016. 511 p.

Koskenniemi M. The Gentle Civilizer of Nations. The Rise and Fall of International Law 1870—1960. Cambridge University Press, 2004. 569 p.

Nguyen Duy Quynh. The Core Values of Vietnamese Political Culture // The Russian Journal of Vietnamese Studies. 2025. Vol. 9. No. 2. P. 18—31. DOI: 10.54631/VS.2025.92-685712

Nguyen Quoc Dinh. Droit International Public. Paris: L.G.D.J. [Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence], 1975. 808 p.

Nguyen Quoc Dinh. Droit International Public. 5th edition / ed. by Pellet A., Daillier P. Paris: L.G.D.J., 1994. 1317 p.

The Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by Fassbender B., Peters A., Peter S., Hogger D. Oxford University Press, 2012. 1228 p.

Pham Duc Thuan, Tran Minh Thuan. The first Indochina war (1946—1954) and the Geneva agreement (1954) // Cogent Arts & Humanities. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 1—10.

Vylegzhanin A.N., Sigauri-Gorsky E.R. The Role of Legal Research in the Codification and Progressive Development of International Law // Moscow Journal of International Law. 2025. № 3. P. 24—43. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-3-24-43.

Zeldin T. France, 1848—1945. Vol. 1: Ambition, Love and Politics. Oxford: The Clarendon Press, 1973. 823 p.

References

Abashidze A.Kh. (2017). Printsipy mezhdunarodnogo prava: problemy ponyatiino-soderzhatel’nogo kharaktera [Principles of International Law: Conceptual and Substantive Problems]. *Moscow Journal of International Law*, (4): 19—30. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-19-30. (In Russ.)

Antologiya mirovoi pravovoi mysli: v 5 t. T. 3: Evropa. Amerika: XVII—XX v. [Anthology of World Legal Thought: in 5 vols. Vol. 3: Europe. America: 17th—20th Centuries] (1999). Moscow: Mysl’. (In Russ.)

Baskin Yu.Ya. (2006). *Ocherki po filosofii prava* [Essays on the Philosophy of Law]. Saint Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin. (In Russ.)

Carty A. (2005). Conservative and Progressive Visions in French International Legal Doctrine. *The European Journal of International Law*, 16(3): 525—537. DOI: 10.1093/ejil/chi129.

Carty A. (2007). The Yearning for Unity and the Eternal Return of the Tower of Babel. *European Journal of Legal Studies*, 1(4). URL: https://cadmus.eui.eu/server/api/core/bitstreams/ cc673af9-2787-5dda-a7df-6013931f4ca7/content (accessed: 27.03.2026).

Carty A. (n.d.). Sociological Theories of International Law. In *Oxford Public International Law*. URL: https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e735 (accessed: 27.03.2026).

Chuyện còn ít biết về Bác Hồ và Giáo sư Nguyễn Quốc Định [A Little-Known Story about Uncle Ho and Professor Nguyễn Quốc Định]. *SEAFIT*, May 18, 2022. URL: https://seafit.org.vn/nhan-ngay-sinh-chu-tich-ho-chi-minh-19-5-1890-2022-chuyen-con-it-biet-ve-bac-ho-va-gs-nguyen-quoc-dinh/ (accessed: 27.03.2026). (In Vietnamese)

Daillier P. (2014). Nguyen Quoc Dinh (1916—1976). *La Société française pour le droit international*. Mise en ligne: octobre 2014. URL: https://sfdi.org/internationalistes/nguyen/ (accessed: 27.03.2026). (In French)

Duguit L. (1919). *Law in the Modern State* (F. Laski & H. Laski, trans.). New York: B.W. Huebsch.

Fishel W.R. (1974). One Vietnam or Two? "A New Look at an Old Question". *The Virginia Quarterly Review*, 50(3): 348—367.

Fouillée A., Charmont J., Duguit L., Demogue R. (1916). *Modern French Legal Philosophy* (F.W. Scott & J.P. Chamberlain, trans.). Boston: The Boston Book Company.

Học giả Nguyễn Quốc Định: Người Việt thành danh ở tuổi 34 trên đất Pháp [Scholar Nguyễn Quốc Định: A Vietnamese Who Made His Name at 34 in France]. *Một Thế Giới* [*One World*]. July 20, 2017. URL: https://1thegioi.vn/hoc-gia-nguyen-quoc-dinh-nguoi-viet-thanh-danh-o-tuoi-34-tren-dat-phap-33671.html (accessed: 27.03.2026). (In Vietnamese)

Ideologiya i filosofiya solidarizma. Materialy nauchnogo seminara. Vyp. 9 [*Ideology and Philosophy of Solidarism. Proceedings of the Scientific Seminar. Issue 9*]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2010. (In Russ.)

Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii [*History of Political and Legal Doctrines*]. 4th ed. V.S. Nersesyants (Ed.). Moscow: Norma, 2006. (In Russ.)

Istoriya politicheskikh uchenii [*History of Political Doctrines*]. S.F. Kechekyan & G.I. Fedkin (Eds.). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1960. (In Russ.)

Kolb R. (2016). *Theory of International Law*. Bloomsbury Publishing.

Koskenniemi M. (2004). *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870—1960*. Cambridge University Press.

Levin D.B. (1958). *Osnovnye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [*Fundamental Problems of Modern International Law*]. D.A. Gaidukov (Ed.). Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.)

Mikheev Yu.Ya. (1977). *Indokitai: put' k miru (Indokitaiskie problemy v svete sovremennogo mezhdunarodnogo prava)* [*Indochina: The Road to Peace (Indochinese Problems in the Light of Modern International Law)*]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)

Moscalenko G.E. (2024). Razvitie doktriny solidarizma vo frantsuzskoi politiko-pravovoi mysli XIX — nachala XX vv. [The Development of the Solidarist Doctrine in French Political and Legal Thought of the 19th — Early 20th Centuries]. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 30(4): 340—345. DOI: 10.24412/1999-625X-2024-495-340-345 (In Russ.)

Nguyen Duy Quynh (2025). The Core Values of Vietnamese Political Culture. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 9(2): 18—31. DOI: 10.54631/VS.2025.92-685712

Nguyen Quoc Dinh (1975). *Droit International Public*. Paris: L.G.D.J. [Librairie Générale de Droit et de Jurisprudence]. 808 p.

Nguyen Quoc Dinh (1994). *Droit International Public* (5th ed.). A. Pellet & P. Daillier (Eds.). Paris: L.G.D.J. 1317 p.

Nguyen Quoc Dinh, Daillier P., Pellet A. (2000). *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [*International Public Law*]. In 2 vols. Vol. 1. Kyiv: Sfera. (In Russ.)

Okara A.N. (2013). Solidarizm: zabytaya ideologiya XXI v. [Solidarism: A Forgotten Ideology of the 21st Century]. *Political Science*, (4): 146—155. (In Russ.)

Pham Duc Thuan, Tran Minh Thuan (2024). The first Indochina war (1946—1954) and the Geneva agreement (1954). *Cogent Arts & Humanities*, 11(1): 1—10. DOI: 10.1080/23311983.2024.2389592.

Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed. V.N. Zhukov (Ed.). Moscow: Mir filosofii, Algoritm, 2021. (In Russ.)

Shatsky E. (2018). *Istoriya sotsiologicheskoi mysli. Tom 1* [*History of Sociological Thought. Vol. 1*] (A. Vasiliev, trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Solidarism in France during the Third Republic: Léon Bourgeois and Célestin Bouglé. A.B. Gofman (Ed.). Moscow: KDU, Universitetskaya kniga, 2017. (In Russ.)

The Geneva Accords 1954. [Part] III. (2011). Declassified per Executive Order 13526, Section 3.3 NND Project Number: NND 63316. By: NWD Date: 2011. URL: https://nara-media-001.s3.amazonaws.com/arcmedia/research/pentagon-papers/Pentagon-Papers-Part-III.pdf (accessed: 27.03.2026).

The Oxford Handbook of the History of International Law. (2012). Fassbender B., Peters A., Peter S., Hogger D. (Eds.) Oxford University Press.

The Soviet Union and Vietnam during the First Indochina War. Geneva Conference. 1954: A Collection of Documents and Materials. O.A. Shashkova, A.V. Borisova, E.V. Kobelev, I.N. Larina (Comps.). Moscow: Political Encyclopedia, 2017. (In Russ.)

Tunkin G.I. (2014). *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. L.N. Shestakov (Ed.). Moscow: Zertsalo-M. (In Russ.)

Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. (2012). Znachenie mezhdunarodnogo obychaya v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Role of International Custom in the Contemporary International Law]. *Moscow Journal of International Law*, (2): 5—29. DOI: 10.24833/0869-0049-2012-2-5-29. (In Russ.)

Vylegzhanin A.N., Sigauri-Gorsky E.R. (2025). The Role of Legal Research in the Codification and Progressive Development of International Law. *Moscow Journal of International Law*, (3): 24—43. DOI: 10.24833/0869-0049-2025-3-24-43

Zeldin T. (1973). *France, 1848—1945. Vol. 1: Ambition, Love and Politics*. Oxford: The Clarendon Press.

Дата поступления статьи: 01.04.2026 Received: April 1, 2026
Дата поступления в переработанном виде: 08.06.2026 Received in revised form: June 08, 2026
Принята к печати: 15.07.2026 Accepted: Jule 15, 2026

Научное издание

ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2026. Т. 10. № 3

Выпускающий редактор: Цветов П.Ю.
Редактор: Мальцева О.И.
Компьютерная вёрстка: Тарасов С.Ю.
Дата публикации: 06.10.2026

Контакты:
Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН
E-mail: vietnamjournal@yandex.ru
Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!
Электронные версии книг, издаваемых ИКСА РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: http://www.iccaras.ru